

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Вестник
КАЛМЫЦКОГО
УНИВЕРСИТЕТА

4(44)/2019

ВЕСТНИК КАЛМЫЦКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Научный журнал

ISSN 1995-0713

Основан в 2006 году
Периодичность выхода 4 раза в год

Учредитель:

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Калмыцкий государственный университет им. Б.Б. Городовикова»

№4(44) 2019

Журнал входит в «Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук»

ВАК Министерства образования и науки Российской Федерации.

(№333, дата включения в перечень – 28.12.2018 г.).

Группы научных специальностей:

07.00.02 – Отечественная история (исторические науки), 07.00.06 – Археология (исторические науки), 09.00.11 – Социальная философия (философские науки), 09.00.13 – Философская антропология, философия культуры (философские науки), 09.00.14 – Философия религии и религиоведение (философские науки), 10.02.02 – Языки народов Российской Федерации (филологические науки), 10.02.19 – Теория языка (филологические науки), 10.02.20 – Сравнительно-историческое типологическое и сопоставительное языкознание (филологические науки).

Редакционный совет:

д-р биол. наук *Б.К. Салаев* (председатель); д-р экон. наук, проф. *Э.И. Мантаева* (зам. председателя); канд. пед. наук, доц. *З.Б. Доржинова* (ред. англ.); канд. пед. наук *Э.В. Эрдниева* (отв. секретарь).

Редакционная коллегия:

д-р ист. наук, проф. *В.Б. Убушаев* (гл. редактор); д-р филос. наук *В.Н. Бадмаев* (зам. гл. редактора); д-р филол. наук, проф. *Т.С. Есенова* (зам. гл. редактора); д-р ист. наук, проф., член-корр. РАН *Х.А. Амирханов*; д-р ист. наук, проф., академик НАН РК *Б.А. Байтанаев*; д-р филол. наук, проф. *П.Ц. Биткеев*; д-р филос. наук, проф. *З.Т. Голенкова*; д-р филос. наук, проф. *Г.В. Драч*; д-р филол. наук, проф., член-корр. РАН *А.В. Дыбо*; д-р филос. наук, проф. *З.Н. Исмагамбетова*; д-р ист. наук, проф. *М.Е. Колесникова*; д-р ист. наук *П.М. Кольцов*; д-р ист. наук, проф. *А.Н. Команджаев*; д-р филол. наук, проф. *Г.Ц. Пюрбеев*; д-р филол. наук, доц. *Г.В. Файзиева*; д-р филос. наук *М.С. Уланов*; д-р филол. наук, проф. *Е.Э. Хабунова*; д-р ист. наук, проф. *А.В. Цюрюмов*.

THE MINISTRY OF SCIENCE AND HIGHER EDUCATION OF THE RUSSIAN FEDERATION

BULLETIN OF KALMYK UNIVERSITY

SCIENTIFIC JOURNAL

ISSN 1995-0713

The journal was founded in 2006
The journal is issued four times a year

Founder:

Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education
“Kalmyk State University named after B.B. Gorodovikov”

№4(44) 2019

This peer-reviewed journal is included into the list of periodicals recommended for publishing doctoral research results by the Higher Attestation Commission of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation (№333, the date the journal was included into the list – December 28, 2018)

Branches of science:

07.00.02 – History of Russia (historical sciences), 07.00.06 – Archeology (historical sciences), 09.00.11 – Social philosophy (philosophical sciences), 09.00.13 – Philosophical anthropology, philosophy of culture (philosophical sciences), 09.00.14 – Philosophy of religion and religious studies (philosophical sciences), 10.02.02 – Languages of the peoples of the Russian Federation (philological sciences), 10.02.19 – Linguistics (philological sciences), 10.02.20 – Comparative-historical typological and contrastive linguistics (philological sciences).

Editorial board:

Doctor of Biological Science *B.K. Salaev* (Chairman); Doctor of Economics, Professor *E.I. Mantaeva* (Deputy Chairman); Candidate of Pedagogics, Assistant Professor *Z.B. Dorzhinova* (English version); Candidate of Pedagogics *E.V. Erdnieva* (executive secretary).

Editorial council members:

Doctor of History, Professor *V.B. Ubushaev* (Editor-in-Chief); Doctor of Philosophy *V.N. Badmaev* (Deputy Editor-in Chief); Doctor of Philology, Professor *T.S. Esenova* (Deputy Editor-in Chief); Doctor of History, Professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Science *H.A. Amirchanov*; Doctor of History, Professor, Member of the Academy of the National Academy of Science of the Republic of Kazakhstan *B.A. Baitanaev*; Doctor of Philology, Professor *P.Ts. Bitkeev*; Doctor of Philosophy, Professor *Z.T. Golenkova*; Doctor of Philosophy, Professor *G.V. Drach*; Doctor of Philology, Professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Science *A.V. Dybo*; Doctor of Philosophy, Professor *Z.N. Ismagambetova*; Doctor of History, Professor *M.E. Kolesnikova*; Doctor of History, Professor *P.M. Koltsov*; Doctor of History, Professor *A.N. Komandjaev*; Doctor of Philology, Professor *G.Ts. Pyurbeev*; Doctor of Philology, Assistant Professor *G.V. Fayzieva*; Doctor of Philosophy, Professor *M.S. Ulanov*; Doctor of Philology, Professor *E.E. Habunova*; Doctor of History, Professor *A.V. Tsyuryumov*.

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ И АРХЕОЛОГИЯ

Авлиев В.Н., Надбитов М.В.

Проблемы трудоустройства калмыков-спецпереселенцев
в восточных регионах СССР (на примере Омской области)6

Амаева Д.В., Мацакова Н.П., Оконова Л.В.

Экологические аспекты экономики Калмыцкой степи Астраханской губернии
в XIX веке 13

Байтанаев Б.А., Ергешбаев А.А., Шаяхметов А.Х.

Сторожевые холмы в фортификации юга Казахстана21

Болгов Н.Н., Сеница М.М.

Повседневная жизнь высших византийских сановников в VI веке
(по Иоанну Лиду)30

Джагаева О.А.

История формирования нормативно-правовой базы российско-монгольского
приграничного сотрудничества в 1990-х гг. – начале 2000-х гг.41

Команджаев А.Н., Лиджеева К.Ф., Олчанова Ц.В.

Образовательная сфера национальных районов Юга России
в период формирования советского социума (1920-е – 1930-е гг.)47

Настинова Г.Э.

Номадное животноводство как основа системы жизнеобеспечения
калмыцкого народа55

Торопицын И.В., Сусеева Д.А., Кундакбаева Ж.Б.

Шаткий мир: казахско-калмыцкие отношения в начале 1740-х гг.63

Цуцулаева С.С., Мамсурова М.Ш.

Деятельность оргкомитета по восстановлению Чечено-Ингушской АССР
в 1957-1958 гг. (в сфере народнохозяйственного строительства
и культурного просвещения)69

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Бадмаева З.В., Голубева Е.В., Карбушева И.В.

Повторы в калмыцких и русских благопожеланиях78

Кадыркулова У.К., Монраев М.У., Мушаев В.Н.

Проблемы становления письменности в Советскую эпоху
(на примере калмыцкого и киргизского языков)85

Очирова Н.Ч., Мукабенова Ж.А., Шаранова Н.Н. Лексика, отражающая традиционную пищу калмыков (этнолингвистический аспект).....	93

Шанаева Л.Б. Средства воздействия в политическом тексте (калмыцко-русско-английские эквиваленты)	100

ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ

Бадмаев В.Н., Пурэвсүрэн Б. Феномен идентичности и этнокультурное многообразие народов в регионе (по материалам социологического исследования в Республике Калмыкия).....	108

Даржинова С.В., Ковалева Т.И., Бембеева Н.А. Философское осмысление сетевой образовательной деятельности	115

Овшинов А.Н. Парадоксы морального поведения в мировом политическом процессе (к вопросу о «двойных стандартах» в современной политике).....	122

Усалко О.В., Кальдинова Г.П. Гендерное равенство и буддийская культура.....	134

Эрендженова Ю.Ю. Интенции сознания ойратов и тибетцев в процессе их религиозного взаимодействия	141

НАУЧНЫЕ МЕРОПРИЯТИЯ	148

НОВЫЕ ПУБЛИКАЦИИ	149

ОБ АВТОРАХ	151

ABOUT THE AUTHORS	156

CONTENTS.....	160

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ И АРХЕОЛОГИЯ

УДК 94 (571.1)(=512.37)
ББК 63.3(2РосОмск) 6-36

В.Н. Авлиев, М.В. Надбитов

Калмыцкий государственный университет им. Б.Б. Городовикова

ПРОБЛЕМЫ ТРУДОУСТРОЙСТВА КАЛМЫКОВ-СПЕЦПЕРЕСЕЛЕНЦЕВ В ВОСТОЧНЫХ РЕГИОНАХ СССР (НА ПРИМЕРЕ ОМСКОЙ ОБЛАСТИ)

*Исследование выполнено при финансовой поддержке КалмГУ им. Б.Б. Городовикова
в рамках научно-исследовательского внутривузовского гранта № 1107
«Трудовой вклад калмыков-спецпереселенцев в победу в Великой Отечественной войне»*

Вот уже почти восемь десятилетий прошло с тех пор, как калмыцкий народ был насильственно и по огульному обвинению выслен в восточные регионы (или как писали в Указе Президиума Верховного Совета ССР №115/144 «О ликвидации Калмыцкой АССР и образовании Астраханской области в составе РСФСР» от 27 декабря 1943 г. – «другие районы») нашей необъятной страны в середине XX в. В данной работе рассматриваются вопросы трудоустройства и трудового положения калмыков-спецпереселенцев, депортированных в Омскую область в годы Великой Отечественной войны. Калмыки были заняты в различных отраслях советской промышленности и в сельскохозяйственном секторе экономики. Стоит отметить, что Омская область была одной из крупнейших областей СССР, включавшая до 1944 г. и современную Тюменскую область с северными Ямало-Ненецким и Ханты-Мансийским округами. В связи с этим дисперсность территориального расположения калмыков-спецпереселенцев в крупнейшей области Западно-Сибирского региона была весьма очевидной. Все эти сложнейшие годы, можно сказать, годы «выживания», калмыки-спецпереселенцы были заняты в основном на трудоемких работах.

Ключевые слова: депортация, калмыки, восточные регионы СССР, Сибирь, Омская область, товарищи, совхоз, материальное положение, продукты, рыбопромышленный район, труд калмыков-спецпереселенцев.

V.N. Avliev, M.V. Nadbitov

Kalmyk State University named after B.B. Gorodovikov

LABOR ISSUES FOR KALMYKS DEPORTED TO EASTERN PART OF THE SOVIET UNION (ON THE EXAMPLE OF OMSK OBLAST)

The article highlights the research concerning labor issues of Kalmyks deported to Omsk oblast during World War II. Eighty years ago Kalmyks were expelled from southern parts of the Russian Federation to eastern regions of the Soviet Union according the Decree of the Presidium of Supreme Soviet №115/144. They worked mostly in agricultural sector of Soviet economy and fisheries. Omsk oblast occupied a vast territory in the eastern part of the country including a big Tyumen region, Yamalo-Nenets and Khanty-Mansi Autonomous Okrug until 1944. Kalmyks were dispersed along this vast Eastern Siberian territory. They had lived through some very harsh times which meant very hard work.

Key words: deportation, the Kalmyks, the eastern regions of the USSR, Siberia, the Omsk region, comrades, state farm, financial situation, products, fishing region, labor of Kalmyks-special resettlers.

Проблема депортации калмыцкого народа нередко привлекает внимание ученых-историков. Причем немалый вклад в изучение внесли как ученые из Калмыкии, так и исследователи из других регионов нашей страны.

Весьма отрадно отметить, что вопросы депортации степняков в годы ВОВ рассматривают в последнее время историки из сибирских регионов. Причем они в своих трудах уделяли внимание и нашему предмету исследования – трудовые будни калмыков-спецпереселенцев и их устройство на работу. Например, стоит отметить работы А.С.Иванова [10], В.А.Кышпанаква [11].

При выборе тематики настоящего исследования нами был сделан акцент именно на проблеме трудоустройства калмыков-спецпереселенцев, которая не так часто, как хотелось бы, была объектом исследования до настоящего времени. Данную проблему, кроме вышеназванных сибирских историков, исследовали в своих фундаментальных трудах и известнейшие специалисты в этой области: В.Б. Убушаев [17; 18; 19], К.Н. Максимов [14; 15], И.В. Лиджиева [12; 13], Г. Д. Пюрбеева [16], В.В. Батыров [3], В.Н. Авлиев [1; 2] и другие.

В качестве источников, помимо опубликованных работ, послужили архивные материалы, хранящиеся в Государственном историческом архиве Омской области (сокращенно – ГИАОО).

Территориальные рамки нашего исследования ограничиваются Омской областью. Данная советская область взята нами не только из-за большого числа калмыков-спецпереселенцев, оставленных в ее пределах (практически каждый четвертый калмык был выселен в этот Западносибирский регион), но и из-за ее огромных просторов, которые включали не только саму Омскую область в современных пределах, но и Тюменскую область с ее северными территориями и границами, примыкающими к Северному Ледовитому океану.

Считаем, что весьма целесообразно использовать ретроспективный и герменевтический методы исследования в рамках как истории в целом, так и истории повседневности в частности.

После прибытия немалого числа калмыков в Омскую область началась кропотливая работа местных органов власти для их обустройства на новых местах расселения, в том числе и для трудоустройства. Поселение на новом месте было началом нового этапа в жизни спецпереселенцев, который ознаменовал собой адаптацию к новым условиям, к чуждой калмыкам культурой, к непривычным природным условиям.

Отметим, что уже в Постановлении СНК СССР №1432/425 сс «О выселении калмыков, проживающих в Калмыцкой АССР» от 28 декабря 1943 г. говорилось о расселении спецпереселенцев-калмыков в основном в сельском ... и рыболовецких хозяйствах [10, с.22-23].

Профессор В. Б. Убушаев писал о том, что практически во всех сферах производства регионов труд спецпереселенцев широко использовался [17, с.532]. Причем НКВД трудоспособных спецпереселенцев распределял по ряду категорий. В первую входили «социально опасные», враждебно настроенные, которые на работу в оборонные и государственные предприятия не допускались. Во вторую категорию входили все остальные, которых в общем порядке трудоустроивали [17, с.532].

Несколько подробнее писал об этом и А.С. Иванов. Он указывал, что на основании инструкций ведомственного характера был сужен спектр работ для спецпереселенцев [10, с.215].

Вместе с тем разъяснялось, что «спецпереселенцы в промышленных предприятиях, в том числе на заводах оборонной промышленности, как правило, могут быть использованы на строительных и подсобных работах. Разрешается также использование спецпереселенцев в механических цехах предприятий (за исключением взрывоопасных),

решая вопрос об их допуске в каждом отдельном случае, исходя из местных условий и обеспечивая за ними тщательное агентурное наблюдение». Так обеспечивалось очищение производства от «антисоветских элементов» [10, с.215].

Заметим, что трудовая деятельность спецпереселенцев регламентировалась «Правилами» от 8 марта 1944 г. [13, с.34]. Однако, как отмечает И. В. Лиджиева, получить квалифицированную рабочую профессию было практически невозможно, вследствие чего их производительность труда в первые годы ссылки составляла 30-60% от нормы [13, с.35].

Однако отметим, что местные органы власти далеко не всегда спешили выполнять данный циркуляр, что еще больше усугубляло бедственное положение спецпереселенцев в целом и калмыков в особенности [11, с.47].

Наибольшее число специалистов из разных отраслей народного хозяйства как в абсолютном, так и в относительном выражении было среди немецких спецпереселенцев. Среди калмыков, с учетом их половозрастного и социального состава, их было чрезвычайно мало [11, с.47].

Один из официальных документов красноречиво говорил о заселении калмыками северных районов Омской области. Так, по решению №12 «О переселении спецпереселенцев калмыков в рыбопромышленные районы области» заседания бюро Омского ОК ВКП (б) от 18 мая 1944 г. было сделано следующее:

«В соответствии с постановлением ГКО от 18 января 1944 г. “О подготовке к весенней путине и увеличении добычи соли рыбы в 1944 г. по Наркомрыбпрому СССР”.... бюро обкома ВКП (б) и исполком ОСДТ ПОСТАНОВЛЯЕТ:

1. Утвердить План завоза спецпереселенцев-калмыков в рыбопромышленные районы области для работы на предприятиях рыбной промышленности и в рыболовческих хозяйствах в количестве 18.718 человек, из них трудоспособных 8960 человек (согласно приложениям №№1 – 7)» [6, л.17].

Таким образом, более 18 тысяч калмыков были отправлены в очень суровые климатические и трудовые условия Крайнего Севера, сложнейшие с точки зрения выживания для решения важнейших задач советского государства – добычи рыбы, ее обработка для нужд населения и добыча соли. Причем цифра, равная примерно 9 тысячам трудоспособных людей, была весьма большой в то время. Соглашается с этими данными и Н.Ф. Бугай, который писал, что более половины каспийских степняков в области было расселено в ее северных округах [4, с.65-74, 88].

О трудностях устройства на работу в суровых климатических условиях писал в своем обращении Д.П. Пюрвеев на имя главы государства – И.В. Сталина. Так, он подчеркивал, что калмыки, ввиду своего непривычного положения и весьма резко отличающейся от родных мест обстановки, без имущества важного для выживания в суровых сибирских погодных условиях находились в плачевном физическом и духовном состоянии. Причем он предполагал определенное негативное влияние новых климатических условий [5, л.184-186, 188].

Отметим, что похожая ситуация была и в Красноярском крае, о которой красноречиво писал хакасский историк В.А.Кышпанак. В частности, он упоминал, что весьма сложно было западно-монгольским степнякам, которые были отправлены на север их края на промыслы рыбной направленности [11, с.46]. Как отмечал В.Б.Убушаев, это (т.е. переброска калмыков в районы Крайнего Севера – В.А., М.Н.) было сделано по просьбе наркома рыбной промышленности СССР, который обратился к руководству НКВД под предлогом того, что война еще продолжалась и для солдат и офицеров Советской Армии нужны были рыбные консервы, а калмыки, кроме того, были еще и прекрасными рыбаками [18, с.64].

Вторым пунктом в архивном документе было поручение, которое было дано конкретным лицам, а именно председателям так называемых окрисполкомов и управляющим государственными рыбтрестами по обустройству степняков, в том числе и по трудовому вопросу [6, л.17].

Отметим, что во время следования на Крайний Север на пароходах калмыкам-спецпереселенцам было обеспечено двукратное горячее питание и медицинское обслуживание [6, л.17].

В одном из докладной начальника УНКВД Омской области полковника госбезопасности т. Захарова на имя секретаря ОБКОМА ВКП (б) т. Кузнецова можно увидеть, какое было положение калмыков-спецпереселенцев в Омской области, а также проблема их трудоустройства.

Документ: «Докладной запиской №15598 от 31/X-1944 г. информировали Вас, что в соответствии с проведенной проверкой состояние жилищно-бытовых условий и хозяйственное устройство спецперселенцев-калмыков совершенно неудовлетворительное.

Поступающие из мест сигналы свидетельствуют о том, что улучшений в этих вопросах нет, а наоборот, положение с каждым днем ухудшается.

Отпущенные в июне 1944 г. кредиты на индивидуальное строительство, которые максимально должны улучшить жилищные условия, недопустимо медленно осваиваются в районах расселения. Всего освоено 28,3 % . В то время как калмыки живут скученно и в совершенно непригодных для жилья помещениях.

Выдача скота составляет 63 %, но и в этом случае не оказывается помощь в сохранении скота /необеспеченность кормами, утепленными стойлами/, вследствие этих причин имеет место убоя и продажи полученного скота. Примерно 25-30 % спецпереселенцев-калмыков не трудоустроены, и вопросами максимального охвата работой и повышения производительности труда никто не занимается.

Из 184 человек специалистов, не работает вообще 34 человека, а многие используются не по специальности, как трактористы, комбайнеры, учителя.

Многие из быв. ответственных партийно-советских работников используются на рядовых работах, так: УЛЮМДЖИНОВ Эрдни б/зав.орг.инструкторских отд. РК ВКП (б) – сейчас работает бригадиром совхоза Ульяновского района, в Исилькульском районе СЕРГЕЕВ Дорджи б/пред. РИКа – сейчас зоотехник, БАДМАЕВ Булахан – быв.иснтруктор Обкома – не работает. САЛЫКОВ Толташ – б/зав.отд. РК ВКП (б) – сейчас весовщик Заготзерно, САНГАДЖИЕВ Хора б/Военком – сейчас статист-кассир Конезавода, УТАЕВ Утул б/инструктор РК ВКП (б) – сейчас колхозник.

В Москаленском районе БАТЫРОВ Сергей б/первый секретарь РК ВКП (б) – сейчас председатель колхоза. САНГАДЖИЕВ Дермен б/ответ. редактор районной газеты – сейчас счетовод колхоза. ЛИДЖИЕВ Бодия б/инструктор РК ВКП (б) – сейчас пастух колхоза «3-я Пятилетка». И ряд бывших ответственных работников используется на рядовых работах.

Между тем, как в указаниях Наркома Внутренних Дел СССР тов. Л.П. БЕРИЯ, прямо говорится об использовании б/ответственно партийно-советских работников в Калмыкии на руководящей Советско-хозяйственной работе в районах расселения, а при невозможности переводить в другие районы.

На местах о перечисленных серьезных недостатках известно, однако районные партийно-советские организации мер к устранению их не принимают.

Нахождение в дальнейшем в таком состоянии калмыков, помимо антисоветских и пораженческих настроений, которые сейчас фиксируем, может привести к более нежелательным последствиям.

Вторично информируя – о состоянии калмыков, прошу принятия срочных мер» [8, л.124 – 124 об.].

Анализируя данный документ, можно сказать следующее. Во-первых, несмотря на запланированные мероприятия, по официальным документам, состояние жилищно-бытовых условий и хозяйственное устройство калмыков-спецпереселенцев либо не изменялось, либо становилось еще хуже. Известный ученый Н.Ф. Бугай в своем труде отмечал, что степняки-спецпереселенцы жили порою в шалашах. Из-за невыносимых для жизни условий возникали многие болезни, иногда эпидемического характера (например, сыпной тиф). Отсюда, возможно, самая высокая смертность среди спецпереселенцев всех национальностей [4, с.65-74, 88].

Во-вторых, помещения для жилья были недостаточными по площади для проживания, а нередко даже и непригодными. Можно предположить лишь то, что медленное освоение кредитов для жилья калмыкам-спецпереселенцам было связано либо с халатностью чиновников, либо с банальной коррупцией и воровством. В подтверждение данного вывода, дабы он не был огульным и голословным, приведем отрывок из другого архивного документа. Так, в Называевском районе Омской области секретарь партийного органа власти товарищ Гриценко докладывал в вышестоящую инстанцию о том, что в одном из совхозов Называевского района товарищ Постников оставил для своей семьи 9 кг крупы, а 60 кг этого же продукта питания, которая изначально была предназначена степнякам-спецпереселенцам, отдал вышестоящему начальству совхоза. Также не были обустроены бани и жилые помещения для степняков. В конце концов, чиновник приходит к выводу о том, что совокупность таких негативных фактов в отношении спецпереселенцев создала нестерпимую обстановку для последних [7, л.36].

В-третьих, около трети калмыков-спецпереселенцев не трудоустроены, причем решение этого злободневного вопроса никто не занимался.

В-четвертых, многие калмыки используются не по специальности, например, задействованы в таких профессиях, как тракторист, комбайнер, учитель.

В-пятых, по нашему мнению, было налицо со стороны местных властей нецелевое использование трудовых ресурсов (также можно применить и такое словосочетание, как неэффективное использование трудовых ресурсов) или принижение профессиональной компетенции многих калмыков. Так, многие из бывших ответственных партийно-советских работников были использованы на рядовых работах. О похожей ситуации с калмыками-спецпереселенцами в Хакасской автономной области Красноярского края говорил и В.А.Кышпанак. Он сделал, в частности, вывод о том, что степняки-спецпереселенцы исходя из социального, возрастного и гендерного состава обладали небогатой совокупностью специалистов в своей среде. Также он констатировал факт, что местные власти игнорировали при трудоустройстве тех степняков, которые в своем недавнем прошлом занимали должности органов госбезопасности и партийных органов власти [11, с.47]. В трудах Г.Д. Пюрбеевой находим похожие данные. Она писала о том, что представители интеллигенции и высоких рабочих специальностей в совершенно равных условиях были задействованы на чернорабочих специальностях. Она приходит к выводу о том, что было немало фактов «неразумного неэффективного использования труда» бывших степняков [16, с.27].

Далее она пишет: «Калмыки более чем на 90 % являлись скотоводами. Однако их направляли работать в шахты, на рудники, на лов рыбы в северных реках зимой, где они в большинстве своем и погибали. На тяжелых работах использовали труд женщин и детей» [16, с.27]. Отчасти с ней можно согласиться. Хотя считаем, что к середине XX в. калмыки были заняты не только в скотоводстве.

Можно отметить, что власти в условиях нехватки рабочих рук во время войны «затыкали» так называемые рабочие «дырь». Однако мы останемся при своем мнении. В документе указано: «...Между тем, как в указаниях Наркома Внутренних Дел СССР тов. Л.П. БЕРИЯ, прямо говорится использование б/ответственно партийно-советских работников в Калмыкии на руководящей Советско-хозяйственной работе в районах расселения, а при невозможности переводить в другие районы» [8, л.124 об].

Также весьма проблематичным было правовое положение трудоустроенных степняков. Об этом писал историк А. С. Иванов. Так, им найдены в архивах факты того, что до 1945 г. степняки-спецпереселенцы не были включены в систему социального страхования [10, с.214].

Поэтому в постановлении СНК от 8 января 1945 г. «О правовом положении спецпереселенцев» потребовалось вновь подтвердить трудовое «равноправие», провозгласить, что «спецпереселенцы пользуются всеми правами граждан СССР...», а за «нарушение трудовой дисциплины спецпереселенцы привлекаются к ответственности в соответствии с существующими законами» [10, с.214].

Итак, в результате проведенного исследования можно прийти к таким выводам: с самого начала депортации калмыков была официально прописана приоритетность трудоустройства спецпереселенцев в области сельского и рыболовецкого хозяйства; калмыки были поделены на две категории при трудоустройстве; трудовая деятельность всех спецпереселенцев регламентировалась специально разработанными для них правилами; местные органы власти медленно трудоустроивали калмыков-спецпереселенцев. В Омской области более половины калмыков-спецпереселенцев были отправлены на север области (окраина и сам Северный Ледовитый океан) для трудоустройства в рыбопромышленные хозяйства. Отметим сложнейшую адаптацию степняков к столь суровым природным условиям. Несмотря на запланированные мероприятия, только по официальным документам состояние жилищно-бытовых условий и хозяйственное устройство калмыков-спецпереселенцев либо не изменялось, либо становилось еще хуже. В исследуемой нами Омской области помещения для жилья были недостаточными по площади для проживания, нередко даже и непригодными. Можно предположить лишь то, что медленное освоение кредитов для жилья калмыкам-спецпереселенцам было связано либо с халатностью чиновников, либо с банальной коррупцией и воровством. Около трети калмыков-спецпереселенцев не были трудоустроены, причем решением этого злободневного вопроса никто не занимался; к тому же многие калмыки работали не по специальности; весьма проблематичным было и правовое положение трудоустроенных калмыков.

Список литературы

1. Авлиев В. Н. Депортация калмыков по опубликованным источникам / В. Н. Авлиев, В.Б. Убушаев // Вестник Калмыцкого университета. – 2014. – №4 (24). – С.6-12.
2. Авлиев В.Н., Убушаев В.Б. «В начале было Слово...» о проблемах историографии и источников депортации калмыков в 1943 – 1957 гг. – Элиста: КалмГУ, 2012. – 80 с.
3. Батыров В. В. Выселение калмыков Яшалтинского района Калмыцкой АССР в 1943 г. по устным источникам / В. В. Батыров // Репрессированные народы: история и современность. Материалы Всероссийской научной конференции (г. Элиста, 26-28 ноября 2013 г.). – Элиста: КИГИ РАН, 2013. Ч. 1. – С.112-115.
4. Бугай Н. Ф. Л. Берия – И. Сталину: «Согласно Вашему указанию...». [О депортации народов в СССР в 30-40-е гг.] / Н. Ф. Бугай; Ассоц. исследователей рос. общества XX в. – М. : АИРО-XX, 1995. – 319 с.

5. Государственный архив Российской Федерации. Фонд Р – 9401. «Секретариат НКВД – МВД СССР». Опись 1. Дело 2181.

6. Государственный исторический архив Омской области. Фонд П – 17. «Омский областной комитет КПСС (ВКП (б))». Опись 1. Дело 3833. «Протокол №376 заседания бюро обкома ВКП (б)».

7. Государственный исторический архив Омской области. Фонд П – 17. «Омский областной комитет КПСС (ВКП(б))». Опись 1. Дело 3834. «Документы к протоколу №376 заседания бюро обкома партии (планы, справки, докладные записки, списки)».

8. Государственный исторический архив Омской области. Фонд П – 17. «Омский областной комитет КПСС (ВКП(б))». Опись 1. Дело 3919. «Документы органов внутренних дел, органов безопасности и милиции предоставленные в обком ВКП (б) по вопросам борьбы с нарушениями советского законодательства (справки, докладные записки, сообщения, переписка). Том II».

9. Депортация калмыков (декабрь 1943 – январь и март 1944) // Сталинские депортации. 1928 – 1953. Под общей редакцией академика А.Н. Яковлева. Сост. Н.Л. Поболь, М.Н. Полян. – М.: МФД: Материк, 2005. С.410-434.

10. Иванов А. С. Практика принудительного труда спецпереселенцев (вторая половина 1940-х – 1950-е) / А. С. Иванов // Иркутский историко-экономический ежегодник: 2015. – Иркутск: БГУ, 2015. – С.213-220.

11. Кышпанаков В. А. Калмыцкие спецпереселенцы на трудовом фронте в Хакасии в годы Великой Отечественной войны и послевоенное время / В.А. Кышпанаков // Вестник Калмыцкого университета. – 2019. – №1 (41). – С.44-54.

12. Лиджиева И. В. Воспоминания спецпереселенцев как источник по реконструкции истории депортации / И. В. Лиджиева // Полевые исследования. – 2014. – №2. – С.142-149.

13. Лиджиева И. В. Правовой статус спецпереселенцев в СССР в 40–50-е гг. XX в. / И. В. Лиджиева // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. – 2013. – № 3. – С.34-39.

14. Максимов К. Н. Репрессивная политика советского государства через призму документов ЦК ВКП(Б), ОГПУ, НКВД СССР / К. Н. Максимов // Вестник Калмыцкого университета. – 2019. – №1 (41). – С.62-68.

15. Максимов К. Н. Трагедия народа: Репрессии в Калмыкии. 1918 – 1940-е годы / К. Н. Максимов. – М.: Наука, 2004. – 316 с.

16. Пюрбеева Г. Д. Труд женщин-калмычек в местах спецпоселений в восточных районах страны / Г. Д. Пюрбеева // Вестник Калмыцкого университета. – 2018. – №1 (37). – С.24-31.

17. Убушаев В. Б. «Всех калмыков переселить»... в Сибирь. (О депортации калмыцкого народа в сибирские регионы: 1943 – 1957 гг.) / В. Б. Убушаев. – Элиста: ЗАОр «НПП «Джангар», 2014. – 656 с.

18. Убушаев В. Б. Калмыки: выселение и возвращение 1943 – 1957 гг. / В.Б. Убушаев. – Элиста: Издательство «Санан», 1991. – 96 с.

19. Убушаев В. Б., Убушаев К. В. Калмыки: выселение, возвращение, возрождение. 1943 – 1959 гг. / В. Б. Убушаев, К. В. Убушаев. – Элиста: Изд-во Калмыцкого ун-та, 2007. – 494 с.

УДК 94(470.47).083
ББК ТЗ(2Рос.Калм)5-2

Д.В. Амаева, Н.П. Мацакова, Л.В. Оконова
Калмыцкий государственный университет им. Б.Б. Городовикова

ЭКОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ЭКОНОМИКИ КАЛМЫЦКОЙ СТЕПИ АСТРАХАНСКОЙ ГУБЕРНИИ В XIX ВЕКЕ

*Статья подготовлена по приоритетному научному проекту
«Природоохранная обусловленность калмыцкого кочевого хозяйства»*

В данной статье рассматривается экономика Калмыцкой степи Астраханской губернии в XIX веке с точки зрения природно-географической и климатической обусловленности, которые влияли на типы хозяйственной культуры. Авторы пришли к выводу, что экологические проблемы привели к быстрому образованию сыпучих песков, а также к эрозии и засолению почвы. Мероприятия российского правительства на рубеже веков можно считать начальным этапом борьбы с опустыниванием. Но, к сожалению, распространенное в советские годы колхозно-совхозное производство и обоседление калмыков, изменение структуры стада в сторону преобладания овцеводства и широкое распространение орошаемого земледелия привели к обострению экологической обстановки в регионе.

Ключевые слова: *Астраханская губерния, Калмыцкая степь, природно-климатические условия, экология, экономика, опустынивание.*

D.V. Amaeva, N.P. Matsakova, L.V. Okonova
Kalmyk State University named after B.B. Gorodovikov

ECOLOGICAL ASPECTS OF THE HOUSEHOLD IN KALMYK STEPPE OF ASTRAKHAN GOVERNORATE IN THE XIX-th CENTURY

The paper provides an overview of the household which existed in the Kalmyk steppe in the XIX-th century. The researchers trace its development from the point of view geographical and climatic factors that determine the type of economic culture. The authors explore ecological factors that enforced the formation of loose sand, erosion and salinization. The scientists came to the conclusion that local authorities of the Russian Empire tried to combat desertification in Kalmyk Steppe but the type of agricultural production in Soviet times, sedentary life style of Kalmyks, prevailing sheep breeding and the spread of irrigation system caused serious ecological problems in the region.

Key words: *Astrakhan Governorate, Kalmyk Steppe, natural and climatic conditions, ecology, household, desertification.*

Калмыцкая степь в XIX веке представляла собой одну из административно-территориальных единиц Астраханской губернии. Астраханская губерния как в природно-климатическом, так и хозяйственно-экономическом отношении имела свои особенности, которые отличали ее от всех других губерний Российской империи. К примеру, кочевая культура соседствовала с земледельческой, плодоводство и виноградарство развивалось наравне со скотоводством на подножном корму [1, с.10]. Структуру почвенного покрова Астраханской губернии в рассматриваемый период составляли песчаные, супесчаные, суглинистые и глинистые, т.е. такие, которые при определенных условиях могут легко превратиться в сыпучие пески. Почвенный покров был подвержен потере влаги от продолжительной засухи, уменьшению растительности, выщелачиванию солей, относа мелких частиц глины ветром, искусственного разрыхления почвы.

Климатические условия Астраханской губернии характеризовались: высокой температурой зимой и летом; очень короткой весной, быстрым переходом от холодов к сильной жаре; продолжительной теплой осенью; преобладанием сухих восточных ветров; малым количеством атмосферных осадков, неравномерным их распределением по месяцам и по временам года, а также продолжительными засухами; большой испаряемостью [1, с.12].

По исследованиям Кумо-Манычской экспедиции, в орографическом отношении Ергени или сарпинская возвышенность представляет собой ось поднятия, сливающуюся со ставропольским отрогом. Манычская долина образована встречей склонов Ергеней и ставропольского отрога. По восточной стороне Ергеней стелется низменная степь вплоть до Волги и Каспийского моря. В Калмыцкой степи развиты четыре горных образования:

1. Песчано-глинистая каспийская формация покрывает всю низменную степь от Сарепты до Терека и от Волги и Каспия до Ергеней и ставропольского отрога, а также отчасти сами Ергени;

2. Степной известняк, или известковый ракушник, составляет ставропольский отрог и частично захватывает Ергени, а именно Чолун-Хамур;

3. Жерновой песчаник является главнейшим островом Ергеней; стекловидный песок также встречается в Ергенях и Сарепте;

4. Опока, или меловой мергель, была встречена лишь в одном месте западного склона Ергеней.

К новым образованиям отнесены наносы Волги с ее дельтой, песчаные дюны, известковые туфы Ергеней, солончаки и самосадочная соль.

Участники экспедиции пришли к выводу о том, что поднятие Ергеней, произошедшее в плиоценовый период, было причиной осушения каспийских степей. Часть воды моря, сформировавшего каспийскую формацию, ушла в азовско-черноморский бассейн, а другая, по восточному склону Ергеней, – в нынешний Каспий. Вода, пришедшая в движение от поднятия Ергеней, произвела бугры¹, или неровности почвы, форма которых характерна для орографии каспийских степей [8, с. 65-72].

В целом, было отмечено, что природные условия калмыцкой степи таковы, что имеют такие основные проблемы, как пески, солончаки и засушливость климата. Пески находились в скрытом состоянии, но по мере воздействия внешних факторов и экстенсификации хозяйственной деятельности человека процесс образования сыпучих песков в рассматриваемый период резко усилился.

Количество выпадающего в степях дождя и снега, которые могли бы выщелачивать солесодержащую почву, очень мало. Особенность орографии степи приводит к тому, что она не позволяет дождевой и талой воде, растворившей в себе соль, уйти совсем или стечь с степи, а напротив, способствует сбору ее в глубоких местах, образуя соленые озера.

Летнее «бездождие» и горизонтальность пластов каспийской формации приводили к отсутствию в калмыцкой степи постоянных проточных вод. Дождевая и талая вода полностью испаряются, а имеющиеся в степи озера питаются водами, приносимыми с возвышенностей, но летом во многих озерах вода становится горькой или соленой [8, с. 72-73].

¹Впервые их подробно описал академик К. Бэр в 50-х гг. XIX в., поэтому в литературе они получили название «бэрвские бугры» [2]. Ранее они отмечались С. Гмелиным и П. Палласом, а позднее им был посвящен обширный круг исследований [4,13].

По определению И.Г. Черкасова, все земли Астраханской губернии по преимущественной производительности делились на четыре полосы:

1. Хлебопахотную – земли от северных границ губернии вниз по реке Волге, по обе ее стороны до станицы Копановской; от нее на юго-запад до Манычской долины.

2. Пастбищную полосу составляли покатые хребты Ергеней, а также все пространство по луговой стороне Волги;

3. В покосную полосу входили пойменные места по обе стороны Волги и ее рукавов, прибрежные мочаги, все острова волжской дельты;

4. Лесную полосу определить отдельным пространством не представлялось возможным, поскольку к ней относились волжские займища с лесными насаждениями [18, с. 6].

Как известно, геологическое строение и климатические особенности местности влияют на типы хозяйственной культуры народов ее населяющих. Основное население прикаспийской степи составляли калмыки, которые вели в основном кочевой образ жизни и активно взаимодействовали с окружающей природной средой, влиявшей на их хозяйственную деятельность.

Следует отметить, что традиционно калмыки бережно относились к природе. Они верили в старую примету о том, что одному собственнику не должно принадлежать более 10 тыс. лошадей. Если данная примета нарушалась, то можно было потерять весь табун (согласно поверью, лошади уходили в далекую пустыню вслед за жеребенком с драгоценными копытами). Место старого кочевья убирали, не оставляли мусор, лишнее закапывали или сжигали. Особое внимание уделялось очищению природных водных источников, в частности родников. О том, что калмыки с почтением относились к природе, свидетельствует факт осуществления ими жертвоприношений земле и воде, существовавший культ хозяина земли, многочисленные запреты на те или иные действия, которые могли бы нанести вред или осквернить природу. К тому же, охота была разрешена не на всех животных и птиц. Все это говорит о том, что у калмыков было принято беречь землю, учитывать климатические, растительные, географические особенности данной местности.

Главным традиционным хозяйственным занятием у калмыков, которое исторически сложилось на протяжении веков и оставалось таковым, было кочевое скотоводство. Данная форма ведения скотоводства в калмыцких улусах сложилась еще в период Калмыцкого ханства. В конце XVII в. появились постоянные территории для летних и зимних кочевий улусов. Направление перекочевок носило меридиональный характер, впрочем, как и всех центрально-азиатских кочевых народов. Скот выпасали круглый год, перегоняя с пастбища на пастбище. Данная система была очень продуманной: выпасали скот только в тех местах, где в определенный период года было достаточно травы и стояла благоприятная погода. Это напоминает систему перелога в земледелии. Получалось, что перекочевки помогали почве и растительности восстановиться. Зимой и летом калмыки кочевали на разных берегах Волги. Исключения допускались в случае опасности или внутренних конфликтов.

По описанию П.С. Палласа, «калмыки зимой кочуют в полуденной стороне волжской степи и вдоль берега Каспийского моря, где они имели возможность использовать для отопления камыш, и выпадало мало снега, что позволяло скотине самой находить корм. Весной они [калмыки] подавались к северу, где Волга возвращалась в свои берега и оставляла в лощинах богатый корм» [15, с.481-482]. Таким образом, в период Калмыцкого ханства калмыцкое скотоводство основывалось на кочевом способе, позволявшем наилучшим образом использовать имеющиеся природные ресурсы и контролировать население.

Кроме названного способа ведения кочевого хозяйства, у калмыков существовала и другая методика бережного отношения к природе, которая описана У.Э. Эрдниевым и получила название тебеневки. К примеру, когда выпадал глубокий снег, то сначала выпускали на пастбище табун лошадей, которые раскидывали снег копытами и съедали верхушку высокой травы, затем – крупный рогатый скот, а в самом конце – мелкий скот (овцы, козы) [19, с.110-111].

Экстенсивный способ ведения хозяйства имеет значительный минус, который заключается в сильном влиянии природных факторов. На территории проживания калмыков как раз был такой климат: очень жаркое, засушливое лето, холодная, ветреная зима с большим количеством снега. К тому же мог случиться большой падеж скота из-за эпизоотии.

По мнению В.В. Батырова, политические причины, а именно необходимость привлечения калмыков к участию в военных действиях, которые вело Российское государство, приводили к тому, что кочевья уходили с лугового берега Волги [4, с.49]. Это вело к сужению пределов калмыцких кочевий.

Следует отметить, что на протяжении XIX в. усиливается внимание правительства к экономическому освоению Юга России, в том числе Калмыкии. Оно поставило задачи – заселение дорог и перевод калмыков на оседлость, что планировалось осуществить путем устройства поселений из калмыков. Но, несмотря на поощрительные меры, калмыки неохотно меняли род занятий и веру, поэтому на протяжении столетия усиливается крестьянская колонизация региона. В условиях обострения малоземелья в центральных районах страны Астраханская губерния с ее обширными казенными землями, к которым относились и калмыцкие кочевья, рассматривалась как предпочтительный регион переселенческой политики.

Появление переселенческих сел и расширение земель, отводимых под оброчные статьи, вело к сокращению территории пастбищ для калмыцкого скота, что вынуждало часть обедневших калмыков менять хозяйственную деятельность, в том числе переходить к занятию земледелием или рыболовством.

Относительно пригодная для земледелия почва имела в некоторых местах Ергеней и в Большедербетовском улусе Ставропольской губернии. Ведение земледельческого хозяйства здесь калмыками, но большей степенью крестьянами-переселенцами, также характеризовалось экстенсивными методами. Из культур предпочтение отдавалось зерновым, но были также посевы горчицы и табака. Урожай хлеба были непостоянными: частые засухи и палящий зной нередко сжигали посевы, появление саранчи и кузнечиков тоже приводило к истреблению посадок.

Как отмечает И.С. Панченко, социальные и политические процессы, происходившие в Калмыцком ханстве, обуславливали трансформацию хозяйственной жизни, смену вида деятельности (многие начали заниматься рыболовством). Начавшаяся после смерти хана Аюки длительная междоусобица надолго расколола калмыцкий народ на несколько враждующих группировок, привела к уменьшению населения в улусах и к обнищанию значительной его части [17, с. 1]. С конца 30-х – начала 40-х годов XVIII в. рыболовство стало спасением для множества разорившихся скотоводов. Занятие рыболовством со временем начинает играть важную роль в хозяйстве калмыков. Это объясняется и кризисными явлениями в традиционном хозяйстве, сложным социальным и экономическим состоянием среди большей части калмыков. Постепенно значительная часть калмыков-отходников становится источником рабочей силы для астраханских рыбопромышленников.

В начале XX в., согласно А.Н. Команджаеву, выделяются три крупные хозяйственные, экономические зоны:

- земледельческо-скотоводческая (Большедербетовский улус и северная часть Малодербетовского улуса);
- скотоводческая (большая часть Малодербетовского, Манычский, Икицохуровский, Харахусовский, Багацохуровский, Эркетеневский, Александровский улусы и степная зона Яндыко-Мочажного улуса);
- рыболовно-приморская (часть Яндыко-Мочажного и Эркетеневского улусов) [9, с. 49].

Зачастую хозяйственная деятельность человека активизирует действие негативных природных сил. Это относится в полной мере к территории Калмыцкой степи.

Сокращение территории калмыцких кочевий и увеличение поголовья скота приводили к увеличению нагрузки на пастбища, которые быстрее вытравлялись и вытаптывались. Особенно это усилилось с введением в начале XIX века тонкорунного овцеводства. Расширение размеров сенозаготовительных работ вело к сокращению растительности в степи. В совокупности эти факторы обусловили изменение состава почвенного и растительного покрова.

Крестьяне-переселенцы приносили с собой прежние методы ведения земледельческого хозяйства, в том числе и орудия труда. Однако применение ими сельскохозяйственных орудий глубокой распашки, используемых в центральных районах страны, приводило к быстрому разрушению верхнего плодородного слоя почвы калмыцкой степи и его выдуванию постоянными ветрами. Распашка ими балок и оврагов лишала скот запасов сена на зиму.

По словам Н. Очирова, калмыки Астраханской губернии занимались распашкой земли очень неумело, что приводило к ее истощению. Это можно объяснить отсутствием опыта ведения земледелия, так как оно рассматривалось ими как временный или побочный вид деятельности. Не было у калмыков знаний о том, как возделывать землю, чем ее удобрять, как улучшать ее состав.

Серьезность экологических проблем Калмыцкой степи обозначилась уже к концу XIX в. Самыми очевидными проблемами было быстрое распространение песков и увеличение солончаков в результате засоления почвы. Согласно данным официальных органов за 1896 г., в Калмыцкой степи было зарегистрировано 375.026 дес. сыпучих песков. Считалось, что ежегодный прирост песков составлял в среднем 4.500 дес., и по оценке 1910 г. их общая площадь уже равнялась 450.000 дес. Наиболее крупные песчаные массивы по архивным данным за 1896 г. находились в Хошеутовском улусе (229.177 дес.), затем в Эркетеневском (71.133 дес.), Яндыко-Мочажном (39.938 дес.), Харахусовском (13.764 дес.), Багацохуровском (10.567 дес.), Икицохуровском (6.443 дес.) улусах, в северной (539 дес.) и южной (1.434 дес.) частях Малодербетовского улуса, в Калмыцком Базаре (2031 дес.). Общая площадь песков в Калмыцкой степи по рекогносцировочной съемке 1890-х гг., за исключением левобережных оброчных статей и пяти участков десятиверстной полосы, достигала 280 тыс. дес. [13, Ф.И-9.Оп.2. Л.3-4].

Увеличение оброчных статей и их хищническое использование было причиной ухудшения состояния этих земель. По исследованию Н. Н. Пальмова, «почти весь участок № 1 сорокатысячной статьи (14821,07 дес.), восточной части Меклетинского (49961,00 дес.), Хара-Зунского (6250,00 дес.), Аджинского (28725,00 дес.), Хурхатинского (7490,00 дес.), Тамбовского (10232,09 дес.) участков, сдающихся под аренду кочевым обществам и крестьянам, засыпались песками». Сообщается, что арендаторы, взявшие эти участки, «и без того имеют достаточное количество сена,

снимаемого между реками Ахтубой и Волгой, а другие пользуются сеном с казачьих займищ». Кочевники-киргизы (казахи), пользующиеся бесплатно калмыцкой землей, «превратили» очередное калмыцкое кочевье в сплошные пески из-за «непомерного количества скота» [16, с. 155-161].

Распространение процесса опустынивания являлось угрозой для сельскохозяйственного хозяйствования, что привело бы к сокращению пригодной земельной площади, а соответственно, и к уменьшению объемов собираемых налогов. В первую очередь, в этом была заинтересована местная администрация, которая и начала осуществлять разнообразные мероприятия, способствующие закреплению песков и позволившие сохранить земельный фонд. Местным должностным лицам было поручено следить и представлять сведения о состоянии пастбищ в течение года. С начала XX в. активизировались меры по борьбе с опустыниванием, в частности, проводились пескоукрепительные работы.

Заведующий песчано-овражными работами Европейской России ревизор лесостроительства А.В. Костяев представил доклад, по итогам рассмотрения которого было принято решение о создании комиссии, главной задачей которой являлась разработка мер по остановке песков в Астраханском крае. Следствием этого стало также учреждение должности заведующего по организации работ по укреплению летучих песков. Отметим, что первым названную должность занял Ф.А. Аверьянов. Комиссией был сделан вывод о возможной передаче казне на 20-летний срок не менее 140 тыс. дес. песчаных площадей Калмыцкой степи. Попытки чиновников склонить калмыцкое население к добровольному производству пескоукрепительных работ не всегда встречали поддержку.

В 1906-1910 гг. в Александровско-Багацохуровском улусе всего посадили 943,95 дес. трав, в Эркетеневском улусе на территории, находящейся в общественном пользовании, 1,25 дес. кустарников и 4.924,20 дес. трав, на Белоозерском (Джамбышском) участке – 7,20 дес. кустарников и 1.668,04 дес. трав, на Гайдукском участке высажено 2.420 дес. трав. Подобные меры были предприняты в Харахусовском улусе, на Хошеутовском и Александровском участках губернии. В общем высажено было 38,24 дес. кустарников и засеяно 16.368,93 дес. трав [13, Ф.И-9. Оп.2. Д. 173. Л. 64 об.].

С целью предупреждения социальной напряженности поступило предложение оброчные статьи, на которых растительный покров был воспроизведен, поделить на участки меньшего размера. Ф. А. Аверьянов правильно заметил, что данная мера улучшит состояние не крупных землевладельцев, позволит существенно пополнить бюджет государства и прибыль людей, и к тому же приведет к рационализаторскому подходу в ведении хозяйства и «безопасное в песчаном отношении хозяйство» [13, Ф.И-9. Оп.2. Д. 173. Л. 152 об.; 2, с. 1-4].

Правительство пыталось установить разнообразные льготы и преференции тем, кто занимался деятельностью по закреплению песков. Среди них такие меры, как безвозмездная перевозка необходимого сырья, некоторое послабление в уменьшении площади отведенных под песчаные операции участков земли и др.

Таким образом, развитие калмыцкой экономики в рассматриваемый период были обусловлено природно-географическими и климатическими условиями Калмыцкой степи и обозначившимися в конце столетия экологическими проблемами. Сокращение территории кочевания калмыков, неконтролируемый рост поголовья скота, многолетнее экстенсивное использование кочевниками и переселенцами земель под выпас постороннего скота, значительный рост поголовья животных – все это приводило к тому, что почвенный слой оставшихся пастбищ вытравлялся и вытаптывался в очень короткий срок.

И, с другой стороны, отрицательные условия местного климата – летние засухи, ветровая эрозия, частое пересыхание рек и озер, выпадение малого количества осадков, движение грунтовых вод – привели к оскудению и обеднению верхних слоев почвы, что изменило ее состав. Песчаные слои поднимались к верхним слоям, изменяя структуру почв, неспособных в связи с возросшей нагрузкой на землю быстро восстанавливаться. Это вело к быстрому образованию сыпучих песков, а к также эрозии и засолению почвы. Мероприятия российского правительства на рубеже веков можно считать начальным этапом борьбы с опустыниванием. Но, к сожалению, распространенное в советские годы колхозно-совхозное производство и обоседление калмыков, изменение структуры стада в сторону преобладания овцеводства и широкое распространение орошаемого земледелия привели к обострению экологической обстановки в регионе. В частности, проблема опустынивания по-прежнему остается весьма актуальной. Решение многих проблем кроется, на наш взгляд, в необходимости бережного отношения к природным ресурсам и возрождении исторического опыта и традиционных методов хозяйствования.

Список литературы

1. Аверьянов Ф.А. К вопросу о ликвидации казенных земель в Астраханской губернии // Сельское хозяйство Астраханского края. 1909. – №1. – С. 8-14.
2. Аверьянов Ф.А. К вопросу о ликвидации казенных земель в Астраханской губернии // Сельское хозяйство Астраханского края. 1909. – №2-3. – С. 1-4.
3. Аверьянов Ф.А. К вопросу о закреплении сыпучих песков Астраханской губернии – Астрахань, 1909.
4. Батыров В.В. Система кочевий Калмыцкого ханства в контексте русско-калмыцких отношений во второй половине XVIII в. // Вестник Калмыцкого университета. 2012. №3 (15). – С. 45-49.
5. Бэр К. Ученые записки о Каспийском море и его окрестностях // Записки Императ. Русского Географ. Общества. Кн. XI. СПб. 1856. – С. 181-224.
6. Гмелин Самуил Г. Путешествие по России для исследования трех царств природы. Ч.2. – СПб., 1777. – 362 с.
7. Житецкий И.А. Очерки быта астраханских калмыков. Этнографические наблюдения 1884-1886 гг. – М.: Тип. М.Г. Волчанинова, 1893. – 76 с.
8. Калмыцкая степь Астраханской губернии по исследованиям Кумо-Манычской экспедиции. – СПб.: Тип. В. Безобразова и К^о, 1868. – 166 с.
9. Команджаев А.Н. Хозяйство и социальные отношения в Калмыкии в конце XIX-XX века: исторический опыт и современность. – Элиста: АПП «Джангар», 1999. – 262 с.
10. Команджаев А.Н., Манджиев А.С. Опустынивание калмыцких степей в конце XIX – начале XX века // Вестник Калмыцкого университета. 2013. №1 (17). – С. 22-29.
11. Костенков К.И. Статистико-хозяйственное описание Калмыцкой степи Астраханской губернии. По исследованиям Кумо-Манычской экспедиции. СПб.: Тип. В. Безобразова и К^о, 1868. – 177 с.
12. Мацакова Н.П. Хозяйство и социальная организация монголоязычных народов (на примере калмыков) // Вестник Калмыцкого университета. 2017. №34 (2). – С.49-60.
13. Национальный архив Республики Калмыкия (НАРК). – Ф. И-9. – Оп. 2. – Д. 173.
14. Очиров Н.О. Астраханские калмыки и их экономическое состояние в 1915 году. – Астрахань: Калм. Обл. план. Комиссия, 1925. – 72 с.
15. Паллас П.С. Путешествие по разным провинциям Российского государства. Ч. 3. – СПб., 1788. – 624 с.

16. Пальмов Н.Н. Этюды по истории приволжских калмыков Часть V. Дела земельные. – Астрахань, 1932.

17. Панченко И.С. Причины развития калмыцкого рыболовства в первой половине XVIII в. [электронная публикация] // МИТС-НАУКА: международный научный вестник: сетевое электронное научное издание. 2006. №5. – С. 1-6.

18. Черкасов И.Г. Статистическое и хозяйственное описание Астраханской губернии // Журнал Министерства государственных имуществ. 1895. №№ 5, 7-10. – 263 с.

19. Эрдниев У.Э. Калмыки: Историко-этнографические очерки. – Элиста: Калм. кн. изд-во, 1985. 3-е изд., перераб. и доп. – 282 с.

УДК 902.2

Б.А. Байтанаев, А.А. Ергешибаев, А.Х. Шаяхметов*Институт археологии им. А.Х. Маргулана**Алматы, Казахстан***СТОРОЖЕВЫЕ ХОЛМЫ В ФОРТИФИКАЦИИ ЮГА КАЗАХСТАНА***Работы проведены в рамках проекта №AP05133957**«Сторожевые башни» Испиджаба»*

В работе приведены предварительные результаты разведочных и раскопочных археологических работ. В ходе раскопок использовались стратиграфические шурфы и раскопы. Работы проводились в среднем течении долины реки Арысь и в предгорьях Каратау Туркестанской области Республики Казахстан. Объектами исследования являлись сооружения оборонительного характера Испиджабского историко-культурного округа в виде сторожевых холмов, именуемых в народе Караултобе. Стратиграфические данные, полученные при изучении всех объектов, показали, что они представляют собой искусственно возведенные насыпи с различными размерами. Выяснилось, что в некоторых случаях курганная насыпь вторично использована в качестве сигнального пункта путем усиления насыпи.

Ключевые слова: *Караултобе, стратиграфия, наслоения, разведочные работы, раскопочные работы, средневековье, археология, типология.*

B.A. Baitanayev, A.A. Yergeshbayev, A.Kh. Shayakhmetov*Institute of Archeology named after A.H. Margulan**Almaty, Kazakhstan***THE ROLE OF SENTINELS IN FORTIFICATION OF THE SOUTHERN KAZAKHSTAN**

The paper presents preliminary results of exploration and excavation archaeological works. The works were carried out along the Arys River valley and in the foothills of Karatau in Turkestan region of the Republic of Kazakhstan. Researchers examined the constructions of defensive nature made in the form of sentinels in Ispidzhab historical and cultural district, people call them Karautobe. Stratigraphic data obtained from the study of all objects showed that they are artificially built sentinel hills with different sizes. It was found that in some cases, the sentinel hills were re-used as signal points by reinforcing the mound.

Key words: *Karautobe, stratigraphy, layers, exploration works, excavation works, the Middle Ages, archaeology, typology.*

В 2018 году было начато археологическое изучение памятников типа Караултобе в Испиджабском историко-культурном округе. Полевые изучения Караултобе на юге Казахстана проводились и ранее. Но до недавнего времени полевые работы ограничивались фиксацией памятника и сбором единичных артефактов.

Исследователи исторической топографии Южного Казахстана всегда обращали внимание на высокие холмы, называющиеся в народе «Караултобе». Один из курганов Караултобе, расположенный в 2 км к востоку от п. Колтоган, на кромке левой надпойменной террасы реки Арысь, недалеко от группы курганов могильника Борижары, впервые был обследован Н.П. Остроумовым [13, с.118-137]. Данный памятник значится в Своде памятников истории и культуры Южного Казахстана как курган Караултобе [15, с.103, №143]. Некоторые известные на сегодняшний день Караултобе на юге Казахстана были зафиксированы именно при составлении Свода памятников.

Это КараултобеОрдабасы, расположенный на левой надпойменной террасе реки Бадам, он господствовал над окружающей местностью. Отмечается, что в XVIII-XIX вв. он использовался в качестве сигнального холма [15, с.97, №117]. Следующий памятник расположен в 2,5 км к юго-западу от поселка Чубаровка, недалеко от поймы реки Арысь. Памятник датирован сакским временем, и не исключено, что в позднее время насыпь могла использоваться как сигнальное место [15, с.114, №173]. В 2007 году при исследовании кургана в городе Шымкент стратиграфические данные на памятнике показали, что в эпоху средневековья он использовался как сторожевой холм оборонительного характера. На дореволюционных картах данный объект обозначен как «Караул-тобе» [2, 2012, с.174-176]. В 2008 году произведены стратиграфические исследования Караултобе, находящегося в 4 км к северо-востоку от поселка Сайрам, на высоком обрывистом берегу Тассая. По полученным данным, время его функционирования относится к эпохе средневековья – X-XI вв. Холм выполнял функцию дозорной возвышенности и вместе с другими Караултобе оборонял оазис от внешних врагов [3, с.124-128]. В 2011 году в 40 км к северо-востоку от Шымкента был изучен памятник типа Караултобе, в слоях которого обнаружены подземные ходы-лабиринты. Ввиду отсутствия находок памятник предварительно датирован временем господства династий Саманидов и Караханидов [1, с.94-98].

Перед началом изучения памятников типа Караултобе был произведен анализ фортификационных памятников на территории Средней Азии. Для защиты городов вне их территорий в средневековый период, по мнению В.А. Лаврова, использовались три типа оборонительных сооружений: рибаты с небольшим гарнизоном, караван-сарай со строениями вдоль стен и хисны, защищавшие подступы к городу [11, с.79]. А.Н. Бернштам дает определение хиснам, как сооружениям, мало отличающимся от тепе – замков, только с большими размерами и примыкающими к ним укрепленными площадками [5, с.39]. Также сторожевые пункты – башни – изучались в Чуйской долине. Данные памятники имеют различную классификацию, в основном в виде сооружений с определенной планировкой вблизи городищ и поселений, а иногда и на их территории. М.Е. Елеуовым приводится характеристика подобных объектов и отмечается наличие похожих памятников оборонительного характера в среднем течении реки Арысь, то есть в Испиджабском историко-культурном округе [7, с.54-70]. Имеются отдельные упоминания раннесредневековых Караултобе (Караултепа) у В.А. Нильсена, но не приводится характеристика сооружения, говорится только о назначении поселения – сторожевой характер [12, с.111]. Из этого можно сделать выводы, что название Караултобе имеет местное для Туркестанской области значение.

Важнейшими задачами исследования Караултобе в полевом сезоне 2018 года стали производство поиска и фиксация археологических объектов подобного типа в предгорьях Каратау и долины реки Арысь. Археологическая разведка осуществлялась путем визуального обследования местности, предварительного изучения картографического материала, в отдельных случаях опираясь на опросные сведения. Применялся метод естественного выявления аналогичных холмов путем осмотра горизонта с вершины памятника в сторону другого. В процессе археологической разведки выявлялись потенциальные холмы Караултобе с последующей фиксацией точного расположения относительно местности.

Археологическая разведка проводилась по левому и правому берегу реки Арысь, в предгорьях Каратау, охватывая ее восточный и западный склоны. Исследованы округа средневековых и раннесредневековых городищ, таких, как городище Ханкуртан,

Бала-Бугунь, Баба-ата, Сыргесалдытобе, Жуантобе, Караспантобе и др. Всего выявлено 29 объектов. В отдельный комплекс выделены караульные дозорные пункты вокруг городища Баба-ата, которое имело индивидуальную оборонительную систему.

Для определения структуры и типологии Караултобе были произведены разведочные раскопки. Полевые работы сконцентрированы на Караултобе Аккойлы-1 и 2, на Караултобе Кумышбулак, расположенном по левому берегу реки Арысь, в зоне урочища Бургенды вдоль небольшой речки Кумышбулак, на Караултобе Мадани-1 и 2, расположенных по правому берегу реки Арысь. На Караултобе Аккойлы-1 и 2 изучена верхняя площадка.

Караултобе Аккойлы-1 своими параметрами возвышается над местностью. Данный объект является базовым Караултобе. Диаметр его у основания, как отмечалось выше, составляет 60-70 м, у поверхности – около 15 м, высота достигает до 6 м. Самый крутой склон – северо-восточный. Изучение профилей стратиграфического шурфа-1, устроенного на Караултобе Аккойлы-1, показало, что холм имеет искусственно созданную структуру из одновременно сооруженных слоев. Сравнительный анализ результатов работ с изученными холмами, такими, как Караултобе Сайрама и Шымкента, показывает, что предварительно была подготовлена основа, представляющая из себя отдельные прослойки, между которыми идет утрамбованный слой. Чередуя эти слои, добивались определенной высоты.

Дозорный Караултобе Аккойлы-2 расположен в 4,5 км к югу от базового Караултобе Аккойлы-1. Как упоминалось выше, диаметр у основания 50 м, у поверхности – около 10 м. Высота составляет 3,5 м. Наиболее крутой склон – северо-восточный. Как показали профили шурфа-2, под рыхлыми оплывами толщиной до 70 см идет насыпной грунт с соответствующей трамбовкой до уровня IV яруса. Насыпной грунт представлял собой отдельные прослойки темно-коричневого оттенка, между которыми идет слой утрамбованной глины.

По нижним слоям можно судить, что поверхность предварительно была выровнена. По фрагментам керамики раннего периода ясно, что под холмом располагалось погребение. Позднее, уже в средневековый период, холм был перестроен и использовался как сторожевой пункт. Судя по высоте и небольшому диаметру объекта, он использовался как промежуточный сторожевой пункт.

Караултобе Ордабасы расположен в 2 км к востоку от поселка Ордабасы, недалеко от родника Кокбулак, по левому берегу реки Бадам на гряде естественного происхождения. Караултобе представляет собой бугор трапециевидной формы с небольшой площадкой на поверхности. Диаметр холма у основания 75 м, у поверхности – около 12 м. Рядом с Караултобе и могильником Ордабасы, в нескольких сотнях метров восточнее от него имеется современный памятник курултаю ханов, султанов и биев, собравшихся в 1728 году для создания ополчения джунгарскому нашествию [8, с.22].

Судя по стратиграфии памятника, можно предположить, что здесь была высокая конструкция из глиняного кирпича, которая впоследствии подверглась естественному разрушению. Наличие фрагмента раннесредневековой керамики в межкладочном растворе позволяет предположить, что сооружение было воздвигнуто в раннем средневековье.

В структуре насыпи данного Караултобе имеется несколько уровней провалов грунта вследствие ограбления. Грабители могли перепутать Караултобе с «царским» курганом уже после окончания функционирования памятника. Следует отметить, что уровень залегания пространства под провалами разный, в северной части провал зафиксирован на уровне XV яруса, в центральной части – на уровне XI яруса, а в ходе раскопок провал грунта в юго-восточной части холма зафиксирован уже начиная с VI яруса (рис. 1).

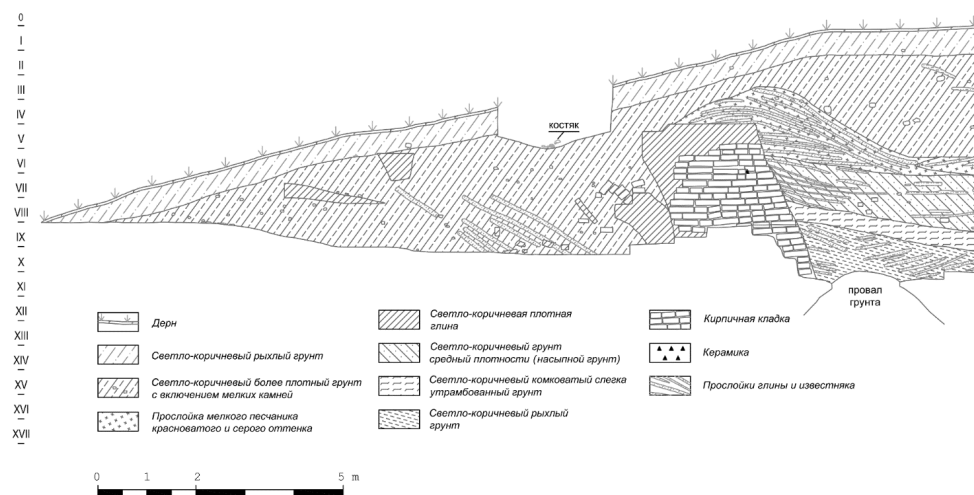

Рис. 1. Стратиграфия Караултобе Ордабасы, южный отрезок западного профиля

Материалы, обнаруженные во время раскопок на Караултобе Аккойлы-1 и 2, на Караултобе Кумышбулак и на Караултобе Мадани-1, дали основание полагать, что возводились данные памятники в средневековый период.

Материалы Караултобе Аккойлы-1 представлены небольшим количеством керамики и металлических изделий из шурфа и раскопа на поверхности. Были обнаружены: фрагмент боковины сосуда – водоносного кувшина, изготовленного на гончарном круге. Тесто у сосуда плотное, обжиг ровный, в изломе светло-коричневого оттенка. Этот сосуд относится к позднему средневековью и не связан со временем возведения данного холма. Среди находок раскопа имеются: фрагмент боковины водоносного сосуда, а также медный перстень, найденный в рыхлых отложениях на глубине 60-70 см. Также найдены два фрагмента медных монет размером 1-1,5 см, сохранность плохая. На аверсе выделяется квадратный ободок – имитация квадратного сквозного отверстия, характерного для раннего средневековья. Третье медное изделие размером 8 см выполнено в виде кольца.

Материалы Караултобе Аккойлы-2 представлены фрагментами керамических сосудов, выявленных на уровне до 1,5 метра. Керамика происходит из рыхлых оплывов и предварительно датируется средневековым периодом. Был обнаружен узкогорлый кувшин с прямым венчиком со слегка отогнутым наружу краем, к которому крепилась вертикальная ручка с небольшой бороздой по поверхности. Данный сосуд относится к развитому средневековью. При визуальном обследовании в охранной зоне данного объекта был получен подъемный материал: это навершие ручки светильника-чирага треугольной формы с несколькими гранями. Ручка покрыта бирюзовой поливой и на поверхности имеется прочерченный орнамент. Второй фрагмент – донце кувшина, изготовленного на гончарном круге. Сосуд был покрыт коричневым ангобом и залощен. Подъемный материал предварительно датирован X-XII вв., что подтверждает временное обживание данного участка во время строительства, либо эксплуатации данного холма (рис. 2, 1-5).

С уровня II яруса происходит обломок медной тюргешской монеты с квадратным отверстием в центре. Также найдена верхняя часть кольца с инкрустацией, камень не сохранился (рис. 2, 6-7).

Материалы Караултобе Кумышбулак немногочисленные. С уровня V яруса найдены боковины кувшина ручной лепки. Также обнаружен один маленький фрагмент боковины тонкостенного сосуда с плотным тестом, в изломе серого оттенка. На поверхности имеется прочерченный по сырому тесту орнамент. С уровня VII яруса зафиксирован фрагмент медного бубенца. В северо-западной части насыпи под дерновым слоем найден обломок медной монеты, сохранность очень плохая.

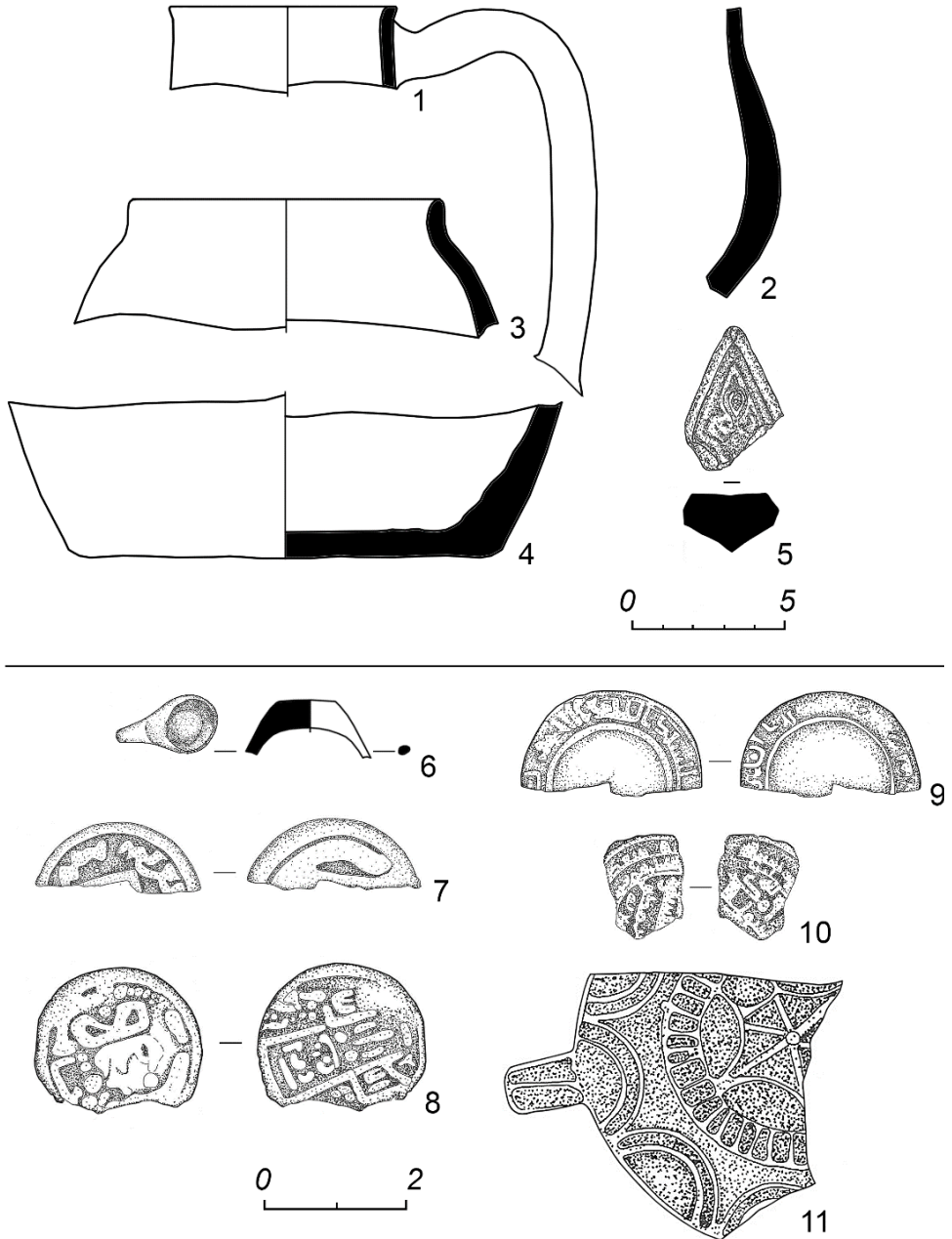

Рис. 2. Находки с Караултобе Испиджабского историко-культурного округа

При зачистке грабительского лаза на поверхности холма найден фрагмент серебряной монеты диаметром 2,5 см. На монете изображено подражание сасанидскому царю. Надпись рядом с лицом практически не видна (рис. 2, 8). На обратной стороне монеты изображен алтарь огня, над ним лицо царя, справа и слева от алтаря видны два жреца. Монета бухархудатского типа [14, с.156-157]. Монеты Бухархудатов чеканились и в период арабского халифата, позже находились в рыночном обороте вплоть до XII века. Кочнев Б.Д. относит подобные монеты ко второму типу [10, с.49-78].

Материалы Караултобе Мадани-1 представлены подъемным материалом. Обнаружены обломки одной медной монеты, радиус которой составляет около 7 см. Датировка – эпоха Караханидов. Еще один фрагмент медного изделия – скорее всего, подвеска либо поясная накладка.

При осмотре поверхности холма Караултобе Карабулак был получен подъемный материал, представленный двумя фрагментами монет. Оба фрагмента монет датированы второй половиной X – началом XI в. (рис. 2, 9-10). Серебряный фрагмент монеты, похоже, принадлежал ко времени правления династии Буидов, самой могущественной среди династий Аббасидского халифата до прихода к власти Сельджукидов, просуществовавшей в период с 932/5 по 1055/62 годы [6, с.137-140; 9, с.72-75].

Материалы из слоев Караултобе Ордабасы малочисленны. Было обнаружено несколько фрагментов в районе кладки и в средней части памятника. На глубине VI яруса в самой кладке был обнаружен фрагмент горловины водоносного кувшина, типичного для раннесредневекового периода. В средней части памятника в слоях по уровню VIII яруса были обнаружены два обломка керамических сосудов.

В западной части памятника обнаружены фрагменты костей, железной руды и предметов обихода. Поверхность данных фрагментов никак не обработана, следов выбивания их из породы не обнаружено. Интересным является находка бронзового зеркала. Этот фрагмент имел закругленную форму и украшение орнаментом с наружной стороны (рис. 2, 11).

С отвалов также был собран археологический материал. В северной части на поверхности были обнаружены как керамические фрагменты, так и монеты раннесредневекового периода. Был обнаружен фрагмент монеты, предварительно датированный концом XIII в., Чагатаидского государства. Последние два фрагмента обнаружены в 15 м от северного края холма. Посередине одной из монет имеется квадратное отверстие, типичное для раннесредневекового периода.

Исходя из полученных археологических материалов, в большинстве своем Караултобе функционировали после арабского завоевания, при утверждении первых мусульманских династий в Средней Азии. Остается на данный момент открытым вопрос возведения некоторых Караултобе и в раннесредневековое время. Резюмируя полученные данные, были созданы основы типологической классификации. По внешним признакам исследуемых объектов типа Караултобе на сегодняшний день выделены два типа, условно названные как базовые и дозорные Караултобе.

Базовые Караултобе, как правило, отличаются внушительными размерами, четкой трапециевидной формой, что придает холму отличную видимость на горизонте. Диаметр их достигает до 130 м, высота – от 8 до 18 м. Таковыми являются Караултобе Аккойлы-1, Карабулак, Чубаровка-1 и 2, Акдала, Дармино, Машат, Шаян. Из параметров вышеуказанных объектов можно вычислить средний размер: это сторожевые пункты диаметром у основания 80-100 м, высотой 8-10 м. Одним из таких памятников является Караултобе Колтоган, который расположен на высокой надпойменной террасе

реки Арысь, по ее правому берегу, в 4,5 км к востоку от поселка Колтоган Туркестанской области (рис. 3). Окружный в плане бугор имеет диаметр у основания 130 м, высоту почти 18 м. На поверхности имеется площадка диаметром 30-35 м, которая придает холму трапециевидную форму. Судя по топографии, возведение данного объекта проводилось в два этапа: в первую очередь была подготовлена ровная платформа высотой 3,5 м, на поверхности которой поднимали основной холм диаметром около 100 метров. В рельефе местности вокруг объекта, особенно в северо-восточной части, выделяются участки, откуда брали грунт для возведения сооружения.

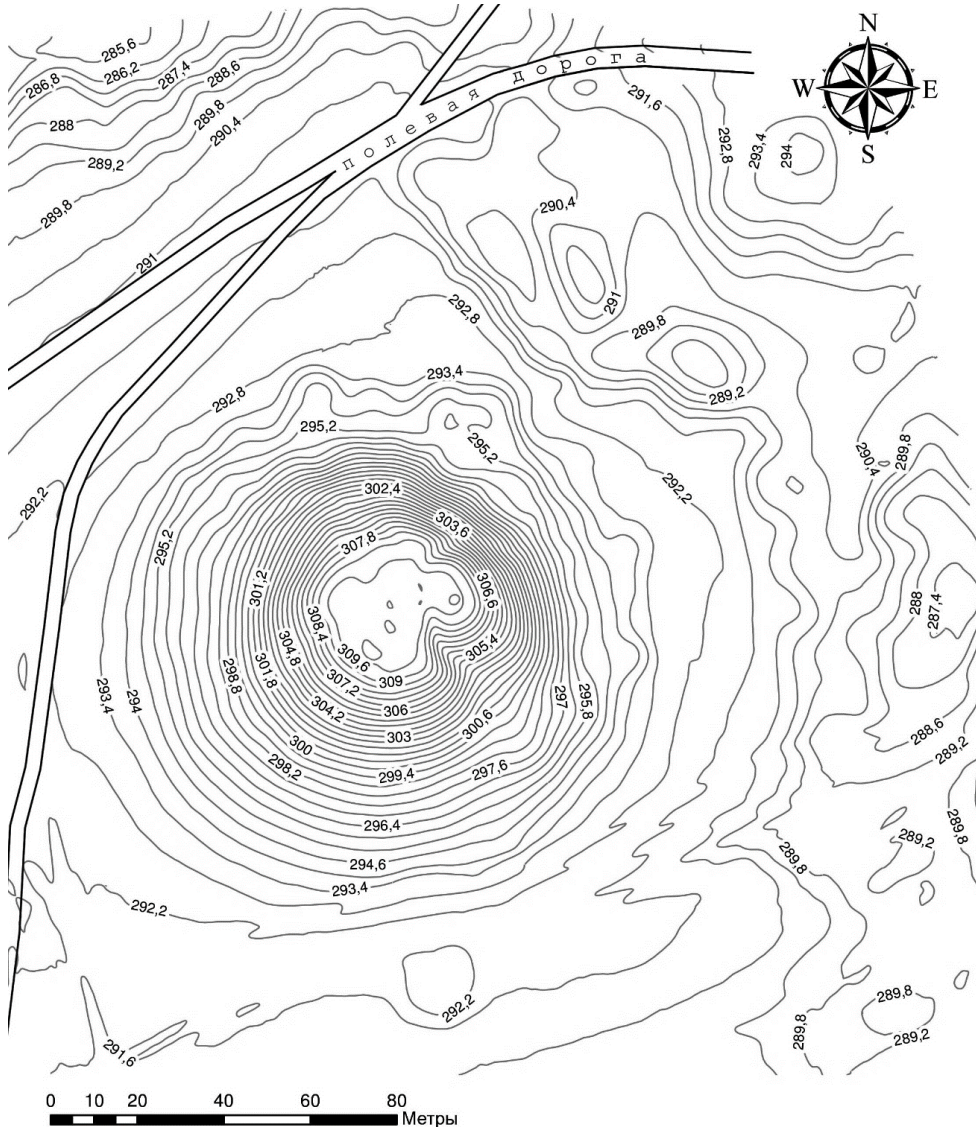

Рис. 3. Топографический план Караултобе Колтоган

Второй тип – дозорные Караултобе – имеет сравнительно небольшие размеры, их диаметр у основания составляет около 50 м, высота обычно не превышает 4,5-5 м.

Однако этих параметров было достаточно, чтобы они функционировали вокруг определённых центров, так как в качестве места для дозорных пунктов выбирались естественные возвышенности. Иногда в качестве дозорных пунктов использовались курганные насыпи путем их усиления. То есть не было необходимости возводить новый объект в определенных участках, это в свою очередь экономило время и трудовые ресурсы. Некоторые дозорные Караултобе, такие, как Караултобе Аккойлы-2, Мадани-3, Кумышбулак и Норжанкорган, зафиксированы в комплексе курганных групп и, вполне возможно, были использованы вторично в качестве сигнального пункта ввиду расположения относительно местности. К тому же насыпь этих объектов немного отличалась от курганной насыпи, где визуально наблюдаются контуры дополнительного усиления холма, за исключением Караултобе Мадани-3. Ввиду его расположения на ключевой высокой отметке не было необходимости усиления холма, что подтверждено стратиграфическими исследованиями.

Как показали исследования, с вершин базовых Караултобе был отличный обзор всей прилегающей территории и хорошо виден следующий аналогичный холм. Исходя из этого, можно предположить, что они в комплексе работали на целый оазис. Дозорные Караултобе больше сконцентрированы вокруг городов.

В ходе археологической разведки по правому берегу реки Арысь зафиксирована серия Караултобе, сконцентрированных вокруг городища Ханкурган. Все они являлись дозорными пунктами, отличаясь сравнительно небольшими размерами. Фиксация этих объектов прояснила картину микрооазиса, где караульные пункты, располагаясь на высоких отметках, фланкировали город, расположенный в самой низине, – это городище Ханкурган на левом берегу реки Арысь. В то же время эти пункты входили в единый комплекс караульных башен оазиса, так как с данных позиций четко просматриваются соседние пункты, как, например, Караултобе Аккойлы-1.

Караултобе в районе городища Баба-ата были условно интерпретированы как комплекс караульных башен. По полученным данным, следует предположить, что город имел индивидуальную оборонительную систему, представленную памятниками типа Караултобе. Располагаясь в низине урочища Капшигай с нулевым обзором прилегающей территории, он в то же время являлся пограничным постом.

Далее стоял вопрос о хронологии данных объектов. Обследование объектов типа Караултобе показало, что на прилегающих к ним территориях находятся раннесредневековые памятники, как, например, в районе караульных пунктов Чубаровка-1, 2, 3 средневековых городов не зафиксировано. Находящиеся в этом районе памятники – городище Чубаровское, поселение Узынтобе – раннесредневековые, что наводит на мысль о появлении их именно в этот период.

Стратиграфические исследования на ряде памятников типа Караултобе показали, что изученные объекты представляют собой искусственно созданную насыпь. Сравнительный анализ результатов работ с изученными холмами, таких, как Караултобе Сайрама и Шымкента, показывает, что при возведении этих холмов предварительно была подготовлена основа. Она представляла собой отдельные прослойки, между которыми шел плотный утрамбованный слой-горизонт [3, с.124-128]. Чередуя эти слои, добивались определенной высоты. Важно отметить, что в насыпи холмов выделяются этапы строительства. Это плотная заготовка (трамбованный слой), поверх которой идет насыпной грунт, образовавший общие контуры будущего бугра памятника.

В результате исследований Караултобе Испиджабского историко-культурного округа были выявлены два типа памятников: базовые и дозорные, имеющие различную структуру. Караултобе являлись важнейшими элементами системы предупреждения городов. Сооружениям типа Караултобе отводилась роль сторожевых сооружений,

которые размещались по оазису в пределах видимости из города и соседних возвышений. Наряду с длинными валами, высокими стенами, как это наблюдается в ряде памятников Южного Казахстана, эти объекты являлись неотъемлемой частью обороны. Появление подобных систем обороны связывают с арабскими завоеваниями. В этот период образовывается новый тип городов с новыми элементами фортификации, которые просуществовали все этапы средневековья [4, с.143-162]. Археологические материалы, обнаруженные на памятниках Караултобе Испиджабского историко-культурного округа, в большинстве своем датируются X-XII веками. В небольшом количестве обнаружены и ранние находки, появившиеся на Караултобе, расположенные в непосредственной близости к раннесредневековым городищам и поселениям. Раскопки некоторых памятников дали результаты, на основании которых можно с уверенностью говорить о больших трудовых затратах и продолжительном использовании Караултобе по назначению. Дальнейшие исследования Караултобе в Испиджабском историко-культурном округе, несомненно, покажут наличие новых данных о возведении и использовании памятников подобного типа. Задачами будущих исследований является составление полного перечня памятников этого типа. Также очень важным является комплексное исследование Караултобе в дальнейшем и выявление различных связей со средневековыми памятниками округа.

Список литературы

1. Байпаков К.М, Воякин Д.А, Амиров Е. Подземные лабиринты Караултобе // Промышленность Казахстана / Отв. ред. А.А. Жарменов. 2012. № 4. – С. 94-98.
2. Байтанаев Б.А. История Шымкента: 2200 лет по археологическим источникам. Алматы, 2012. – 251 с.
3. Байтанаев Б.А., Ергешбаев А.А. Стратиграфия и хронология Караултобе Сайрама // «Кадырбаевские чтения – 2010». Материалы II международной научной конференции / Отв. ред. А.А. Бисембаев. Актобе, 2010. – С. 124-128.
4. Беленицкий А.М., Бентович Н.Б., Большаков О.Г. Средневековый город Средней Азии. Ленинград: «Наука», 1973. – 389 с.
5. Бернштам А.Н. Памятники старины Таласской долины. Алма-Ата, 1941. – 66 с.
6. Босворт К.Э. Мусульманские династии. М., «Наука», 1971. – 324 с.
7. Елеуов М.Е. К вопросу о системе обороны раннесредневековых городов и поселений Чуйской долины // Средневековые города Южного Казахстана. Алма-Ата, 1986. – 159 с.
8. История Казахской ССР: (С древнейших времен и до наших дней): В 5-ти томах. Т.3.: Присоединение Казахстана к России. Социально-экономические отношения. Революционное и национально-освободительное движение в канун Великого Октября. Алма-Ата: «Наука» Казахской ССР / Ред. А.Н. Нусупбеков, Б.С. Сулейменов, В.Я. Басин, А.С. Сабырханов. 1979. – 514 с.
9. Казанцев А.Г. Исламские монеты VII-XVI веков. Обзор. Екатеринбург, 2006. – 189 с.
10. Кочнев Б.Д. Клад монет бухархударатского типа из Мианкаля // Нумизматика Узбекистана / Отв. ред. Э.В. Ртвеладзе. Ташкент, 1990.
11. Лавров В.А. Градостроительная культура Средней Азии. Москва, 1950. – 179 с.
12. Нильсен В.А. Становление феодальной архитектуры Средней Азии (V-VIII вв.). Ташкент, 1966. – 336 с.
13. Остроумов Н.П. Археологическая поездка в селение Мамаевку // ПТКЛИА. Ташкент, 1899. № 4. – С. 118-137.
14. Ртвеладзе Э.В. Древние монеты Средней Азии. Альбом. Ташкент, 1986. 184 с.
15. Свод памятников истории и культуры Казахстана. – Южно-Казахстанская область. Алматы, 1994. Том 1. – 368 с.

УДК 94 (495)

ББК 63.3(0)

Н.Н. Болгов, М.М. Синица

Белгородский государственный национальный исследовательский университет

ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ ВЫСШИХ ВИЗАНТИЙСКИХ САНОВНИКОВ В VI ВЕКЕ (ПО ИОАННУ ЛИДУ)

Данная статья посвящена исследованию вопросов работы и повседневной жизни высших сановников Восточной Римской империи в VI веке на основе материалов ранневизантийского писателя Иоанна Лиды и его современников. В статье рассматривается структура высших должностей в империи и системы администрации, рабочий график, униформа и место работы сановников и представителей сенаторского сословия, сфера их компетенций и полномочий, досуг и привычки. В целом, в VI веке наблюдалось сохранение строгой иерархии церемониала, а рабочий график сановников был весьма тяжелым, они были очень занятыми людьми, нагруженные многочисленными обязанностями, но в то же время их высокое положение открывало им неограниченные возможности.

Ключевые слова: Ранняя Византия, сановники, ранневизантийские сенаторы, VI век, Иоанн Лид, Иоанн Каппадокиец, Петр Патриккий, Трибониан, рабочий день чиновников, префект претория Востока, магистр оффиций, досуг в Ранней Византии.

N.N. Bolgov, M.M. Sinitsa

Belgorod state national research university

EVERYDAY LIFE OF THE DIGNITARIES IN THE EASTERN ROMAN EMPIRE IN THE VI CENTURY (BASED ON JOHN LYDUS)

This article is devoted to the study of the work and everyday life of dignitaries of the Eastern Roman Empire in the VI century based on the materials of the early Byzantine writer John Lydus and his contemporaries. The article discusses the structure of senior posts in the Empire and the administration system, the work schedule, the uniform and places of work of dignitaries and representatives of the senatorial estate, the area of their competence and authority, leisure and habits. In general, the strict hierarchy of the ceremonial was observed in the VI century, and dignitaries had a busy schedule, they were responsible people and had many duties, but at the same time their high position offered endless possibilities for them.

Key words: Early Byzantium, dignitaries, Early Byzantine senators, VI century, John Lydus, John Cappadocian, Peter Patricius, Tribonian, official's working day, prefect of the Eastern Praetorian Prefecture, Master of Office, leisure in Early Byzantium.

Основным источником для изучения рабочего дня и досуга высшего чиновничества в Ранней Византии является трактат «О магистратах» Иоанна Лиды.

Важным исследованием является работа А.А. Чекаловой, посвященная сенаторской аристократии Ранней Византии, где также дается историография вопроса [27, с. 5-12]. Управлению Поздней Римской империи на основе трактата Лиды посвящена работа К. Келли [15], а функционирование ранневизантийской бюрократии в VI в. рассматривается в работах Дж. Кайми [1], Т. Карни [3-5], М. Мааса [16], М. Дюбюиссона и Ж. Шампа [8-10]. Биографии сановников даются во 2 и 3 томах «Просопографии Поздней Римской империи» [19-20]. Из общих работ можно отметить «Кембриджский справочник по эпохе Юстиниана» [18], 14 том «Кембриджской древней истории» [17],

фундаментальный 3-томник А.Х.М. Джонса «Поздняя Римская империя 284-602 гг.» [11-13], где отдельные разделы посвящены структуре и функционированию ранневизантийского правительства.

Среди высших должностей по порядку шли префект претория Востока, префект претория Иллирика, префект города Константинополя, военные магистры, препозит священной опочивальни, магистр официий, квестор священного дворца, комиты (комит священных щедрот, комит частных имуществ, комит domestikов) (*Not. Dign. Orient. I*). Все они имели ранг иллюстриев, равно как консулы и патрикии, представляя высшую сенатскую знать [27, с. 91]. Применительно к VI в., среди наиболее влиятельных сановников Иоанн Лид отмечает префекта претория Востока, магистра официий и военных комитов (*Lyd. De mag. II.7, 11*). Прокопий в качестве наиболее значительных лиц, близких к императору, выделяет префекта претория Востока и квестора, называя последнего советником василевса (*Procop. V.P. I.24.11-16*). Эти лица составляли консисториум – близкий круг советников императора [11, р. 333], выделяемый из общего Сената. Помимо иллюстриев в Сенат входили спектабили и клариссимы, как из константинопольской, так и из провинциальной служилой знати. Сенаторы зачастую оставались в провинциях, как афинский сенатор 2-й половины V века Феаген (*Damasc. Vita Isid. 100*). Консульская должность в VI веке уже носила почетный и формальный характер, служа индикатором времени (*Lyd. De mag. II.8*). Окончательное падение значения и упразднение института консулов состоялось во времена Юстиниана [26].

Рабочий день сановников начинался с самого утра. Заседание Сената происходило в специальном здании, построенном императором Константином при основании города на площади Августеон (*Malal. Chron. XIII.8*). Оно было украшено редким мрамором и античными статуями (*Zos. Hist. Nov. V.24*). Это здание располагалось во 2-м районе города близ Большого императорского дворца около мыса. Еще одно здание располагалось в 6-м районе, расположенном на берегу залива в центральной части города (*Not. Urb. Const.*).

Сенат собирался утром, префект претория Востока прибывал туда первым, в так называемое время силентий. За префектом от царского дворца посылался силенциарий-амиссионалий (*Lyd. De mag. II.18*). Согласно Лиду, в Сенате председательствовал префект претория, а затем и префект города Константинополя (*Lyd. De mag. II.9, De mens. I.12*). В Новелле 62 указано, что префект города председательствовал на собрании (*Nov. 62*). Прибывающие туда комиты делали проскинезу перед префектом, который удостоивал поцелуем наиболее почитаемых начальников войска. Изначально император лично прибывал из собственного дворца, пешком со всеми придворными и охраной, однако во времена Феодосия II присылалось изображение императора. Все сановники собирались заранее, так как по прибытии императора никого не позволялось ни впускать, ни выпускать до его ухода (*Lyd. De mag. II.9*).

Перед консулом несли ликторские секиры в пучках, перевязанные пурпуровыми ремешками, а он сам восседал на сиденье из слоновой кости, переносимом гражданами на деревянных жердях (*Lyd. De mag. I.32*). Так в 535 г. отмечал свое единоличное консульство и повторно устроенный триумф Велизарий, которого несли пленные на кресле, а он бросал народу добычу (*Marc. Com. Add. a. 535; Procop. V.V. II.9.15-16*). В то же время, в отличие от древности, когда патриции всегда ехали на повозках в торжественных шествиях, никогда не идя на собственных ногах (*Lyd. De mag. I.18*), Велизарий первый главный триумф проходил пешком наравне с пленными и также

преклонился перед императором как и Гелимер (Procop. B.V. II.9.3-12). Сам же император был в платье «триумфалия», пурпурным изнутри и полностью золотым снаружи, на котором был также полностью золотой плечевой ремень лор (Lyd. De mag. II.2).

Инсигниями префекта претория Востока были серебряные шкатулки для чернил, и серебряная колесница, в VI веке сделанная из ковального золота ради внешнего величия на сумму более 100 литр (Lyd. De mag. II.14). В древности перед ним носили вексиллумы, секиры и молодые побеги виноградной лозы, но к VI в. сохранилось только последнее, выполняя лишь декоративные функции (Lyd. De mag. II.19). Кроме того, префект для переправы через Пролив имел в своем распоряжении 3 вида судов: быстроходные «келоки», дромоны «барки», грузовые суда «саркинарии» (Lyd. De mag. II.14).

Работы у высших сановников было много. Квестор Константин, преемник Трибониана и Юнила, передвигался бегом, и его нельзя было заставить в своем ведомстве, так как он постоянно выполнял поручения императора (Procop. Hist. Arc. XX.20-23). Квестор занимался юридическими и финансовыми вопросами, являлся одним из судей Константинополя, курируя судебное ведомство и законы, квесторы назывались «кандидаты», зачитывая письма императора в Сенате (Dig. I. tit. XIII; CJ I.30; Lyd. De mag. I.26-28). Как законодатель прославился Трибониан [19, p. 1335-1339]. В 539 г. был добавлен в помощь к нему квестор, следящий за пришлым населением Константинополя и проверяющим основания присутствия в городе, а также ускоряющий делопроизводство тяжб, прибывших из провинции, право контроля, суда за преступления и высылки пришлого населения (Nov. 80).

Префект города следил за порядком в Константинополе, городскими службами, безопасностью, налогообложением, ценообразованием, снабжением города, городским судом, школами и образованием (Dig. I. tit. XII; CJ I.28; Procop. Hist. Arc. XX.1-4).

Магистр официий Петр Патрикий днем настолько занят на службе, что мог читать книги только ночью (Lyd. De mag. II.26). В полномочия магистра официий входила дворцовая администрация и имперская канцелярия, управление приемами посольств, дипломатия, контроль над государственной почтой, внутренняя безопасность (CJ I.31). Петр Патрикий, еще не будучи магистром, посылался в Италию с дипломатической миссией (Procop. B.G. I.4; Hist. Arc. XVI.5). В 553/554 году он участвовал в разбирательстве между монофизитскими монахами и властями в Амиде, приказав прекратить преследование последних (Zach. HE. XII.6). Петр возглавлял посольство к персам в 562 г., хотя ему удалось заключить мирный договор, он не смог добиться успеха в требованиях римлян (Menand. Prot. fr. 11-13). Петр занимался приемом послов и организацией V Вселенского церковного собора [20, p. 994-998]. Кроме того, с начала V в. в сферу юрисдикции магистра официий был передан контроль над фабриками по производству оружия и контроль над государственной дорогой и почтовой системой из департамента префектуры претория Востока из-за слишком возросшего могущества последнего (Lyd. De mag. II.10, III.23, 40).

Префект претория Востока часто сутками просиживал над бумагами, ночью занимаясь определениями по неписанным приказам, а днем рассылая директивы, вечером разбирая определения и апелляции. У его подчиненных был короткий перерыв один раз в день (Lyd. De mag. III.15). Днем он занимался судебными делами. Префект претория заседал в Трибунале, – Храме Правосудия, называемый «Секретум» (Lyd. De mag. III.11, 65). Возможно, это был трибунал с пурпуровыми ступенями во 2 районе Константинополя, или трибунал на форуме Константина в 3 районе (Not. Urb. Const.). Неподалеку от него должен был находиться архив префектуры,

который был расположен около Сфендона на ипподроме, а судьи префектуры вершили суд около императорской Колоннады – длинных портиков 1 или 2 района города (Lyd. De mag. III.19, 65, 66; Not. Urb. Const.). Префект слушал тяжбы «сакри» и «темпоралия», касающихся рангов спектабилей и клариссимов вместе с квестором [15, р. 72], замещающая императора, и исполняя судебные функции за него. Церемония проходила в торжественной обстановке. Префект был одет в белое, восседая на кафедре судьи, рядом с ним в такого же цвета форме весь штат, тяжущиеся стороны приходили в сверкающих одеждах, а ораторы выступали в парадной праздничной форме.

Судебный штат чиновников и субъекты процесса были разделены деревянной решеткой-канцеллумом, охраняемой чиновниками-канцеляриями (Lyd. De mag. III.37). В зале не раздавалось ни звука, а посреди суда стоял серебряный треножник с водно-солнечными часами в виде серебряного канфара, отмеряющими время тяжбы. Завершение торжественной части заседания ознаменовывалось броском на мраморный пол чиновника-субъядьювы дорогих серебряных шариков, на которых были начертаны периоды дня римскими буквами и цифрами (Lyd. De mag. II.14, 16). После принятия судебного решения сведущие в законе советники префекта, подчиняющиеся сждарию, зачитывали его и распределение голосов – оно передавалось для подписи префекту через чиновников-канцеляриев; затем окончательное решение оглашалось секретарем и публиковалось литигатором; краткий обзор дела составлялся на латинском и отправлялся в архив (Lyd. De mag. III.11, 19-20).

В функции префекта претория входило управление над многочисленными провинциями диоцеза Востока, финансы и налогообложение, вся судебная система. Это был главный административный департамент империи в VI веке [15, р. 15]. Он был разделен на судебное и финансовое ведомство, при императоре Анастасии доминировало судебное ведомство, и огромное количество дел ежедневно совершались в префектуре (Lyd. De mag. III.13, 50), а при Юстиниане основным стало финансовое ведомство, в котором служили скриниарии и логофеты (Lyd. De mag. III.36-38). Собственную занятость подчеркивает и Иоанн Лид, занимавший различные должности в префектуре претория по судебной линии (Lyd. De mag. I.23).

Резиденция префекта была впервые построена Константином Мазакским при императоре Льве I. Она была украшена мозаикой. Это было скромное помещение, однако префект Сергей дополнил ее банями, так как префекты часто проводили там много времени. Наиболее перестроена она была при Иоанне Каппадокийском, когда бани он превратил в конюшни, а построил необычайно роскошные бани, где вода подавалась с помощью специальных механизмов. Кроме того, у него было множество дворцов, которые отличались необычайной роскошью, что высмеивает Иоанн Лид, говоря, что по сравнению с ними, египетские пирамиды могли отказаться скромными жилищами философов (Lyd. De mag. II.20-21).

Сенаторы и сановники постоянно были при дворе. Согласно Прокопию, множество архонтов ожидало выхода императрицы, стоя в тесном и душном помещении, чтобы совершить положенный обряд проскинезы, а отсутствие кого-либо было чревато смертельной опасностью от гнева императрицы (Procop. Hist. Arc. XV.11-16). Равно при императоре также требовалось находиться часто. В обязанности квестора входило составлять указы, изданные от имени императора (Procop. Hist. Arc. XIV.3).

Дворцовый штат составляли августалии (севастофоры), их штат из 30 человек был приписан к префектуре претория, из которых отбиралось 15 наиболее талантливых – «депутати», в VI в. они приписывались к дворцовому ведомству «а секретис», занимавшиеся написанием указов императора, а также перенаправлением судебных тяжб

из судов префектуры в другие суды по приказу императора (Lyd. De mag. III.9-10), а также вели тайную переписку от имени василевса (Procop. Hist. Arc. XIV.4). В древности Августалии состояли при императорском дворце Палатиуме и охраняли шкапулки богов, изображение и парадную одежду императора (Lyd. De mens. IV.105). Кроме того, во дворце был штат референдариев при императоре, которые подавали прошения на имя василевса и сообщали в суда его решения (Procop. Hist. Arc. XIV.11). Большую роль играли силенциарии, охраняющие тишину во дворце (Lyd. De mens. IV.105), эту должность занимали патрикии (Malal. Chron. XV.16). Эти чиновники были настолько влиятельны, что всерьез претендовали на императорский престол: император Анастасий происходил из силенциариев (Malal. Chron. XVI.1). Лид упоминает дворцовые ведомства «а пигментис» и «а сабанис», отвечавшие соответственно за благовония и бани двора (Lyd. De mag. III.20).

Препозит священной опочивальни отвечал за организацию личного досуга императора, его покоев, одежды. В его подчинении находились примикерий священной опочивальни, комит священных одежд, которые руководили многочисленными евнухами и другими слугами императора (CJ XII.5). Огромным влиянием пользовался препозит священной опочивальни конца V века Урвикий [19, p. 1188-1190]. За императорскую сокровищницу и казну, а также денежные раздачи и финансы отвечал комит священных щедрот, в подчинении которого состоял многочисленный штат и много скриниумов; в его компетенции был контроль над монетным делом, добычей и доставкой полезных ископаемых, производством одежды (Not. Dign. Orient. XIII; CJ I.32). В 542 году эту должность занимал Петр Варсима, который сократил раздачи, а также уменьшил количество золота в номисме (Procop. Hist. Arc. XXII.36-38). Еще одной важной фигурой, близкой к императору, был комит частных имуществ, отвечавший за личную собственность императорского дома. Он курировал личное имущество императора, в том числе императорские дворцы, их безопасность, императорские конюшни и скот, гужевой транспорт. В его ведомстве был патримоний, охранявший частную собственность, дошедшую до василевса (Not. Dign. Orient. XIV; CJ I.33; Lyd. De mag. II.27).

Служба безопасности, администрация и обеспечение дворца находились в руках магистра оффиций. В его подчинении находились многочисленные дворцовые школы и схолярии и скриниумы имперской канцелярии, а также чиновники тайной службы «агентов дел» (Not. Dign. Orient. XI). За поставку продукции во дворец отвечал штат фрументариев из 50 человек (Lyd. De mens. IV.105). Схолярии использовались для охраны дворца, их численность на протяжении V-VI веков варьировалась от 3000 до 5000 человек. Однако со времен Зенона эта должность стала вырождаться и превращалась в почетную – туда стали принимать невоинственных и неподготовленных людей за деньги (Procop. Hist. Arc. XXIV.15-20). Еще более почетный характер носили должности доместиков и протекторов, выполнявших аналогичные схоляриям функции. Они подчинялись комитам доместиков (Not. Dign. Orient. I) и составляли дворцовую гвардию. Согласно Прокопию, доместики и протекторы не были искусны в военных делах и среди них зачислялись аристократы за деньги ради звания и внешнего блеска, а также очень большого жалования (Procop. Hist. Arc. XXIV.24-25). Одним из наиболее известных протекторов был историк 2-й пол. VI в. Менандр, который про себя указывал, что был абсолютно празден, ничем не занимался и увлекался играми на ипподроме и театральными зрелищами (Menandr. Prot. fr. 1). За личную охрану императора отвечали отряды экскувиторов, являвшиеся боевыми, туда отбирали самых лучших. Исследователи относят их появление ко временам императора Зенона [28, с. 25]. Их возглавлял комит экскувиторов. Комит экскувиторов также занимался расследованиями любых

заговоров и покушений на жизнь императора: Марцелл, занимавший эту должность в 541-552 гг., участвовал в раскрытии заговора Иоанна Каппадокийца в 541 г., а также заговоре Арсака в 549 г. [20, р. 814-816]. Комит экскувиторов был очень влиятельным и могущественным лицом и одним из претендентов на императорский престол. Императорами стали комит экскувиторов Юстин I при Анастасии [19, р. 648-651], Тиверий при Юстине II [20, р. 1323-1326], обеспечивавший охрану дворца после смерти Юстиниана до вступления на престол Юстина II (Coripp. In Laud. Just. Min. I.210-215), а при Тиверии – Маврикий [20, р. 855-860]. При приеме посольства аваров Юстином II Корипп описывает следующее построение дворцовой стражи: деканы, курсоры, агенты дел, палатинские трибуны, протекторы, каждые в своем порядке и униформе; справа и слева от самого входа во дворец стояли экскувиторы (Coripp. In Laud. Just. Min. III. 155-180). Важным придворным чином был куропалат – начальник дворцовой стражи, эту должность занимали патрикии и родственники императора: куропалатом был Юстин II при жизни своего дяди; куропалатом был назначен зять Юстина II патрикий Бадуарий (Coripp. In Laud. Just. Min. III. 284-285).

Сенат принимал активное участие в государственных делах. Ни одно важнейшее решение не принималось без обсуждения в Сенате: Юстиниан созывал Сенат, чтобы вынести вопрос о начале вандальской войны. Но, в основном, по существу, от имени Сената выступали только те, кто занимал важные государственные посты. Примером может быть ситуация с началом войны в Африке, когда, хотя все сенаторы были настроены против решения императора начать вторжение, открыто выступить решился только префект Иоанн Каппадокийский, показав экономические риски той войны, что заставило Юстиниана отложить решение (Procop. B.V. I.10.1-18).

В обязанности сенаторов входили судебные функции. Новелла 62 предписывает расширить состав Сената и заниматься судебными тяжбами (Nov. 62). Сенаторы разбирали апелляционные тяжбы (Lyd. De mag. II.15, III.20). На рассмотрение Сената было вынесено дело по заговору против Юстиниана Арсака, в котором был замешан его двоюродный брат Герман (Procop. B.G. III.32). В случае игнорирования своих обязанностей сенатору полагался штраф (Nov. 62). Применительно к современности Прокопий отмечает, что функции Сената стали формальными, и он сидел, как изображение на картине, раболепно соглашаясь со всеми решениями императора (Procop. Hist. Arg.). О пассивности сенаторов свидетельствует и Иоанн Лид (Lyd. De mag. III.69).

В то же время, в период вступления нового императора на престол Сенат имел важное значение, так как династический принцип не был утвержден в Ранней Византии. При избрании Анастасия к нему послали сначала комитов domestikов и протекторов, а на следующий день собралось совместное заседание сената и консистория (De ser. 92. P. 417-425). Главную роль играли сановники, в частности, при избрании Анастасия играл препозит священной опочивальни Урвикий [27, с. 181], а в случае с избранием Юстина – магистр официий Целер [21, р. 82]. После смерти императора Юстиниана сенаторы в полном составе явились к Юстину, призывая его на царство (Coripp. In Laud. Just. Min. I.115-185). В торжественных церемониях Сенат выстраивался в строгом порядке и иерархии в соответствии с рангом и званием каждого сенатора, в частности, при проведении консульских мероприятий императором Юстином II (Coripp. In Laud. Just. Min. IV.140-150, 185-190, 230-240).

Привычки сановников были в зависимости от их происхождения и образования. Петр Патрикий любил проводить время в чтении книг и беседах с учеными. Он отлично знал историю и сам написал несколько книг (Lyd. De mag. II.26; Suid. II 1406). Равно известен как автор нескольких произведений префект претория 517 года

Сергий (Lyd. De mag. II.21; Suid. Σ 246). Квестор Трибониан был необычайно образован и великолепно знал законы. Его библиотека насчитывала более 2000 томов юридических книг (Dig. II.Omn. praef.; III.Tant. praef., 1, 9, 11, 17). Образование поддерживалось при императоре Анастасии, который продвигал по службе образованных людей, устраивались специальные состязания судебных раторов, даруя награды победителям (Lyd. De mag. III.50). Другие сановники также покровительствовали наукам. Ученостью отличался префект Константинополя 543 г. Гавриил, который писал стихи (Ant. Pal. XVI.208). Он покровительствовал наукам, ему посвятил хвалебную эпиграмму поэт Леонтий Схоластик (Ant. Pal. XVI.32), а Иоанн Лид – свои работы «О месяцах» и «О знаменьях» (Suid. I. 465). Покровительствовал ученым квестор при Юстине II Анастасий, которому Корипп посвятил свой «Панегирик» (Cotirr. In Laud. Just. Min. Pan. Anast.). Литературная деятельность была одним из факторов продвижения по карьерной лестнице и попадания в сенаторское сословие. Прокопий Кесарийский за свою работу «О постройках» удостоился титула префекта Константинополя при Юстиниане [2, р. 11-13], Евагрий Схоластик за свой сборник донесений получил ранг квестора от императора Тиверия, а за речь по случаю рождения сына у императора Маврикия – грамоту на префектуру (Evagr. HE. VI.24).

Активно сановники занимались благотворительной деятельностью. Патрикий Фока выделял много средств на строительство и содержание храмов (содержание храма свв. Ангелов в Галатии, 4000 литр золотых на строительство храма святой Софии в Константинополе), выкуп пленных, также покровительствуя ученым (Lyd. De mag. III.72-76). Сенатор в ранге иллистрия, историк и писатель VI века Гесихий Милетский выделил средства на восстановление бань в родном городе [14]. Из эпиграмм I книги «Палатинской антологии» известно, что сенатор Студий посвятил в своем имении храм св. Иоанну Предтече, Амантий – св. Фоме, Сфоракий – св. Феодору, после спасения из огня (Ant. Pal. I.4-7); известная патрикия начала VI века, происходящая от императорского дома Аникия Юлиана, жена магистра милитум Востока Ареобинда [19, р. 635-636], построила богато украшенный храм св. Полиевкту и ряд других (Ant. Pal. I.10, 12-17).

Совершенно по-другому проводили свое время малообразованные сановники. Иоанн Каппадокиец утопал в неге и удовольствиях и разврате. Он обжирался и обпивался, устраивая оргии с ночи до утра, находясь в своей резиденции (Lyd. De mag. II.21, III.57, 58, 61-62, 64-65). Каппадокиец пренебрегал своей обязанностью ходить во дворец, начиная рабочий день вечером (Lyd. De mag. II.17, III.65). Он не носил униформу, надевая различные светские наряды (Lyd. De mag. II.21). Каппадокиец завел необычайную роскошь (Lyd. De mag. III.21). Кроме того, он держал штат в составе 1000 телохранителей, хотя это было не разрешено официально для любого сановника (Procop. V.P. I.25.6-7): Велизарий, будучи в Константинополе, вынужден был распустить всю свою гвардию (Procop. V.G. III.1; Hist. Arc. IV.13-15, 20-21).

Любимым место времяпрепровождения сановников и всех жителей были бани. Как указано выше, роскошные бани возвел Иоанн Каппадокиец. К середине V в. в Константинополе было 153 частных бань (Not. Urb. Const.). В банях собирались и разговаривали о животрепещущих темах, религиозных вопросах. В 498 г. в Герениановых банях один арианин Олимпий порицал св. Троицу, за что был наказан страшным образом: он был обварен кипятком и сожжен Ангелом. В память об этом чуде в банях была сделана икона по приказу императора, а осмелившийся ее убрать был поражен страшной болезнью, гния заживо (Theod. Lect. HE. fr. VI.6; Vict. Ton. Chron. a. 498).

Наиболее популярными и известными были бани Зевскиппа во 2-м районе города около Ипподрома, украшенные множеством античных статуй [22]. «Экфрасис» этих бань сочинил Христордор Коптский (Ant. Pal. II).

Античные древности были в большой популярности у сенаторов VI в. В доме сенатора, почетного консула и куратора императорских имуществ Анатолия спальню украшало множество мраморных статуй, одна из которых и убила его во время землетрясения в Константинополе 557 г. (Agath. Hist. V.3). О древностях создавалось много произведений, пользующихся спросом. Писателем-антикваром был и Иоанн Лид. Даже иконы иногда создавались по языческим канонам: один живописец изобразил икону Христа как Зевса (Theod. Lect. HE. I.15; fr. VI.5).

В религиозном отношении сановники должны были быть православными; согласно законодательству, тот, кто не был православной веры, не имел права занимать государственные должности и был всячески ограничен в правах. На переход в православие давался срок 3 месяца [7]. Однако на практике по отношению к лояльным императору сановникам на их религию и моральный облик закрывали глаза. В частности, Иоанн Каппадокийский религии был эллином и часто посещал языческие храмы, гадая и бормоча заклинания. С помощью гаданий он выяснил, что будет преемником императора. По иронии судьбы, попав в опалу, он был пострижен в священники (Procop. V.P. I.25.8-10, 31-37; II.30.49-54). О квесторе Трибониане в словаре «Суда» говорится, что он был эллином и безбожником (Suid. T 956). Квестор и магистр оффиций двора Анастасий при Юстине II был самаритянином (Ioan. Ephes. HE. 3. I.19; II.29) В то же время на тех сенаторов и сановников, которых подозревали в нелояльности к власти, обрушивались репрессии и преследования, в том числе по религиозному признаку [6, p. 138-139]. Во время одного из антиязыческих гонений было арестовано и убито много сенаторов (Malal. Chron. XVIII.42; XIII.4-9).

Таким образом, сановники в VI веке имели очень плотный рабочий график, зачастую работая не только днем, но и ночью. Досуг сановников был организован в соответствии с их привычками и пристрастиями. В целом, возможности сановников в случае политической лояльности были неограниченными.

Список литературы

1. Caimi J. Burocrazia e diritto nel De magistratibus di Gionvanni Lido. Milan: A. Giuffrè, 1984. 476 p.
2. Cameron Av. Procopius and the Sixth Century. Routledge, London and New York, 1985. 321 p.
3. Carney T.F. Bureaucracy in traditional society. Romano-Byzantine bureaucracies viewed from within. In 3 vols. V.1. A Survey of Roman and Byzantine bureaucracies. Coronado Press: Lawrence, Kansas, 1971. 192 p.
4. Carney T.F. Bureaucracy in traditional society. Romano-Byzantine bureaucracies viewed from within. In 3 vols. V.2. Byzantine bureaucracy from within. Coronado Press: Lawrence, Kansas, 1971. 220 p.
5. Carney T.F. Bureaucracy in traditional society. Romano-Byzantine bureaucracies viewed from within. In 3 vols. V.3. John the Lydian: On the magistracies of the Roman constitution. Coronado Press: Lawrence, Kansas, 1971. 129 p.
6. Chuvin P. Chronique des Derniers Païens. La disparition du paganisme dans l'Empire romain du règne de Constantin à celui de Justinien. Paris, LA BELLES LETTRES/FAYARD, 1990. 351 p.
7. Constantelos D.J. Paganism and the State in the Age of Justinian // The Catholic Historical Review, Vol. 50, No. 3 (Oct., 1964), pp. 372-380.

8. Jean le Lydien Des Magistratures de l'État Romain. Tome I. 1ère partie. Introduction générale / Texte ét., tr. et comm. par M. Dubuisson, J. Schamp. Paris: Les Belles Lettres, 2006. 491 p.

9. Jean le Lydien Des Magistratures de l'État Romain. Tome I. 2ère partie. Introduction générale. Livre I / Texte ét., tr. et comm. par M. Dubuisson, J. Schamp. Paris: Les Belles Lettres, 2006. 504 p.

10. Jean le Lydien Des Magistratures de l'État Romain. Tome II. Livre II et III / Texte ét., tr. et comm. par J. Schamp. Paris: Les Belles Lettres, 2006. 709 p.

11. Jones A.H.M. The Later Roman Empire 284-602. A Social, Economic and Administrative Survey. Vol. I. Basil Blackwell: Oxford, 1964. 522 p.

12. Jones A.H.M. The Later Roman Empire 284-602. A Social, Economic and Administrative Survey. Vol. II. Basil Blackwell: Oxford, 1964. 1068 p.

13. Jones A.H.M. The Later Roman Empire 284-602. A Social, Economic and Administrative Survey. Vol. III. Basil Blackwell: Oxford, 1964. 448 p.

14. Kaldellis A. The Works and Days of Hesychios the Illustrious of Miletos // Greek, Roman and Byzantine Studies, 45 (2005), pp. 381-403.

15. Kelly C. Ruling the Later Roman Empire. Cambridge, Massachusetts and London, England, 2004. 336 p.

16. Maas M. John Lydus and the Roman Past. Antiquarianism and politics in the age of Justinian. Routledge, London and New York, 1992. 210 p.

17. The Cambridge Ancient History. Vol. XIV. Late Antiquity: Empire and Successors, A.D. 425-600. / Ed. by Av. Cameron, B. Ward-Perkins, M. Whitby. Cambridge University Press, 2008. 1101 p.

18. The Cambridge Companion to the Age of Justinian / Ed. by M. Maas. Cambridge University Press, 2005. 529 p.

19. The Prosopography of the Later Roman Empire. Vol. II, A.D. 395 – 527 / Ed. by J. R. Martindale. – Cambridge University Press, 1980. 1386 p.

20. The Prosopography of the Later Roman Empire. Vol. III, A.D. 527 – 641. Vol. IIIA (Abandanes 'Iyād ibn Ghanm). Vol. III B (Kâlâdjî – Zudius) / Ed. by J. R. Martindale. Cambridge University Press, 1992. 1575 p.

21. Vasiliev A.A. Justin the First. An Introduction to the Epoch of Justinian the Great. Harvard University Press, Cambridge, Massachusetts, 1950. 440 p.

22. Болгов Н.Н., Сбитнева Ю.Н., Ляховская О.В. Бани Зевксиппа в Константинополе: античный комплекс в сердце византийской столицы // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Сер. История. Политология. Экономика. Информатика. 2011. №19 (114). Вып. 20. – С. 28-35.

23. Диль Ш. Юстиниан и византийская цивилизация в VI веке / Пер. с фр. – СПб.: Типография Альтшулера Фонтанка 96, 1908. – 687 с.

24. Иваницкая Я.Ю. Христианизация позднеантичного общества в контексте внешних репрезентаций. [Дисс. канд. истор. наук]: 07.00.03 – всеобщая история (история древнего мира). Белгород, 2011. 265 с.

25. Лазарев В.Н. История византийской живописи. – М.: Искусство, 1986. – 194 с.

26. Серов В.В. Консульства Юстиниана // Античная древность и средние века. 2013. Вып. 41. – С. 92-103.

27. Чекалова А.А. Сенат и сенаторская аристократия Константинополя IV-первая половина VII века. – М.: Наука, 2010. – 341 с.

28. Шувалов П.В. Секрет армии Юстиниана. Восточноримская армия в 491-641 гг. – СПб.: Петербургское востоковедение, 2006. – 300 с.

Сокращения

Agath. Hist. – Agathias, Historiae

По: Agathiae Myrinaei Historiarum libri quinque / Ed. B.G. Niebuhr // Corpus Scriptorum Historiae Byzantinae. T.1. Bonn, 1828; Агафий. О царствовании Юстиниана. / Пер., ст., прим. М.В. Левченко. М.-Л.: АН СССР, 1953.

Ant. Pal. – Anthologia Palatina

По: The Greek Anthology with an English translation by W.R. Paton. In 5 vols. V.5 (Books XIII-XVI). London: William Heinemann; New York: G.P. Putman's sons, 1918.

CJ – Codex Justinianus

По: Codex Iustinianus. Recognovit et retractavit Paulus Krueger (Corpus Iuris Civilis, vol. II) // The Roman Law Library by Y. Lassard & A. Коптев. URL:

<https://droitromain.univ-grenoble-alpes.fr/> (дата обращения 15.10.2019); Justinian Code. / Engl. tr. F.H. Blume // George W. Hopper Law Library. URL: <http://www.uwyo.edu/lawlib/index.html> (дата обращения 15.10.2019).

Coripp. In Laud. Just. Min. – Corippi In Laudem Justinii Augusti Minoris

По: Флавий Кресконий Корипп Африкан Грамматик. Панегирик Юстину Младшему / Мир Поздней античности / Отв. ред.-сост. Н.Н. Болгов. Белгород: НИУ «БелГУ», 2017.

Damasc. Vita Isid. – Damascius, Vita Isidori

По: Damascius. The Philosophical History / text with transl. and notes by P. Athanassiadi. Athens: Apamea Cultural Association, 1999.

De cer. – De ceremoniis

По: Constantini Porphyrogeniti imperatoris De ceremoniis Aulae Byzantinae. Libri duo. L.I. / E rec. Io.Ia. Reiskii // Corpus Scriptorum Historiae Byzantinae. T.16. Bonn, 1829.

Dig. – Digesta Justiniani

Dig. II.Omn. – Digesta Justiniani. II. Constitutio Omnem.

Dig. III.Tant. – Digesta Justiniani. III. Constitutio Tanta.

По: Дигесты Юстиниана. Т.1. Книги I-IV / Отв. ред. Л.Л. Кофанов. М.: Статут, 2002.

Evagr. HE. – Evagrius, Historia Ecclesiastica

По: Evagrius Scholasticus. Historia ecclesiastica / Ed. J. Bidez, L. Parmentier. London, 1898. Русск.: Евагрий Схоластик. Церковная история в 6 кн. / Пер., вступ. ст., комм. и прилож. И. В. Кривушина. Отв. ред. Е. С. Кривушина. в 3 т. СПб.: Алетейя, 1999-2003.

Ioan. Ephes. HE. – Ioannes Ephesus, Historia Ecclesiastica

По: The Third Part of the Ecclesiastical History of John Bishop of Ephesus, now first translated from the original syriac by R.P. Smith, M.A. Sub-Librarian of the Bodleian Library. Oxford, at the University Press, 1860.

Lyd. De mag. – Ioannes Lydus, De Magistratibus

По: Ioannes Lydus. On the Powers or The Magistracies of the Roman State / Ed. A. Bandy. Lewiston, New York: The Edwin Mellen Press, 2013.

Lyd. De mens. – Ioannes Lydus, De Mensibus

По: Ioannes Lydus. On the Months (De Mensibus) / Tr. and ed. by A. Bandy. Edwin Mellen Press, 2013.

Malal. Chron. – Ioannes Malalas, Chronographia

По: Ioannis Malalae chronographia / Ed. L. Dindorf // Corpus Scriptorum Historiae Byzantinae. T.32. Bonn, 1831; Иоанн Малала. Хронография. Книги XIII-XVIII / Мир поздней античности. Документы и материалы. Выпуск 2 / Отв. ред. Н.Н. Болгов. Белгород: НИУ «БелГУ», 2014.

Marc. Com. Add. – Marcellinus Comes, Chronicon Additio

По: Марцеллин Комит. Хроника / Пер. и комм. Н.Н. Болгова. Белгород, 2010.

Menandr. Prot. – Menander Protector, Historia

По: *Historici Graeci minores, Vol. II: Menander Protector [Historiarum Fragmenta] et Agathias: [Historiarum Libri quinque]* / Ed. L. Dindorf, Lipsiae, in Aedibus B.G. Teubneri, 1871; Византийские историки: Дексипп, Эвнапий, Олимпиодор, Малх, Петр Магистр, Менандр, Кандид Исавр, Ноннос и Феофан Византиец / Пер. Г. С. Дестуниса. СПб., 1860.

Not. Dign. Orient. – *Notitia Dignitatum in partibus Orientis*

Not. Urb. Const. – *Notitia Urbis Constantinopolitanae*

По: *Notitia dignitatum; accedunt Notitia urbis Constantinopolitanae et laterculi prouinciarum edidit Otto Seek. Berolini apud Weidmannos, 1876.*

Nov. – *Novellae Justiniani*

По: *Justiniani Novellae / Recognovit R. Schoell Opus Schoellii morte interceptum absolvit G. Kroll (Corpus Iuris Civilis, vol. III).* // *The Roman Law Library* by Y. Lassard & A. Koptev. URL: <https://droitromain.univ-grenoble-alpes.fr/> (дата обращения 15.10.2019); *Justinian's Novels / Engl. tr. F.H. Blume // George W. Hopper Law Library.* URL: <http://www.uwo.edu/lawlib/index.html> (дата обращения 15.10.2019).

Procop. B.G. – *Procopius Caesariensis, De Bello Gothico*

Procop. B.P. – *Procopius Caesariensis, De Bello Persico*

Procop. B.V. – *Procopius Caesariensis, De Bello Vandalico*

Procop. Hist. Arc. – *Procopius Caesariensis, Historia Arcana*

По: *Procopii Caesariensis opera omnia / Ed. by J. Haury; revised by G. Wirth. 3 vols. Leipzig: Teubner, 1962–64; Прокопий Кесарийский. Война с готами. О постройках / Пер. С.П. Кондратьева. М.: Арктос, Вики-Пресс, 1996; Прокопий Кесарийский. Война с персами. Война с вандалами. Тайная история / Пер., ст. и комм. А.А. Чекаловой. М.: Наука, 1993.*

Suid. – *Suida*

По: *Suidae Lexicon ex recognitione I. Bekkeri. Berolini typis et impensis G. Reimeri, 1854; Suda On Line: Byzantine Lexicography.* URL: <http://www.stoa.org/sol/> (дата обращения 15.10.2019).

Theod. Lect. HE. – *Theodorus Lector, Historia Ecclesiastica*

По: *Eusebii Alexandrini Episcopi, Eusebii Emeseni, Leontii Byzantini Opera, quae reperiri potuerunt omnia intermiscuntur Theodori Scythopolitani, Theodosii Alexandrini, S. Gregentii Tapharensis, Epiphaniae CP., S. Isaaci Ninivitani, Episcoporum; Timothei CP., Timothei Hierosolymitani, Presbyterorum; Joannis Maxentii, Theodori Lectoris, Procopii Presbyteri Tyrorum, S. Barsanuphii, Anachorete Palestini, Agapeti CP. Diaconi, Eustathii Monachi, Epistolae, Tractatus, Opuscula; accedunt Justiniani, Imperatoris Augusti, Scripta Dogmatica / Ed. J.-P. Migne. Patrologia Graeca, Vol. 86a. 1865; Феодор Чтец. Церковная история // Православная энциклопедия «Азбука веры». URL: https://azbyka.ru/otechnik/Feodor_Chtec/tserkovnaja-istorija/ (дата обращения 15.10.2019).*

Vict. Ton. Chron. – *Victor Tununensis, Chronicon Continuans Ubi Prosper Desinit*

По: *Victoris Tonnennensis episcopi chronica a. CCCXLIV -DLXVII. Monumenta Germaniae Historica, AA. Bd. 11. Berlin. 1894; Виктор Тонненский. Хроникон Виктора / Пер. Д. Суровенкова, 2009 / Восточная литература. URL: http://www.vostlit.info/Texts/rus17/Victor_Tonnenensis/frameset.htm (дата обращения 15.10.2019).*

Zach. HE. – *Zacharias Rhetor, Historia Ecclesiastica*

По: *The Syriac Chronicle, known as that of Zachariah of Mitylene, Translated into English by F.J. Hamilton, D.D. and E.W. Brooks, M.A. Methuen & Co. 36 Essex Street, W.C. London, 1899.*

Zos. Hist. Nov. – *Zosimus, Historia Nova*

По: *Zosimus / Ed. B.G. Niebuhr // Corpus Scriptorum Historiae Byzantinae. T.50. Bonn, 1837; Зосим. Новая история / Пер. и комм. Н.Н. Болгова. Белгород: Изд-во БелГУ, 2010.*

УДК 94(470):94(57)
ББК 63.3(2Рос.):63.3(5)

О.А. Джагаева

Калмыцкий государственный университет им. Б.Б. Городовикова

**ИСТОРИЯ ФОРМИРОВАНИЯ НОРМАТИВНО-ПРАВОВОЙ БАЗЫ
РОССИЙСКО-МОНГОЛЬСКОГО ПРИГРАНИЧНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА
В 1990-х гг. – НАЧАЛЕ 2000-х гг.**

Статья посвящена анализу нормативно-правовой базы приграничного российско-монгольского сотрудничества в постсоветский период. Исследованы федеральные нормативные документы, закрепившие основные направления стратегического партнерства России и Монголии – торгово-экономическое, культурное, научно-техническое. На примере соглашений и договоров приграничных российских регионов с аймаками Монголии показана реализация федеральных инициатив на местах.

Ключевые слова: *Россия, Монголия, нормативно-правовая база, соглашение, договор, приграничное сотрудничество, стратегическое партнерство, регионы, аймаки.*

O.A. Dzhaeva

Kalmyk State University named after B.B. Gorodovikov

**HISTORY OF THE FORMATION OF A REGULATORY LEGAL
FRAMEWORK FOR RUSSIAN-MONGOLIAN BORDER COOPERATION
IN THE 1990s – AT THE BEGINNING OF THE 2000s**

The article is devoted to the analysis of the regulatory framework of cross-border Russian-Mongolian cooperation in the post-Soviet period. The author analyzed the federal regulatory documents that consolidated the main areas of strategic partnership between Russia and Mongolia namely: trade, economic, cultural, scientific and technical. The implementation of federal initiatives is shown on the example of agreements and treaties of the Russian border regions with aimaks (settlements) of Mongolia.

Key words: *Russia, Mongolia, regulatory framework, agreement, cross-border cooperation, strategic partnership, regions, aimaks.*

В условиях современной напряженности международных отношений со странами Запада особую актуальность представляет совершенствование имеющихся и поиск новых векторов взаимодействия с дружественными странами, опыт эффективных контактов с которыми насчитывает не одно десятилетие [3]. К числу таких стран относится Монголия. Помимо выстраивания стратегического партнерства на межгосударственном уровне, немаловажное значение имеет локальное взаимодействие на уровне приграничных регионов РФ и Монголии.

Следует отметить, что исследованиям социально-экономических, культурных и научных контактов приграничных территорий РФ и Монголии посвящено большое количество работ. Как правило, это труды региональных исследователей – экономистов, историков, политологов, в которых они анализировали состояние и перспективы развития сотрудничества приграничных российских субъектов федерации с Монголией на примере Республики Бурятия, Республики Тува, Забайкальского края, Иркутской области, а также общие вопросы энергетического сотрудничества, развития приграничной инфраструктуры и т.д.

Все указанные виды взаимодействия приграничных субъектов РФ с соседними иностранными территориями возможны благодаря выработанным на федеральном уровне единым принципам и нормам сотрудничества. Попытаемся в данной работе проанализировать основные нормативно-правовые документы по развитию приграничного сотрудничества РФ и Монголии на федеральном и региональном уровнях.

Необходимость выстраивания новой системы приграничного сотрудничества возникла в начале 1990-х гг. Распад СССР и образование независимых государств по периметру новых границ России разрушили многие традиционные приграничные связи. Дезинтеграция СССР отрицательно сказалась и на экономическом положении Монголии, а также способствовала началу в ней политических изменений. Складывание новой системы российско-монгольского взаимодействия проходило в сложных условиях необеспеченности нормативно-правовой базой, когда регионы пытались самостоятельно выстраивать экономические отношения с сопредельными государствами. Исследователи неоднократно отмечали, что сложившиеся в течение нескольких десятилетий системы специализации и кооперации между регионами не могли быть разрушены в короткие сроки [14]. Поэтому, несмотря на политический и экономический кризис начала 1990-х гг., российско-монгольское сотрудничество, в том числе и приграничное, стало адаптироваться под новые условия.

Первые попытки регулирования торгово-экономического и политического взаимодействия между Российской Федерацией и Монголией были предприняты в 1993 г., когда во время визита в Москву монгольского президента Пунсалмаагийн Очирбата был заключен Договор о дружественных отношениях и сотрудничестве [2]. В документе можно выделить группу статей, гарантировавших построение двусторонних экономических связей на принципах равноправия и взаимовыгоды. Для этого предполагалось создание на государственном уровне условий для развития торгового и финансового взаимодействия, поддержки физических и юридических лиц, предприятий государственного и негосударственного секторов экономики, инвесторов. В сфере приграничного сотрудничества договор предусматривал содействие развитию приграничной торговли и контактам между административно-территориальными образованиями РФ и Монголии, между государственными и негосударственными предприятиями, объединениями и учреждениями [2].

Укреплению приграничных связей способствовала деятельность Межправительственной Российско-монгольской комиссии по торгово-экономическому и научному сотрудничеству. В составе данной комиссии существовала специализированная подкомиссия, занимавшаяся вопросами приграничного взаимодействия регионов. В первую очередь, в сферу ее полномочий входила координация торгово-экономической деятельности приграничных субъектов РФ с монгольской стороной. На первом ее заседании, проходившем в г. Улан-Удэ в июне 1997 г., был принят проект Программы сотрудничества, вынесенный позже на обсуждение с руководителями приграничных регионов. Подкомиссия оказывала содействие двусторонним связям российских субъектов федерации и монгольских аймаков, способствовала заключению договоров и соглашений между приграничными регионами двух стран, организации двусторонних визитов глав администраций.

В качестве еще одной организации, способствовавшей развитию торгово-экономического сотрудничества сибирских регионов и аймаков Монголии, можно назвать ассоциацию «Сибирское соглашение». Созданная в 1990 г., данная Межрегиональная ассоциация экономического взаимодействия в числе своих задач ставила «укрепление имевшихся связей, соблюдение дисциплины поставок; поиск эффективных форм делового сотрудничества; согласованное участие во внешнеэкономической деятельности» [5].

К началу 2000-х гг. происходит активизация внешнеполитической деятельности РФ по развитию партнерских отношений с сопредельными государствами. Согласно принятой в 2000 г. Концепции внешней политики РФ, одним из приоритетных направлений было «формирование пояса добрососедства по периметру российских границ» [4].

Во время визита Президента РФ В.В. Путина в Улан-Батор осенью 2000 г. было подписано межправительственное соглашение, регламентирующее взаимоотношения органов исполнительной власти субъектов РФ и администраций приграничных районов Монголии (аймаков) [7]. Согласно данному документу Межправительственная Российско-монгольская комиссия по торгово-экономическому и научно-техническому сотрудничеству подготовила Меморандум о сотрудничестве между Советом Сибирского федерального округа, Межрегиональной ассоциацией «Сибирское соглашение» с одной стороны и приграничными аймаками Монголии с другой.

В подготовленном Меморандуме подчеркивалось, что российская и монгольская стороны в рамках своих полномочий будут создавать условия для развития и поддержки социально-экономического и культурного партнерства приграничных регионов. В числе прочего особо выделялись такие направления работы, как обеспечение условий для организации и деятельности на основе кооперации совместных российско-монгольских предприятий промышленности, включавших в себя полный цикл переработки, производства и реализации готовой продукции. Помимо этого, предполагалось расширение сотрудничества по таким направлениям, как сельское хозяйство, туризм, строительство коммуникаций, топливно-энергетическая сфера и др. Перспективы активизации торгово-экономического сотрудничества двух стран зависели от упорядочения и расширения приграничных связей регионов, на долю которых в 1990-х гг. приходилось свыше 70% общего товарооборота двух стран [1, с. 33]. Приграничная торговля велась по таким отраслям, как сельское хозяйство (мясная промышленность, зерно и удобрения, ветеринария), транспорт, энергетика, добыча и разведка полезных ископаемых, продукция машиностроения и товары широкого потребления.

В одном из основополагающих российско-монгольских международных документов – Улан-Баторской декларации – также прописывалась необходимость развития приграничного взаимодействия. Указывалось, что Россия и Монголия «приветствуют развитие региональных и приграничных контактов и приложат усилия для совершенствования правовых основ дальнейшего их расширения и углубления» [13].

После указанного визита Президента В.В. Путина в Монголию был дан толчок дальнейшей активизации приграничного сотрудничества. После ряда визитов глав приграничных российских регионов в Монголию, между Монголией и Республиками Бурятия, Тува, Читинской областью (в настоящее время Забайкальским краем) были заключены договоры и соглашения о партнерстве в торгово-экономической и культурной сферах. Немаловажное значение имело сотрудничество и с регионами, не имевшими непосредственной государственной границы, в их числе – Иркутская область и Алтайский край. В Иркутске (ноябрь 2001 г.) была организована встреча губернаторов регионов и Президентов республик, вовлеченных в торгово-экономические отношения с Монголией, с одной стороны и представителями администраций аймаков, бизнесменами и деловыми кругами Монголии с другой. Основным обсуждаемым вопросом стала проблема расширения торгово-экономического сотрудничества двух стран путем активного вовлечения приграничных регионов. Были определены проблемы, решение которых должно было способствовать расширению приграничных связей. Речь шла,

в первую очередь, о необходимости построения современной логистики. Для этого необходимо было синхронизировать взаимодействие Восточно-Сибирской и Улан-Баторской железных дорог, улучшить работу связи, создать современный механизм взаимодействия таможенных служб двух стран.

2000-е гг. становятся периодом активной договорной деятельности приграничных регионов, пытавшихся преодолеть последствия кризиса первого постсоветского десятилетия и восстановить традиционные связи с Монголией.

11 сентября 2004 г. в г. Кызыл было заключено Соглашение между Правительством Республики Тыва и Администрацией Архангайского аймака Монголии [10]. В рамках торгово-экономического взаимодействия двух регионов в соглашении предписывалось, в первую очередь, ориентироваться на обеспечение местного населения производимыми обеими сторонами товарами путем заключения долгосрочных договоров на поставки. Регламентировалось создание совместных предприятий в легкой, пищевой промышленности и сельском хозяйстве; организация на регулярной основе выставок-продаж в форме ярмарок, на которых регионы представляли свои товары и пр. Прописывалась административная поддержка сотрудничества со стороны органов местного самоуправления Республики Тыва и Архангайского аймака Монголии путем создания Комиссии (Группы) по развитию торгово-экономического приграничного сотрудничества, открытия в г. Улангоме Монголии представительства Республики Тыва в западных аймаках Монголии, проведения регулярных встреч руководящих работников со специалистами различных отраслей экономики в г. Кызыл Республики Тыва Российской Федерации и г.Цэцэрлэг Архангайского аймака Монголии [10].

В Протоколе мероприятий от 16 октября 2003 г. между Председателем Правительства Республики Тыва Ш.Д. Ооржаком и Губернатором Баян-Ульгийского аймака Монголии Х. Баделханом были выделены приоритетные направления сотрудничества и утверждены конкретный комплекс мероприятий [8]. В сфере торговли утверждался перечень необходимых монгольской стороне товаров и услуг, Республика Тыва предоставляла список предприятий и организаций – потенциальных партнеров монгольской стороны с указанием видов их деятельности, перечнем поставляемых товаров, оказываемых услуг, цен и тарифов. В промышленности приоритет отдавался совместному поиску и разработке полезных ископаемых. Также намечались совместные проекты в сфере транспорта, здравоохранения, науки и образования, культуры, охраны правопорядка, в том числе на государственной границе [8].

Еще одно Соглашение было заключено в г. Кызыле в 2002 г. между Правительством Республики Тыва и администрацией Увсанурского аймака Монголии [11]. В числе прочего, предполагалось заключение долгосрочных контрактов между регионами на переработку мяса и шкур, производство изделий из древесины, одежды, обуви, ремонт электроприборов, добычу угля [11].

В январе 2000 г. Губернатором Иркутской области Б.А. Говориным и Министром развития инфраструктуры Монголии Г. Батхуу было подписано соглашение о развитии приграничного сотрудничества [9], содержавшее гарантии сотрудничества с целью эффективного использования природных, экономических и трудовых ресурсов.

Соглашения о взаимодействии российских регионов с Монголией заключались и на федеральном уровне. В рамках реализации соглашения между Правительством РФ и Правительством Монголии [12], было принято постановление Правительства Республики Бурятия от 9 апреля 1999 г. В нем констатировалась значимость двусторонних торгово-экономических отношений между Бурятией и Монголией [6]. На экспорт из Бурятии шли промышленное и транспортное оборудование, а также электроэнергия

и продукция добывающей и перерабатывающей промышленности (нефтепродукты, изделия и лом цветных и черных металлов). Монголия поставляла в Бурятию мясо и мясные продукты, а также комбикорма для сельского хозяйства республики. В Бурятии функционировали совместные с монгольской стороной предприятия лесной и деревообрабатывающей промышленности, строительные объединения [6].

Помимо планов торгово-экономического взаимодействия, был заключен целый перечень договоров и соглашений, предполагавших развитие партнерства в социальной, культурной и научной сферах, в области здравоохранения и образования. Как правило, соглашения заключались между органами исполнительной власти Монголии и монгольских аймаков и республики Бурятия. К примеру, протокол о сотрудничестве в области здравоохранения между Министерством здравоохранения Республики Бурятия и Министерством здоровья и социальной защиты Монголии на период 1999-2003 гг. от 25 февраля 1999 г. предполагал подготовку, переподготовку и повышение квалификации медицинских фармацевтических кадров Монголии на базе Учебно-методического центра Министерства здравоохранения Республики Бурятия, а также повышение квалификации врачей Монголии на выездных обучающих курсах, проводимых в г. Улан-Удэ специалистами из институтов г. Москвы, Санкт-Петербурга и Иркутска [6].

Соглашение между Министерством культуры Республики Бурятия и Министерством просвещения Монголии о сотрудничестве в области культуры от 27 февраля 1999 г. предполагало сотрудничество в сфере музейного дела, проведения реставрационно-охранных работ. Общность языков и этнических корней способствовала созданию библиотечных ассоциаций монголоязычных народов, проведению обменов творческими коллективами, организации выставок художников, дизайнеров и мастеров народного искусства, гастролей национальных театральных трупп и др. [6].

Таким образом, на исследуемый период приходится становление новой нормативно-правовой базы российско-монгольского сотрудничества как на федеральном, так и на региональном уровнях. Это позволило активно вовлечь приграничные регионы России в систему геополитического взаимодействия, международной торговли, межрегиональных культурных контактов. Сложилась практика встреч представителей региональных правительственных и деловых кругов для совместного решения вопросов экономического и культурного сотрудничества. Создание интеграционных связей способствовало росту экономик приграничных регионов за счет открытия зарубежных рынков сбыта производимых товаров и услуг, развития транспортной инфраструктуры, открытия предприятий и производств совместно с монгольской стороной. Тем не менее в исследуемый период, несмотря на имевшийся комплекс договоров и соглашений практически по всем направлениям российско-монгольского взаимодействия, потенциал сотрудничества между регионами не был реализован в полной мере. Ко второй половине 2000-х – началу 2010-х гг. относится комплекс мероприятий по развитию туристической отрасли, стимулированию инвестиционного сотрудничества, развитию малого бизнеса и транспортной инфраструктуры и др.

Список литературы

1. Атанов Н.И., Намжилова Б.Э. Российско-монгольское сотрудничество в спектре приграничных взаимодействий // Вестник Бурятского научного центра СОРАН. – 2011. – № 1. – С. 27-40.
2. Договор о дружественных отношениях и сотрудничестве между Российской Федерацией и Монголией от 20 января 1993 г. // Дипломатический вестник. – 1994. – № 3-4.

3. Дружба навеки: очерки истории сотрудничества Советского Союза и Китайской Народной Республики (1949-1960 гг.). – Москва, 2018.

4. Концепция внешней политики РФ // Дипломатический вестник. – 2000. – № 8. – С. 3-11.

5. Межрегиональная ассоциация экономического взаимодействия субъектов РФ «Сибирское соглашение». URL:<https://www.sibacc.ru/mass/> (дата обращения: 02.09.2019 г.)

6. Постановление Правительства Республики Бурятия от 09 апреля 1999 г. № 141 «О мерах по реализации соглашения между Правительством РФ и Правительством Монголии об экономическом и приграничном сотрудничестве между Республикой Бурятия и Монголией от 25 февраля 1999 г.». URL:<http://docs.cntd.ru/document/473801842> (дата обращения: 02.09.2019 г.)

7. Постановление Правительства РФ от 14 ноября 2000 г. № 856 «О подписании Соглашения между Правительством РФ и Правительством Монголии о принципах сотрудничества между органами исполнительной власти субъектов РФ и местными администрациями Монголии» // Собрание законодательства РФ. – 2000. – № 47. – Ст. 4600.

8. Протокол согласованных мероприятий к Соглашению о дальнейшем торгово-экономическом, научно-техническом и культурном приграничном сотрудничестве между Правительством Республики Тыва РФ и Администрацией Баян-Ульгийского аймака Монголии от 16 октября 2003 г. URL: <http://www.mert.tuva.ru/suborgs/agency-foreigneconomic/ageements/> (дата обращения: 02.09.2019 г.)

9. Соглашение между Администрацией Иркутской области РФ и Правительственными организациями Монголии о торгово-экономическом, научно-техническом и культурном сотрудничестве между регионами Иркутской области и Монголии от 26 января 2000 г. URL:<http://docs.cntd.ru/document/469421761> (дата обращения: 02.09.2019 г.)

10. Соглашение между Правительством Республики Тыва и Администрацией Архангайского аймака Монголии о торгово-экономическом, научно-техническом и культурном сотрудничестве от 11 сентября 2004 г. URL:<http://www.mert.tuva.ru/suborgs/agency-foreigneconomic/ageements/> (дата обращения: 02.09.2019 г.)

11. Соглашение между Правительством Республики Тыва РФ и администрацией Увсанурского аймака Монголии о торгово-экономическом, научно-техническом и культурном приграничном сотрудничестве от 25 марта 2002 г. URL:<http://www.mert.tuva.ru/suborgs/agency-foreigneconomic/ageements/> (дата обращения: 02.09.2019 г.)

12. Соглашение между Правительством РФ и Правительством Монголии об экономическом и приграничном сотрудничестве между Республикой Бурятия и Монголией от 25 февраля 1999 г. URL:<http://base.garant.ru/29506712/> (дата обращения: 02.09.2019 г.)

13. Улан-Баторская декларация от 14 ноября 2000 г. // Дипломатический вестник. – 2000. – № 12. – С. 27-29.

14. Ходов Л. Государственное регулирование импорта товаров и капиталов в Монголии // Проблемы Дальнего Востока. – 2000. – № 5. – С. 110-116.

15. Mongolian statistical yearbook. Ulaanbaatar: National statistical office of Mongolia, 2016. – 450 p.

УДК 93/94
ББК63.3(2)6

А.Н. Команджаев, К.Ф. Лиджеева, Ц.В. Олчанова
Калмыцкий государственный университет им. Б.Б. Городовикова

ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ СФЕРА НАЦИОНАЛЬНЫХ РАЙОНОВ ЮГА РОССИИ В ПЕРИОД ФОРМИРОВАНИЯ СОВЕТСКОГО СОЦИУМА (1920-е – 1930-е гг.)

В данной статье рассматривается образовательная сфера национальных районов юга России в период формирования нового социума в первые десятилетия советского государства. Анализируются составляющие факторы включения народов исследуемого региона в новое советское общество. Одним из них являлась единая система образования, через которую осуществлялась подготовка кадров для проведения индустриальной модернизации страны. В этот период трансформировались все сферы традиционного общества, изменился образовательный уровень населения региона в соответствии с проводившейся политикой поднятия культурного уровня народов.

Ключевые слова: образовательная сфера, Северный Кавказ, Калмыкия, Юг России, советский социум, промышленная модернизация, интеграция, культура, трансформация.

A.N. Komandzhaev, C.F. Lidjeeva, Ts.V. Olchanova
Kalmyk state University named after B.B. Gorodovikov

THE WORK IN EDUCATIONAL SPHERE IN NATIONAL REGIONS OF SOUTHERN RUSSIA DURING THE FORMATION OF SOVIET SOCIETY (1920s – 1930s)

The article assesses the significance of work in the field of education in national regions of southern Russia during the formation of the new society in the first decades of the Soviet state. The researchers analyzed how ordinary people began to work in the new Soviet society. The system of education played an important role in training personnel for the industrial modernization of the country. All spheres of traditional society were transformed during this period. The educational level of the population of the region changed in accordance with the policy pursued to raise the cultural level of different peoples.

Key words: educational sphere, North Caucasus, Kalmykia, South of Russia, Soviet society, industrial modernization, integration, culture, transformation.

В первые два десятилетия советского государства в национальных районах юга России, как в целом в стране, формировалась новая образовательная сфера. Это область общественной жизни являлась и является сейчас основным фактором формирования человека как личности. В исследуемый период становление сферы образования было связано с политическими и идеологическими аспектами, направленными на формирование нового общества.

В дооктябрьский период в основном присутствовало религиозное обучение, соответственно, для новой власти, которое провозгласило «отделение школы от церкви», встала задача создания новой образовательной структуры и ее содержательной части.

Практически первым законодательным документом стал «Декрет об уничтожении сословий, званий и прочих чинов» (10 ноября 1917 г), в котором прописывалась ликвидация сословного деления и констатировалось уравнивание гражданских прав женщин и мужчин. Все меры, принимаемые в этот период, были связаны с формированием

новой общности и сохранения целостности государства, в основу которых были заложены мощные идеологическая и политическая составляющие. «Советизация» населения национальных районов юга России исходила из придания территориям, на которых они проживали, административной и управленческой форм в виде автономных образований. Необходимость такого подхода заключалась в привлечении народов такого многонационального и поликонфессионального региона к различным общественным институтам нового государства. Через партийные, советские, профсоюзные органы транслировалась новая идеология, которая должна была стать определенной основой формирования нового человека и, соответственно, нового социума. На первом этапе государственного становления, на протяжении 1920-х годов все еще сохранялся этнический элемент, но в дальнейшем советское руководство стало ориентироваться на экономический фактор.

Для формирования нового общества советское государство проводило масштабные мероприятия модернизационного характера. Основным из них являлось решение проблемы выравнивания культурного и, прежде всего, образовательного уровня народов страны, включая народы южнороссийского региона, заключавшееся в неграмотности практически всего населения.

Советским государством были поставлены амбициозные задачи: ликвидация неграмотности и реализация задачи всеобщего обучения. Кроме того, были поставлены еще более масштабные цели – организовать абсолютно новую образовательную модель, а не реформировать прежнюю, тем более что новое руководство страны декларировало отказ от всего «буржуазного», в том числе и в сфере образования.

В соответствии с грандиозными проектами все учебные заведения, функционировавшие в имперский период, становились государственными, были организованы новые учреждения, занимавшиеся идеологическими вопросами, в частности, главное управление политического просвещения Народного комиссариата просвещения РСФСР (Главполитпросвет). Глава профильного ведомства А.В.Луначарский на X съезде РКП (б) (1921г.) докладывал, что «... в коммунистическом государстве [должно быть]... только коммунистическое [образование]», но при этом высказывался о том, что необходимо использовать и «... прежний запас культуры» [1, С.141-142].

Большое внимание уделялось воспитанию «нового человека», изменению его психологии, мировоззрения, мировосприятия. Само образование становилось бесплатным, в национальных районах, в том числе и на юге России, обучение должно было вестись на национальных языках, школа же отделялась от религии.

Государственная политика в образовательной сфере была направлена на то, что подрастающее поколение должно было понимать необходимость создания нового социалистического государства с развитой экономикой – промышленностью, сельским хозяйством, а для реализации проекта надо было подготовить квалифицированные рабочие кадры. Идеологическая составляющая также связывалась с преодолением индивидуальной психологии и необходимости воспитания человека-коллективиста.

Особое значение придавалось трудовому, интернациональному воспитанию. По всей стране в этот период создавались детские общественные организации – октябрятские, пионерские, для старшеклассников – комсомольские. Например, в южнороссийских автономиях появились первые пионерские отряды (Чечня, Ингушетия). Центральным профильным ведомством (наркомат просвещения) большое внимание уделялось содержательной части образования, в частности, историческому. «Старые» учебники по истории, как считалось в этот период, не отвечали целям советского

образования, но новые еще не были написаны. История как учебный предмет был заменен на обществоведение. Основным мотивом данного предмета являлось понимание школьниками «борьбы трудящихся против старого общества» [2, с.172-173].

В начале 1920-х гг. этническому фактору также отводилась немаловажная роль в становлении новой власти. В национальных районах юга России обучение велось на родном языке, но необходимая литература на национальных языках отсутствовала. Для их написания, осознания его текстовой части были даны рекомендации, в которых прописывалось учитывать культурные традиции определенной национальности, использовать их «в интересах социалистического строительства».

Сложным вопросом на начальном этапе советского государства являлась языковая проблема, именно в её решении заключалась адаптация местного населения к процессу «советизации», такой подход получил название «коренизация».

Национальная педагогическая интеллигенция являлась проводником культурной революции. Она участвовала во всех кампаниях, в частности, в ликвидации неграмотности, а также занималась разъяснением многих вопросов, непонятных для местного населения. Кроме того, педагогов привлекали к участию в деятельности партийных, советских, профсоюзных органов [9, с.32].

Представители педагогической интеллигенции из коренных национальностей включались в управленческий аппарат, в дальнейшем многие из них вошли во властные структуры и возглавили партийные, советские органы, стали руководителями отделов народного образования.

В этот период проводилась проверка учительского состава на т.н. «благонадежность», и тех педагогов, которые не проявили лояльности к советской власти, заменяли на соответствующий контингент. Все мероприятия советской власти были направлены на создание единого социума, свободного от национальной замкнутости, но не исключая традиционные элементы воспитания.

Введение всеобщего обучения также стало фактором «советизации» населения южнороссийского региона. Советские, партийные органы контролировали решение данной масштабной задачи, в местных отделах народного образования создавались специальные комиссии, которые осуществляли надзор за реализацией поставленных целей. Так, в южнороссийских автономиях строились школы, детей привлекали к обучению, родители несли ответственность за получение образования своих детей. Для разрешения поставленных задач местные власти привлекали общественность, на которую возлагалась задача контроля проводимых мероприятий, и такой подход воспринимался местным населением и как доверие к нему, что укрепляло поддержку советской власти. Эти вопросы освещались в различных трудах ученых [12,13,14,15].

Несмотря на сложное положение, центральный наркомат просвещения увеличивал ассигнование, оказывал финансовую поддержку для решения проблем просвещения в национальных районах.

В национальных районах юга России в течение двух десятилетий советского государства в социально-экономической, культурной сферах произошла реальная модификация. Были построены новые предприятия, дороги, электростанции и др. Тем не менее здесь все-таки еще оставались в основном небольшие предприятия, выпускавшие продукцию для своего потребления, а в целом население региона было занято в сельском хозяйстве. К концу 1920-х годов функционировали потребительские общества, машинно-тракторные станции, но изменения, произошедшие в аграрном секторе, связанные с переселенческой политикой, повлияли на традиционные социальные отношения. Местное общество такие решения воспринимало негативно, многие

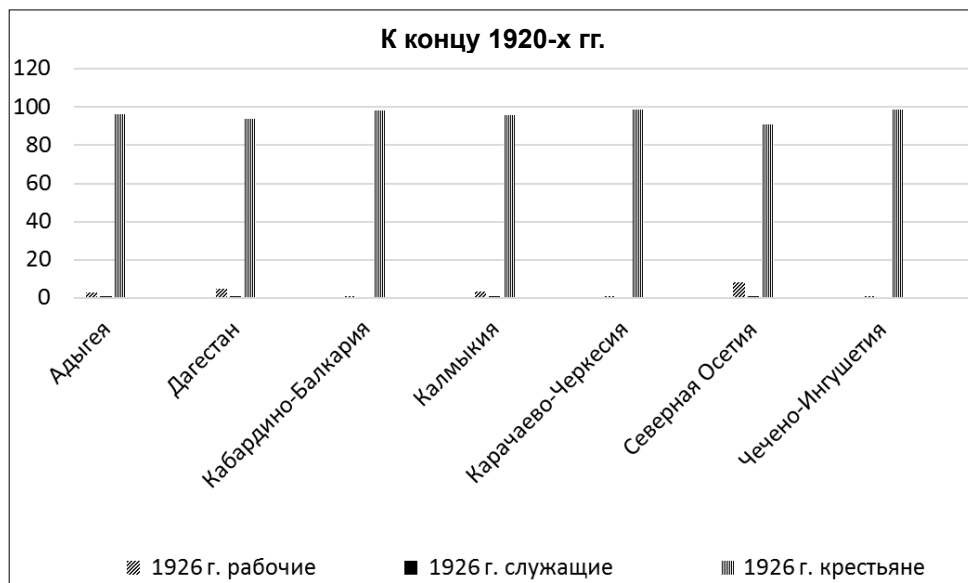
возвращались на прежние места проживания. Тем не менее, в соответствии с такими экономическими мероприятиями, были основаны новые поселения, например, к концу 1920-х гг. в Кабардино-Балкарии появилось более 40 новых поселений, а в начале 1930-х гг. еще более 10 [3 с.120].

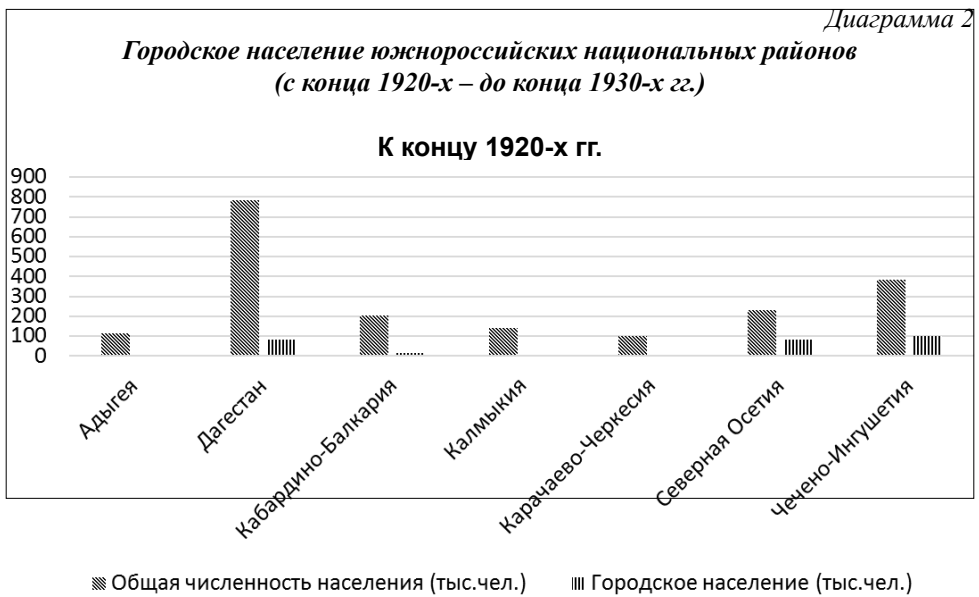
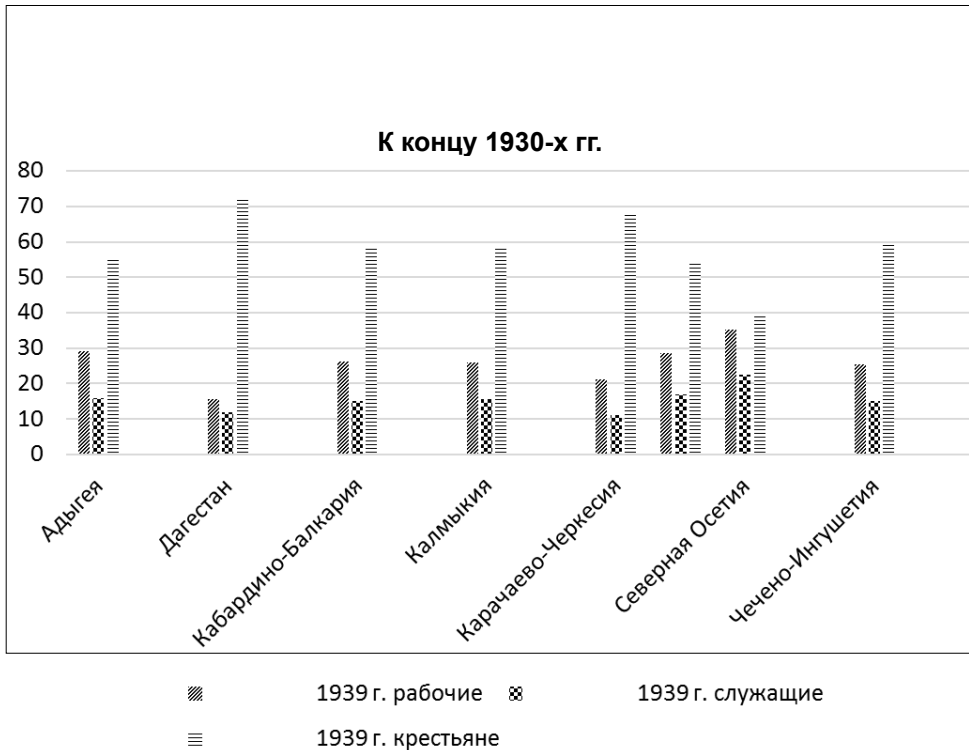
Национальные районы юга России отличались населением, проживавшим в сельской местности, с традиционным укладом жизни, соответственно, итоги внедрявшихся здесь новаций и технологических процессов были неоднозначными. Промышленная модернизация подтолкнула экономическое развитие региона. В 1930-е гг. появились горнодобывающие, нефтяные предприятия, цветной металлургии, а также отрасли по выпуску пищевой и местной продукции. Так, в Дагестане, исходя из региональных ресурсов, были построены промышленные предприятия – текстильные, нефтяные, кожевенные и др. Соответственно, появились рабочие места, возросла численность рабочих, практически была ликвидирована безработица. В Чечено-Ингушетии развивались нефтяная, химическая промышленность, появились строительные, стекольные предприятия, здесь также произошло количественное увеличение числа рабочих. В Кабардино-Балкарии появились горно-металлургические предприятия, здесь также в основном была ликвидирована безработица в связи с появлением новых рабочих мест [6].

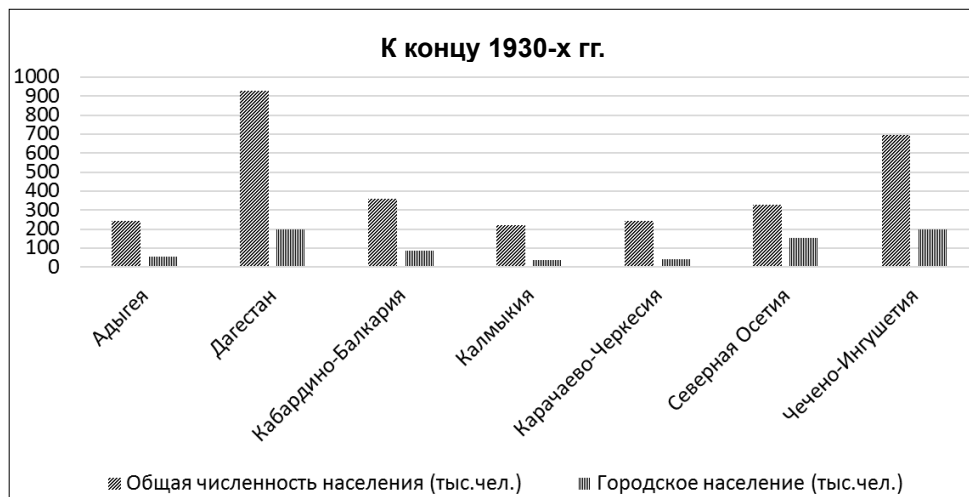
Но индустриальное развитие в основном проводилось экстенсивными способами, т.е. увеличились количественные элементы с использованием людских и материальных ресурсов. Изменилась социальная структура, но она также в южнороссийских национальных районах не была равномерной. В связи с промышленной модернизацией появились новые социальные слои – квалифицированные рабочие, инженерно-технические работники, соответственно, в регионе начали функционировать фабрично-заводские ученичества, техникумы, школы рабочей молодежи и др.(см. диаграммы 1 и 2) [диаграммы составлены на основании данных из: 2, с. 148; 4, с.135; 5, с. 156-157].

Диаграмма 1

**Социальная структура южнороссийских национальных районов
(с конца 1920-х – до конца 1930-х гг.)**

Анализ данных диаграммы 1 показывает, что основные социальные слои в национальных районах юга России на протяжении первых двух десятилетий советского государства претерпели изменения. В 1920-е гг. преобладающим большинством являлось крестьянское население. В целом, цифровые данные по социальной структуре национальных районов почти одинаковые, в регионе более 90% населения было сельским. В 1930-е гг. в связи с промышленной модернизацией появились рабочие, в частности, в Северной Осетии они составляли около 36% от всего населения, также зародилась прослойка служащих (управленцы, работники различных ведомств, учреждений и т.д.). Также изменился и состав городского населения, т.е. начался процесс урбанизации (см. диаграмму 2). В регионе процент горожан по территориям разный, так, в Адыгее, Кабардино-Балкарии, Северной Осетии этот показатель довольно высокий (от 27% до 47%). Естественно, все эти процессы были связаны с разными темпами включения южнороссийских национальных районов в новую общественную систему. Там, где имелось большее социальное расслоение и общество было более открытым, интеграция шла быстрее, а в тех районах, где еще сохранялся традиционный уклад жизни, большое значение имела религия, общество являлось более закрытым, их включение в советскую общественную систему шло медленнее.

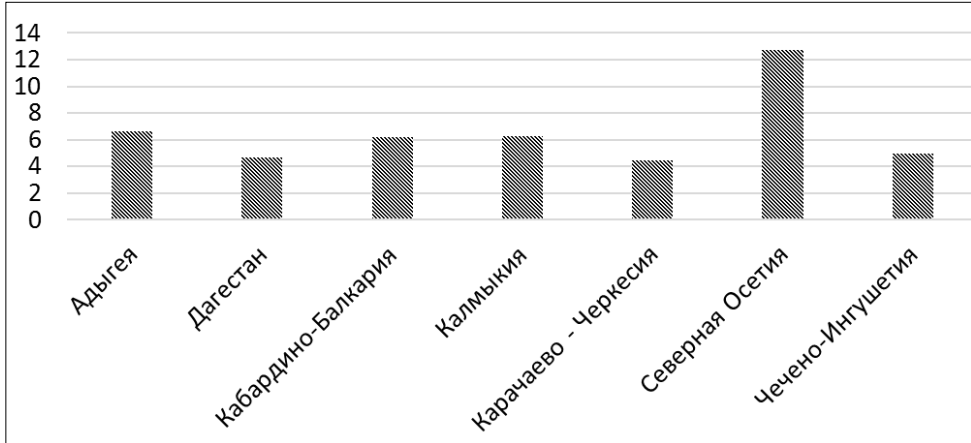
На рубеже 1920-х – начала 1930-х гг. как в масштабах всей страны, так и в южнороссийских автономиях получило распространение среднеспециальное образование, ставшее основой подготовки специалистов для создания индустриальной, нефтяной, энергетической базы региона, а в 1930-е гг. подготовка кадров высшей квалификации осуществлялась в высших учебных заведениях, в этот период стали функционировать педагогические, учительские, медицинские и другие институты. Потребность в кадрах исходила из экономической политики и имеющимися региональными природными ресурсами.

В близких географически к национальным районам территориях (Астрахань, Саратов, Краснодар, Новочеркасск и др.) в высших учебных заведениях были открыты горские и калмыцкие отделения для обучения молодежи из коренных национальностей. Реорганизация высшей школы была связана с потребностью в специалистах для всех отраслей производства. На базе некоторых факультетов создавались новые отраслевые учебные заведения, кроме того, при вузах были открыты вечерние и

заочные отделения, что позволяло получить образование без отрыва от производства (см. диаграмму 3) [диаграмма составлена на основании данных из: 2, с. 205; 4, с.143; 5, с. 159-160].

Диаграмма 3

Образовательный уровень населения южнороссийских национальных республик, имеющих высшее и среднее образование, на рубеже 1930-х-1940-х гг.(%)

Особую актуальность в 1930-е гг. приобрели модернизационные изменения и проводившиеся масштабные проекты, которые являлись стабилизирующими факторами в унификации и сохранении единства страны. Необходимо отметить, что образовательная сфера в южнороссийских национальных районах складывалась в соответствии с государственной политикой, хотя на первом этапе ее становления учитывались региональные или национальные особенности.

Единая система образования являлась одним из условий создания нового социума, национальный аспект отходил на второй план, вопросы межэтнических отношений теряли свою первостепенность. Сфера образования национальных автономий юга России также стала фактором их интеграции в советское государство, она связывалась с политической и идеологической «советизацией» народов региона. Для образовательных учреждений в масштабах всей страны были разработаны типовые учебные планы, выпускались типовые учебники, в регионах функционировали среднеспециальные и высшие учебные заведения.

На формирование советского человека влияли и средства массовой информации – газеты, журналы, радио, различные лозунги, которые должны были воздействовать на его мышление, на восприятие доступности изменений, происходящих вокруг, и, соответственно, он должен был быть преданным новым идеям. Многочисленные кампании – культштурмы, ликвидация неграмотности, обучение санитарно-гигиеническим нормам и др. – были направлены на создание нового единого советского общества, например, в Калмыкии были организованы «красные кибитки», в которых обучали санитарии, оказывали медицинскую помощь, проводили профилактику и т.д. [11, с.97]. Культурная инфраструктура – клубы, библиотеки, избы-читальни – была связана с формированием новой общественной среды, где подача информации также была коллективной.

Во второй половине 1930-х гг. автономии были преобразованы в республики, получившие свои конституции как первые законодательные акты, в которых закреплялся статус территорий.

Таким образом, модернизационные изменения дали возможность для большей мобильности местного населения, которое постепенно включалось в новое общество, изменялся образ жизни, формировались новые ценностные ориентации, что позволило выйти из этнической замкнутости, осознания сопричастности и единения с происходящими в стране событиями и в дальнейшем стать частью нового социума.

В течение второго десятилетия советского государства национальные районы юга России интегрировались и адаптировались к новым модернизационным изменениям и к условиям жизнедеятельности новой системы. Трансформировались все сферы традиционного общества, а также изменился образовательный уровень в соответствии с проводившейся политикой поднятия культурного уровня народов.

Список литературы

1. Десятый съезд РКП (б). Март 1921 г. Стенографический отчет. – М., 1963. – 794 с.
2. Всероссийская перепись населения 1939 года. – М., 1992. – 254 с.
3. Королев Ф.Ф., Корнейчук Т.Д., Равкин З.И. Очерки по истории советской школы и педагогики. 1921-1931 гг. – М., 1961. – 507 с.
4. Боров А.Х. Северный Кавказ в российском цивилизационном процессе. – Нальчик, 2007. – 298 с.
5. Лиджеева К.Ф. Развитие сферы образования национальных районах Юга России в конце XIX-1941 г.: сравнительно-исторический анализ. – Элиста, 2018. – 196 с.
6. Лиджеева К.Ф. Социально-экономическая и культурная интеграция народов Северного Кавказа в советское государство (1920-е-1930-е гг.) // Вестник МГОУ. М., 2011. №3. – С.145-148.
7. Мамсиоров Х.Б. Модернизация культур народов Северного Кавказа в 20-е гг. XX века. – Нальчик, 2004. – 322 с.
8. Советская культура в реконструктивный период. 1928-1941 гг. – М., 1998. – 605 с.
9. Хозяйственное и культурное состояние автономной области Калмыцкого трудового народа: доклад Калмыцкого исполнительного комитета Совнаркома РСФСР. – Астрахань, 1927. – 62 с.
10. Лиджеева К.Ф. Подготовка педагогических кадров в процессе создания советской интеллигенции // Вестник Поморского университета. – Архангельск, 2011. №6. – С.29-34.
11. Олчанова Ц.В. Калмыцкая национальная интеллигенция: формирование и развитие в конце XIX века – первой половине XX века. – Элиста, 2016. – 174 с.
12. Сартикова Е.В. Развитие школьного образования в Калмыкии в XX веке. – Элиста, 2008. – 407с.
13. Красовицкая Т.Ю. Модернизация России: национально-культурная политика 20-х годов. – М., 1998. – 414 с.
14. История Дона и Северного Кавказа (1917–2000): учебное пособие для студентов вузов/ авт. колл. В. И. Афанасенко, А. В. Венков, А. Г. Кажарова и др. – Ростов-на-Дону, Нальчик, 2004. – 390 с.
15. Очерки истории школы и педагогической мысли народов СССР. Конец XIX – начало XX в. / Под ред. Э. Д. Днепров, С. Ф. Егорова, Ф. Г. Паначина, Б. К. Тебиева. – М., 1991. – 448 с.

УДК 908; 397.4
ББК 63.3(29=)

Г.Э. Настинова

Калмыцкий государственный университет им. Б.Б. Городовикова

НОМАДНОЕ ЖИВОТНОВОДСТВО КАК ОСНОВА СИСТЕМЫ ЖИЗНЕОБЕСПЕЧЕНИЯ КАЛМЫЦКОГО НАРОДА

Данная статья представляет результат комплексного междисциплинарного подхода с использованием данных истории, этнографии, других областей гуманитарных и естественных наук объективного исследования определяющей роли кочевых животноводства в системе жизнеобеспечения калмыцкого народа, единственного представителя кочевой, динамичной цивилизации монгольского метаэтноса азиатского мира в Европе. Проведен анализ условий, факторов, основных форм и средств формирования системы жизнеобеспечения, прежде всего, питания. Определяющая роль кочевых животноводства в питании калмыков анализируется с акцентом на своеобразие, фиксирующее влияние природных условий, хозяйственной специализации, культурной специфики, особенностей национального характера населения в степных условиях Нижнего Поволжья и Предкавказья. Используются материалы по истории, культуре, этнографии, естественнонаучным аспектам системы жизнеобеспечения калмыков.

Ключевые слова: историко-культурные аспекты, система жизнеобеспечения, питание, кочевое животноводство, калмыки.

G.E. Nastinova

Kalmyk state University named after B.B. Gorodovikov

NOMADIC CATTLE BREEDING AS THE BASIS OF THE LIFE SUPPORT SYSTEM OF THE KALMYK PEOPLE

This article highlights the results of a comprehensive interdisciplinary research involving historical data, ethnographical observations, information from other fields of Humanities and natural Sciences. The main goal of the study is to determine the role of nomadic livestock in the life support system of the Kalmyk people. Kalmyks are the only representative of the nomadic, dynamic civilization of the Mongolian meta-ethnos of the Asian world in Europe. The scientists analyzed conditions, factors, basic forms and means of formation of life support system and first of all basic food patterns. While defining the role of nomadic animal husbandry in the diet of the Kalmyks researchers emphasized the originality due to the influence of natural conditions, economic specialization, cultural specificity, features of the national character of the population in the steppe conditions of the Lower Volga region and the Caucasus. The research team used documents on history, culture, Ethnography, natural science aspects of the Kalmyks life support system.

Key words: historical and cultural aspects, life support system, nutrition, nomadic animal husbandry, Kalmyks.

Введение. При изучении традиционных обществ большую актуальность приобретают вопросы этнологического анализа формирования и сущности системы жизнеобеспечения отдельных народов, которая обеспечивает сложную взаимосвязь между образом жизни народа и местными природно-климатическими условиями [11, с. 56].

В формировании систем жизнеобеспечения отдельных народов значительную роль сыграли хозяйство и традиционная культура, наряду с природными и социальными факторами. В последние десятилетия интерес к таким исследованиям значительно возрос, что обусловлено интересом к проблеме взаимоотношений природы и общества.

По определению И.И. Крупника, «...система жизнеобеспечения – взаимосвязанный комплекс особенностей производственной деятельности, демографической структуры и расселения, трудовой кооперации, традиций потребления и распределения, т.е. экологически обусловленных форм социального поведения, которые обеспечивают человеческому коллективу существование за счет ресурсов конкретной среды обитания» [14, с. 15].

Особенно отчетливо ресурсопределяющий детерминизм в связи с природными условиями существования народа проявляется в хозяйственной деятельности, связанной с питанием народа. Многочисленные литературные и архивные источники позволяют проследить и проанализировать этапы развития этнической истории и культуры калмыков, где содержатся материалы по проблеме взаимоотношений калмыцкого этноса и природы. Номадное животноводство представляло собой основной источник и ресурс всех компонентов системы жизнеобеспечения калмыцкого народа на протяжении многих сотен лет. Основное внимание в работе было уделено определяющей роли номадного животноводства в питании калмыков. Междисциплинарный подход к изучению этого вопроса способствует более полному раскрытию ценности и значению номадного животноводства в системе жизнеобеспечения калмыцкого этноса.

Целью данной работы явилось изучение роли номадного животноводства как ресурса питания в системе жизнеобеспечения калмыцкого этноса с использованием историко-культуроведческого и естественнонаучных подходов.

Материал и методы исследования. Проанализированы многочисленные сведения, представленные в историко-этнографической литературе и других областях гуманитарных и естественных наук, а также фондовых и полевых материалов. Теоретико-методологической основой работы стали фундаментальные исследования ведущего отечественного основоположника этнологической проблематики Ю.В. Бромлея [6, с. 35]. Основополагающим методологическим принципом в работе явился междисциплинарный подход к изучению народной культуры [2, с. 3]. Жизнеобеспечение калмыков рассматривается как сложная материальная, культурная и мировоззренческая система, определяющее место в которой занимает *номадное животноводство*.

Условия и факторы формирования системы жизнеобеспечения калмыцкого этноса. Система жизнеобеспечения калмыков формировалась на протяжении многовековой истории народа. Ее истоки уходят в глубь веков, к первым столетиям нашей эры, когда предки современных калмыков – ойраты (западные монголы) – впервые вступили на историческую арену Восточной и Центральной Азии. В период с конца XVI-начало XVII в. часть ойратских феодалов с подвластными им людьми откочевала из Джунгарии и, пройдя путь через Джунгарию, Алтай и Хангай, среднее течение Иртыша, поселилась на берегах Тобола, Ишима и Иртыша (1608-1636 гг.) почти на три десятилетия. В XVI-XVII веках ойратские племена, покинув эти земли, двинулись на запад, заняв огромные территории от Дона до Енисея по широте и от Урала до границ Индии по долготе, а позже границы их крайних кочевий длительное время оставались от Волго-Уральского района до правобережья низовий Волги [5, с.24] (рис.1).

Во второй половине XVIII века большая часть калмыков откочевала из Приволжья обратно в Азию, а оставшиеся осели на правом берегу Волги, в Калмыцкой степи. В 1609 г. эта часть ойратов, добровольно войдя в состав России, приняв Российское подданство, постепенно сформировалась в монголо-язычную народность – калмыцкую. В конце XVIII века термин «калмык» тюркского происхождения приобрел значение самоназвания народа [20, с. 68].

Рис. 1. Границы этнических ареалов калмыцкого народа

«С этого времени ойрат-калмыки тесно связали свою судьбу с историей России, а земли, заселенные калмыками, ранее известные как Повелецкая степь, после прихода сюда калмыков с начала XVII века стали называть Калмыцкой степью...» [10, с. 82].

На протяжении веков калмыки привлекали к себе внимание географов, лингвистов, этнографов, фольклористов. Калмыкам посвящены многочисленные труды историков, этнологов, культурологов, религиоведов.

Путешественники XVIII в. и участники академических экспедиций, организованных Петербургской Академией наук, «познакомили» россиян с калмыками, открыв серию публикаций, в которых описанию подлежали не только природа, культура, но и общественное устройство, быт и повседневная жизнь кочевников, хозяйственная деятельность населения [2, 7, 8, 20-22].

Именно эти работы положили начало процессу формирования комплекса знаний о калмыцком народе, его самобытной культуре и жизнеобеспечивающих средствах и приемах, отмечая у них выносливость, неприхотливость, настойчивость, старательность, умение довольствоваться малым, что и обеспечивало успешность их жизни в достаточно трудных природно-климатических условиях.

В XIX в. исследования, которые охватывали широкий круг вопросов жизнеобеспечения и быта калмыцкого народа, продолжили работы Н.Н. Бадмаева [1], И.А. Житецкого [9], Н.О. Очирова [19] и др.

В XX в. традиция этнографического описания компонентов традиционной системы жизнеобеспечения калмыцкого этноса получила развитие в исследованиях Н.Н. Пальмова [21], У.Э.Эрдниева [24], А.Н. Команджаева [13] и др.

Материалы этих авторов свидетельствуют, что, несмотря на тяжелые испытания, многочисленные трагические страницы своей истории, выпавшие на долю ойрат-калмыцкого народа за более чем тысячелетнюю их документированную историю, калмыки смогли сохранить свою идентичность: язык, сложившуюся ойратско-калмыцкую письменность (тодо-бичиг – «ясное письмо»), литературу религиозного и светского содержания, средства и способы хозяйствования, традиционные знания, обеспечивающие быт, питание, сохранение здоровья и т.п.

Калмыки пришли к берегам Волги и Северного Прикаспия с многовековыми традициями и навыками хозяйственного уклада, основой которого было экстенсивное кочевое скотоводство, устоявшейся системой политической и общественной организации, своеобразным Сводом законов, выработанным в Джунгарии на съезде калмыцких и монгольских феодалов в 1640 году. [3, с. 12].

Кочевое животноводство как аборигенная форма хозяйствования монгольской цивилизации сформировалась на территориях, непригодных для земледелия, где население часто полностью зависит от домашнего скота для его жизнеобеспечения.

Э. Хара-Даван отмечал: «Кочевой быт обуславливается не дикостью или варварством данного народа, как принято думать, а есть совершеннейшее приспособление к почвенно-географическим условиям степи, не пригодной для земледелия. Быт этот сопряжен с чисто скотоводческим хозяйством. Скотовод вынужден менять пастбище, вытравив подножный корм в данном месте. Перекочевывать должен со своими стадами, как природный кочевник великой евразийской степной полосы, так и американец в прериях далекого Запада...» [23, с. 64].

Формирование системы жизнеобеспечения как результат освоения Калмыцкой степи явился первостепенным обстоятельством становления и развития калмыцкого этноса в новых природных условиях.

На новой Родине, в России, калмыцкий народ продолжал кочевать по бесконечным степям Нижнего Поволжья, природные условия и ландшафт которых представляли собой обширный пастбищный ресурс, обусловленный в большей степени их протяженностью, чем их продуктивностью.

Номадизм был единственным способом культурной и экологической адаптации народов к сухим и засушливым степям Нижнего Поволжья.

Академик И. И. Лепехин, в конце XIX в. побывав в экспедициях в разных провинциях российской империи, оставил массу ценных этнографических записей о калмыках, признавая, что калмыки смогли адаптироваться в суровых степных и полупустынных условиях юга России: «От них польза есть. Они занимают пустые степи, ни к какому обитанию негодные...» [16, с. 112].

Как отмечает Н.Я.Бичурин, «...они жили на данной территории, существуя в гармонии с природой, ограничив себя строжайшими правилами природопользования и внешне скромным бытом» [4, с.65].

«Народ, привыкший к степному кочеванию, и по сие время своей привычки оставить не может. Живут по степям, на пригористых местах, в кибитках, которые они с одного места на другое место переносить могут. Весь их дом состоит в кибитке, войлошной постели, котле и 2-х или 3-х кожаных узкогорлых ведрах...» – читаем у И.И. Лепехина [16, с.13].

Особенности номадных животных. В традиционной культуре животноводов одно из главных достояний – это пастбище, от хорошего состояния которого зависело материальное благополучие кочевого народа. Климат Калмыцкой степи от засушливого

до полусушливого и безморозным периодом более ста дней в году, низкая продуктивность почвы позволяли осуществлять выпас скота на естественных пастбищах как единственный устойчивый способ использования таких земель.

Скот круглогодично содержался на пастбище, лишь с XIX в. стали запасать корм на зиму. Скот всегда ценился, и судьба его постоянно волновала владельца, а его численность всегда была связана с социальным положением.

Калмыки, начиная с глубокой древности, занимались улучшением пород и сохранением генофонда скота, на собственном опыте постигая методы разведения домашних животных, обработки и использования продуктов животноводства.

Калмыцкие породы домашнего скота согласно классификации относятся к животным турано-монгольского корня, первоначальной родиной которого была Джунгария [17, с.60].

Так, калмыцкая порода крупного рогатого скота, являясь одной из древних пород мира азиатского происхождения на Европейском континенте, долгое время формировалась при круглогодичном пастбищном содержании под влиянием резко континентального климата. В процессе естественного отбора животные приобрели ценные хозяйственно-полезные признаки: выносливость, неприхотливость к кормам. Они весной и осенью быстро набирают жир, а в периоды летних засух и длительного зимнего периода, сохраняя упитанность, хорошо переносят высокие и низкие температуры, устойчивы к заболеваниям. К зиме появляется густой волосяной покров. Способность скота калмыцкой породы выдерживать зимние морозы до минус 20-25 градусов обеспечивает волосяной покров, в котором преобладает пух и значительное жиросложение под кожей и на внутренних органах. Характерная для животных гладкая шерсть способна отражать солнечные лучи, что связано с исключительной приспособленностью к жарким условиям сухих степей.

Особенности рельефа, климата, гидрографического режима, почвы, растительного покрова, ландшафтной зональности, характерные для степных условий, в значительной мере детерминировали адаптацию традиционной хозяйственно-культурной деятельности калмыков в пределах занимаемой территории.

Для Калмыцкой степи характерна достаточно уязвимая флора и фауна с многими эндемичными видами. Поэтому управление выпасом было важно не только для получения средств к существованию, но и для поддержания водосбора и сохранения *in situ*¹ генетических ресурсов и биоразнообразия.

Рационально построенная система маршрутов перекочевок и распределения пастбищ по сезонам с учетом климатических, растительных, водных и прочих условий территории обеспечивало попеременное восстановление растительного покрова различных площадей. Традиционный порядок стравливания пастбищ номадными животными, которые потребляют различные виды трав, обеспечивал каждому из них «отдых» в течение нескольких месяцев, для предотвращения разрушения почвенно-растительного покрова степи. Система запретов, действовавшая у калмыков, способствовала сохранению окружающей среды, растительного и животного мира.

Как отмечает Б. Бергман, «стада содержались на подножном корме, есть корм – стадо пасется на месте. Съеден корм под ногами – стадо движется дальше, к новым кормам. Малая продуктивность пастбищ вынуждает стада постоянно перемещаться с места на место, а вместе со стадами кочуют люди. Кроме обычных перекочевок, калмыки часто вынуждены преодолевать несколько сот верст по степи. Летом они в основном путешествуют на лошадях, редко на верблюдах, и никогда на повозках. Зимой они предпочитают верблюдов» [25, с. 565].

¹В естественных, природных условиях («на месте» лат.)

Анатомо-морфологические и физиологические особенности организма калмыцких пород животных (овцы, курдючные и грубошерстные и лошади калмыцкой степной породы, отличающиеся неприхотливостью, крупный рогатый скот, а также козы и верблюды) обеспечивали приспособленность к пастбищному содержанию в Калмыцкой степи.

Разведение крупного рогатого скота ранее сильно уступало в своем значении разведению лошадей и овец, большое значение оно приобрело лишь в XIX в. Это отмечали в сообщениях путешественников конца XVII века. Так, П.С.Паллас в своем «Путешествии по разным провинциям Российского государства» сообщает относительно быта калмыков: «...Богатство и существование калмыков основано на их стадах. Самый главный по численности скот – лошади и овцы; верблюдов и крупный рогатый скот они держат в меньшем числе...» [20, с. 323].

Хозяйственная деятельность на степных просторах Поволжья практически не изменяла природного баланса территории, калмыки стали частью этой степной природы.

Особенностью скота калмыцкой породы является комбинированность продуктивности, т. е. мясная сочеталась с молочной и шерстяной продуктивностью. Натуральное хозяйство, много веков господствовавшее у калмыков, требовало именно комбинированную продуктивность скота для удовлетворения потребности скотоводческих хозяйств в мясе, молоке, шерсти, мехе и в транспортных средствах.

Овцы, козы, крупный рогатый скот и отчасти лошади использовались как мясные животные.

Овцы калмыцкой породы выносливы, устойчивы, приспособлены к природным условиям и рельефу степной зоны. Они отличаются скороспелостью и хорошо выраженными мясными, шубноовчинными и мясосальными качествами.

Верблюды, лошади, крупный рогатый скот – как транспортные. Шерсть и пух получали от овец, верблюдов и коз. Молоко же всех пяти видов животных использовалось независимо от главного направления продуктивности животного.

Веками сложившаяся богатейшая культура монгольских народов находит свое выражение в характере и особенностях традиционного типа питания калмыков, основу которого им обеспечивали номадные животные.

Особенности этнического питания калмыков обусловлены экологической средой, традиционным ведением хозяйства и, являясь результатом многовекового отбора наиболее питательных блюд, представляют собой органический синтез мяса (и различных блюд из мяса и крови) и молочных продуктов (различные виды кислого молока и сыр, опьяняющие напитки и т. д.) [5, с. 86; 15, с. 50].

Мясо и наиболее употребительные мясные продукты являлись источником полноценного белка и жира. Особенно высоко ценится мясо коров калмыцкой породы, т.к. отличается «мраморностью» – наличием прожилок жира в мясе, что обеспечивает биологическую ценность и высокую усвояемость.

Дополнительный источник белка и жиров в рационе питания представляли также разнообразные молочные продукты. Кисломолочные продукты – это неотъемлемая часть рациона питания калмыков, начиная с древности. Пищевая и биологическая ценность мясных и молочных продуктов состоит также в высоком содержании эссенциальных (незаменимых) соединений: витаминов, минеральных элементов.

Жиры животного происхождения в питании калмыков имеют не только важное энергетическое значение, накапливая в своем составе витамины А, D, E и K, снабжают организм человека этими витаминами в достаточно высокой степени.

Потребляемый рацион в системе ежедневного, а в особенности ежегодного питания удовлетворял физиологические потребности и обеспечивал нормальное функционирование человека как биосоциальной единицы.

Заключение.

Калмыки в ходе своей многовековой истории создали своеобразную технологию ведения кочевнического животноводства: технику пастбищного скота на природных пастбищных угодьях, технику эксплуатации животных, технологию использования продуктивности скота. В основе этого была сложная система мер, поддерживающих устойчивость пастбища на основе накопленных естественнонаучных и экологических знаний. Знания анатомии животных, ботаники, зоологии и т.п., сохраняясь на многие годы, обеспечивали преемственность практических приемов и навыков жизнеобеспечения народа. Важным структурным компонентом системы жизнеобеспечения является традиционное питание калмыков, обеспечиваемое кочевническим животноводством. Мясные и молочные продукты, составляя в равной степени в зависимости от сезона основные компоненты пищи, имели сбалансированное соотношение белков, жиров, витаминов и минеральных элементов (биохимический баланс).

Этническое питание наиболее адекватно физиологическим особенностям и потребностям каждой нации. Научное знание, направленное на изучение сохранности приемов и средств системы жизнеобеспечения, прежде всего, в области питания может выступать как богатейший источник информации, способствуя тому, чтобы история, традиции и образ жизни калмыков воспринимались правильно и с учетом их культурной ценности. Практическое знание этнического питания может способствовать развитию пищевой промышленности в республике с расширением ассортимента национальных продуктов питания.

Список литературы

1. Бадмаев Н.Н. Домашнее-религиозный быт приволжских калмыков. – Астрахань, 1890. – 157 с.
2. Бакунин Н.Л. Описание истории калмыцких народов, а особливо из них торгоутского и поступков их ханов и владельцев. Сочинение 1761 года. 2-е изд. – Элиста: Калмыцкое книжное изд-во, 1995. – С. 222.
3. Бембеев В.Ш. Оираты и калмыки на евразийском пространстве (XIII -60-е гг. XVII века). Автореф. дисс... д-ра истор. наук. – Ставрополь, 2006. – 43 с.
4. Бичурин Н.Я. Историческое обозрение ойратов или калмыков с XV столетия до настоящего времени. – Элиста: Калмыцкое книжное изд-во, 1991. –190 с.
5. Настина Г.Э. Культура питания калмыков: традиции и реалии. – Элиста: ЗАОр «НПП «Джангар», 2017.– 176 С.
6. Бромлей Ю.В. Очерки теории этноса. – М.: Наука, 1983. – 418 с. Электр. ресурс. URL: <https://www.twirpx.com/file/213491/> Дата обращения 01.07.2018.
7. Бюлер Ф.А. Кочующие и оседло-живущие в Астраханской губернии инородцы. Их история и настоящий быт // Отечественные записки, 1846. – Т.47. – № 7. – С. 48-75.
8. Георги И.Г. Описание всех обитающих в Российском государстве народов, их житейских обрядов, обыкновений, одежд, жилищ, вероисповеданий и прочих достопамятностей. О народах монгольских, армянах, грузинах, индийцах и о россиянах. – СПб., 1799. – Ч. IV. – 230 с.
9. Житецкий И.А. Астраханские калмыки: наблюдения и заметки – Астрахань, 1892. – 195 с.
10. Исторический отдел Архива Калмыцкого управления в г. Астрахани, связка 2, 1708 г., дело № 11, л. 81-84.

11. Культура жизнеобеспечения и этнос: Опыт этнокультурного исследования (на материалах армянской сельской культуры) / Отв. ред. С.А. Арутюнов, Э.С. Маркарян. – Ереван: Изд-во АН АрмССР, 1983. – 319 с.
12. Козлов В. И. Основные проблемы этнической экологии // Советская этнография. – 1983. – № 1. – С. 3-16.
13. Команджаев А.Н. Хозяйство и социальное отношение Калмыкии. – Элиста, АПП «Джангар», 1999. – 200 с.
14. Крупник И.И. Арктическая этноэкология. – М.: Наука, 1989. – 272 с.
15. Левин М. Г. , Чебоксаров Н. Н. Хозяйственно-культурные типы и историко – этнографические области // Советская этнография, 1955. – № 4. – С. 45-65.
16. Лепехин И.И. Дневные записки путешествия. – СПб., 1771. – Ч.1. –230 с.
17. Лус Я. Я. Домашние животные Монголии // Материалы Животноводческого отряда Монгольской экспедиции Академии наук СССР в 1931 г. – М.-Л., 1936. – С. 56-75.
18. Нефедьев Н. А. Подробные сведения о волжских калмыках, собранные на месте // Журнал министерства внутренних дел (КМВД), – СПб., 1834 г., № 7-8. – С. 64-96.
19. Очиров Н. О. Поездки в Александровский и Бага-Цохуровский улусы астраханских калмыков. Отчёт Н. Очирова // Известия Русского комитета. – СПб., 1913 – II серия. – № 2. – С. 78- 91.
20. Паллас П. С. Путешествие по разным провинциям Российской империи. СПб.: Тип. при Импер. АН, 1773. – 657 с.
21. Пальмов Н.Н. Этюды по истории приволжских Калмыков. – Астрахань, 1926. – Ч.3. – С. 1-15.
22. Страхов Н.И. Нынешнее состояние калмыцкого народа: с присовокуплением Калмыцких законов. – СПб: типография Шнора, 1810. – 97 с. Электр.ресурс: <https://www.prlib.ru/item/351843> Дата обращения 01.07.2019.
23. Хара-Даван Э. Кочевой быт. Тридцатые годы. Утверждение евразийцев. – Париж, 1931. – Кн. 7. – С. 63-66. 1928: Электр. ресурс: <http://nevmenandr.net/eurasia/#> Дата обращения 01.07.2018.
24. Эрдниев У.Э. Калмыки. – Элиста: Калм. кн. изд-во, 1985. – 312 с.
25. Bergman В. Nomadische Streifereien unter den Kalmücken in den Jahren 1802-1803. Riga, 1804-1805. Vol. I-III. – 1336 p.

УДК 93/94
ББК 63

И.В. Торопицын¹, Д.А. Сусеева², Ж.Б. Кундакбаева³

¹Астраханский государственный университет

²Калмыцкий государственный университет им. Б.Б. Городовикова

³Казахстанский национальный университет им. аль-Фараби

ШАТКИЙ МИР: КАЗАХСКО-КАЛМЫЦКИЕ ОТНОШЕНИЯ В НАЧАЛЕ 1740-х гг.

В статье рассматриваются взаимоотношения калмыцкого и казахского народа в середине XVIII в. В центре внимания дипломатические контакты представителей власти двух степных народов. Анализируется договор, заключенный между калмыками и казахами в 1741 г., а также последующая практика осуществления обмена посланниками. На этом фоне выявляется отношение к мирному договору со стороны отдельных калмыцких владельцев, анализируются их шаги по обеспечению безопасности улусов. Отдельное внимание уделено роли в процессе налаживания мирного сосуществования двух народов российских властей в лице астраханского губернатора В.Н. Татищева. Рассматриваются его взгляды на калмыcko-казахские отношения, а также конкретные шаги, предпринимаемые с его стороны к удержанию обоих народов от конфронтации. Обосновывается вывод о том, что калмыки и казахи, осознавая себя в середине XVIII в. российскими подданными, были заинтересованы в добрососедских отношениях и развитии взаимной торговли.

Ключевые слова: Россия, калмыки, казахи, мир, посланники, XVIII в.

I.V. Toropitsyn¹, D.A. Suseeva², J.B. Kundakbayeva³

¹Astrakhan State University

²Kalmyk state University named after B.B. Gorodovikov

³Kazakhstan National University Al-Farabi

SHAKY WORLD: KAZAKH-KALMYK RELATIONS IN THE BEGINNING OF THE 1740s.

The article discusses the relationship of the Kalmyk and Kazakh peoples in the middle of the XVIII-th century. The focus is on the diplomatic contacts of the authorities of the two steppe peoples. The aim of the study is to analyze the agreement concluded between the Kalmyks and Kazakhs in 1741 as well as the subsequent practice of exchanging envoys. This background explains the attitude towards the peace treaty by individual Kalmyk owners and their steps to ensure the safety of their uluses (communities). Researchers focused on the role of Astrakhan governor V.N. Tatishchev, a representative of Russian authorities, who supported peaceful coexistence of two nomadic peoples. The article examines his views on Kalmyk-Kazakh relations as well as specific steps taken on his part to deter both peoples from confrontation. The most obvious finding from the study is that Kalmyks and Kazakhs were aware of being Russian citizens in the middle of the XVIII-th century, they promoted good neighborly relations and developed mutual trade.

Key words: Russia, Kalmyks, Kazakhs, peace, envoys, XVIII century.

В конце первой половины XVIII в. на границе двух кочевых миров в составе Российской империи происходили события, оказавшие влияние на формирование характера взаимоотношений калмыцкого и казахского народов. Воспользовавшись смертью в 1741 г. калмыцкого хана Дондука Омбо, казахи крупными силами предприняли в августе-сентябре нападения на калмыцкие улусы [8, с. 132; 7, с. 73].

Между кочевниками и ранее происходили столкновения. Наиболее серьезные из них случались в то время, когда калмыки отвлекали свои силы для участия в войнах, которые вела Россия [11, с. 242-244]. На этот раз, как признавали впоследствии представители казахов, «они пришли калмыков разорить, не ожидая себе отпора, так как хан помер и народ находится в замешательстве» [5, с. 27]. Но калмыкам, предупрежденным о вторжении с яичких форпостов, удалось отбить нападение и оттеснить казахов в безводную местность. В ходе решающего пятидневного сражения «калмыки касиков перемогли и осадили, затем договорились между собою» [1, с. 220]. Пойти на заключение мира с казаками калмыков вынудил фактор истощения боеприпасов. Как сообщает М. Новолетов, калмыцкие владельцы решили, что «у них уже мало остается пороха и ядер для пушек и ружей и хотя могут взять их ручным боем, но должны и сами потерять много народа» [5, с. 27].

Мирный договор, заключенный, между прочим, без участия представителей российских властей, был положен калмыками и казаками в основу выстраивания долгосрочных двусторонних взаимоотношений. Оба народа договорились «чтобы войны не иметь друг с другом до тех пор, пока родившийся в этом году младенец, придет в возраст, будет в состоянии владеть сайдаком, ездить на лошади и быть способным к войне» [5, с. 27]. Стороны также решили разменяться пленными и разграничить территории для кочевий в Северном Прикаспии: за калмыками закреплялось междуречье Яика и Волги, а за казаками – земли «по ту сторону реки Эмба» [7, с. 73; 4, с. 220]. При этом, как отмечают А.В. Цюрюмов и Н.Н. Пальмов, стороны условились не только прекратить взаимные набеги, но и взяли на себя обязательства по оказанию друг другу военной помощи в случае нападения крымских татар на калмыков и джунгарцев на казахов [12, с. 274; 8, с. 133].

Мирный договор, помимо прочего, открывал кочевым народам дорогу к развитию торговых отношений. Уже в конце ноября 1741 г. в Астраханскую губернию прибыл казахский посланник в сопровождении купцов, пригнавших на продажу 700 лошадей [12, с. 274]. В дальнейшем стороны продолжали поддерживать контакты. Астраханские власти отмечали в донесении в Коллегию иностранных дел в марте 1742 г., что в Астрахань приезжают казахи по торговым делам, которым они запретить приезд не могут «по причине происходящего между Киргиз-Кайсак и Калмык переговора о мире, о чем и указами подтверждено» [2, с. 318]. «Необходимо обратить внимание на постоянные приезды калмыков в киргизские степи и киргизов в калмыцкие степи для продажи и мены скота, – писал по этому поводу Н.Н. Пальмов, – причем торговцы с той и другой стороны нередко являются в качестве посредников при сношениях между калмыками и киргизами чисто политического характера, даже при наличии специальных для того политических посланцев, время от времени привозивших письма и словесные приказы своих владельцев» [6, с. 40].

Документы, отложившиеся в БУ РК «Национальный архив», дают богатый материал для анализа калмыцко-казахских отношений. Этот региональный архив не раз служил важным источником информации о деятельности центральных и местных российских органов власти в XVIII в. Особый интерес представляют его документы для характеристики деятельности одного из видных государственных деятелей России первой половины XVIII столетия тайного советника Василия Никитича Татищева, возглавлявшего в 1741-1745 гг. Астраханскую губернию и руководившего работой Калмыцкой комиссии [9, 10].

В поденном дневнике, который велся в 1742 г. в период поездки астраханского губернатора В.Н. Татищева из Астрахани вверх по Волге, нашли отражение многочисленные факты контактов представителей казахского и калмыцкого народов.

Так, 19 августа к В.Н. Татищеву приехал посланец от калмыцкой ханши Дарма Балы, которой на период отъезда наместника Калмыцкого ханства Дондука Даши в Санкт-Петербург были поручены калмыцкие улусы. Гарша гецуль сообщил, что их улусы находятся вблизи Волги и все у них благополучно. При этом отметил, что ханша разрешила уехать казахским посланникам, бывшим у нее. Вскоре после этого к ним в улусы приехали «для торгу купецкие кайсаки», которые с того времени «находятся при ханше». Между тем в улусах объявился убежавший из казахского плена калмык. Явившись к Дарма Бале, он заявил, что казахи намерены напасть на туркмен. Ханшу эта новость встревожила. «Она ханша, – говорил Гарша гецуль, – не безопасна, чтоб они кайсаки на них какого нападения не учинили». В связи с этим Дарма Бала просила разрешения позволить ей с улусами переправиться на противоположную сторону Волги или выставить калмыцкие войска для охраны улусов. Астраханский губернатор постарался развеять эти страхи, заявив, что казахи выдали в Оренбург аманатов «во уверение» своих мирных намерений, и подчеркнул в беседе с посланцем ханши, что соблюдать добрососедские отношения надлежит обоим народам – «жели от калмык для воровства в кайсаки ездить не будут, то и они кайсаки на калмык не придут». Однако Гарша гецуль настаивал, что «для безопасности войско собрав, на крайне поставить не противно» [1, л. 340].

8 сентября к астраханскому губернатору от ханши Дарма Балы приехал посланец зайсанг Габун, который настоятельно просил, чтобы ханше «за совершенным недостатком лошадям и скоту кормов и от безопасности от кайсак» разрешено было переправиться в небольшом количестве («малолодстве») на Еногаевский остров. В.Н. Татищев дал на эту просьбу свое согласие. Зайсанг Габун попытался уговорить губернатора разрешить остальным улусам, остающимся на луговой стороне Волги, занять кочевья, «отдалясь от Волги к кряжу для лучших скоту кормов». При этом он интересовался, «не будет ли тамо от кайсак какой опасности, понеже оные наруша с ними калмыки мир причиняют им обиды» [1, л. 392об.-393]. В.Н. Татищев заверил посланника ханши, чтобы «они никакой от тех кайсак опасности не имели». Астраханский губернатор выразил надежду, что казахи сами «к ним не придут и ничего противного не учинят, разве калмыки сами воровством своим их к нападению принудят». Поэтому он просил передать Дарма Бале, чтобы ханша и ее зайсанги «накрепко за своими смотрели, чтоб для воровства в кайсаки не ездили». В.Н. Татищев подчеркнул, что если бы он «на кайсак не надеялся, то б и ее ханшу обнадеживать не дерзнул». При этом он посоветовал калмыкам, на период нахождения их улусов на луговой стороне Волги выставить «для лучшей безопасности от воров» воинские караулы [1, л. 393].

Впрочем, как свидетельствуют документы БУ РКНА, среди калмыцких владельцев не было полной уверенности в том, что договор между двумя степными народами будет надежной гарантией мира. Поэтому они предпринимали со своей стороны дополнительные меры безопасности. Одни из них пытались самостоятельно разузнать о планах казахов. Так, по свидетельству калмыцкого посланца зайсанга Гараша, ханша Дарма Бала неоднократно посылала в другие улусы «нарочных для сообщения о безопасности кайсак» [1, л. 437]. В сентябре по поручению ханши Дарма Балы в Яицкий казачий городок был направлен калмык Цойрюп, которому было приказано разузнать о расположении казахских кочевий [1, л. 415]. Другие владельцы надеялись подвигнуть губернские власти на объявление мобилизации калмыцкого войска, под прикрытием которого могли бы находиться их улусы. Так, в середине сентября 1742 г. к В.Н. Татищеву прибыл посланец калмыцкой владелицы Нингбы с объявлением, что им «задостоверно известно, что кайсаки идут на калмыцкие улусы»

и просил объявить сбор калмыцкого войска. Но губернатор посчитал, что собирать войско нет необходимости, и посоветовал калмыцким владельцам иметь предосторожность «малыми караулы» [1, л. 416].

Следует отметить, что В.Н. Татищев не был склонен вовсе недооценивать потенциальную опасность, которая могла возникнуть в случае появления на длительный период крупных сил казахов в Волго-Уральском междуречье. Осенью 1742 г. «по уведомлению... от калмыцких владельцев» астраханский губернатор вынужден был донести ко Двору императрицы, что «некоторые-де киргиз-кайсаки кочуют и кочевать намерены, перешед тое реку ниже Яицкого казачья городка». В ответ центральная власть предписала оренбургскому губернатору И.И. Неплюеву принять меры к удержанию казахов от перехода через реку Яик [3, с. 263].

Заключенный между калмыками и казахами договор не устранил причин, вызывавших прежние ссоры, происходившие из-за взаимных набегов. Астраханский губернатор отмечал в беседах с посланцами калмыцких владельцев, «тех де кайсак они калмыки сами плутовством задоривают, ибо ездя под их жилища отгоняют у них лошадей» [1, л. 437]. В.Н. Татищев приводил конкретные факты, например, указал калмыцкому посланцу зайсангу Гарашу на то, что калмыки угнали у казахов 80 лошадей. Но даже в таких случаях, когда факты были налицо, калмыцкие владельцы пытались найти оправдания. Тот же посланец Гараш заявил, что «тех де лошадей отогнали не их, но хошотовы владельца Тугчи калмыки, у которых оные лошади присланными ныне от кайсацкого Ишет батыра посланцами отысканы» [1, л. 437].

Несмотря на имевшие место пограничные инциденты, калмыцкие владельцы поддерживали контакты с казахскими ханами и старшинами. В сентябре 1742 г., например, в калмыцких улусах, помимо посланцев казахского Ишет батыра, находился посланец хана Младшего казахского жуза Абулхаира. В свою очередь, калмыки также направляли своих посланцев к казахским ханам и старшинам. Следует отметить, что степные дипломаты в ходе своей миссии могли в любой момент оказаться в крайне затруднительном положении. Как свидетельствует беседа калмыцкого зайсанга Гараша с губернатором В.Н. Татищевым, посланцы с той и другой стороны легко могли стать «разменной монетой» в калмыцко-казахских отношениях. Так, зайсанг Гараш заявил губернатору, что «кайсаки двоекратных посыланных к ним посланцов задержали», в связи с этим он просил губернатора «позволить им с тех отпускаемых дву кайсак за причинившия им калмыком от протчих кайсак обиды взять баранту». Примечательно, что при этом посланец ханши Дарма Балы ссылался на позицию самих казахов, указывая, что об этом «и сами они кайсаки пишут и словесно приказывают, чтоб брать баранту с приезжающих». На это В.Н. Татищев посоветовал направить в казахские улусы новых посланцев с целью выяснить судьбу прежде посланных калмыков. Зайсанг Гараш согласился с этим мнением, но заявил, что опасается отправить калмыков одних и просил послать с ними человека от губернских властей. В.Н. Татищев заверил его, что даст соответствующее указание подполковнику Л. Бобарыкину [1, л. 437-438].

29 сентября астраханский губернатор принял у себя посланца казахского хана Абулхаира Цекыр Телепы, выехавшего из улусов ханши Дарма Балы. В.Н. Татищев не стал спрашивать его о цели приезда к калмыкам. Его интересовали места кочевков казахских улусов и обстановка в их жузах. В свою очередь, Цекыр Телеп пожаловался губернатору, что «калмыки в их жилища ездят для воровства и ныне летом раз тридцать отгоняли конные табуны». И это несмотря на то, как подчеркнул казахский посланец, что «в прошлом годе постановлен между ими мир, и обязались, чтоб друг другу таких обид не чинить». Губернатор вынужден был заявить, что «о том калмыцком воровстве он уже довольно известен, и таковым противником чинятся немилостивые наказания» [1, л. 484].

О том, какие меры могли применяться к нарушителям, свидетельствует беседа В.Н. Татищева с посланцем калмыцкой ханши Дарма Балы, которому он заявил, что если ханша с «ворами управиться не может, то б прислала она к нему, тайному советнику, которых он повесить прикажет» [1, л. 437]. В другом случае в беседе с посланцами хана Среднего казахского жуза Абулмамета и старшины Джанибек батыра, состоявшейся 8 октября 1742 г., астраханский губернатор заявил, что «от набегов в их каисацкие жилища калмык жестокое запрещение учинено, и кои калмыки будут в том пойманы, то будут у них руки и ноги переломаны» [1, л. 510].

В свою очередь, В.Н. Татищев, перед которым центральной властью была поставлена задача по утверждению прочного мира между двумя степными народами [3, с. 188], не уставал напоминать казахским посланцам, которые регулярно появлялись в его походной ставке, чтобы казахские ханы и владельцы со своей стороны также удерживали своих людей от набегов на калмыков. Он, в частности, говорил посланцу хана Абулхаира Цекыр Телепу, что «равномерно же и каисацким старшинам надлежит своих людей крепче держать, ибо калмыков бывших у них с торгом многих грабили, от того между ими непорядки происходят» [1, л. 484]. Посланцам хана Абулмамета и Джанибек батыра Хулай Шахуру «с товарищи» астраханский губернатор заявил, что «напротив же того надлежит им ханом накрепко смотреть и удерживать, чтоб каисаки для воровства к калмыцким улусам не ходили и ездячих калмык с торгом в их улусах не грабили, как ныне от калмык жалобы происходят, что многих калмык ограбили» [1, л. 510-511].

Астраханскому губернатору В.Н. Татищеву не раз приходилось выступать в роли арбитра, разбирая ссоры степных народов. Один из таких эпизодов произошел 8 октября 1742 г. Присутствующий при его беседе с казахскими посланцами зайсанг Неудель заявил, что «киргис каисаки ныне и сами у Бодонга лошадей с 300 отогнали». Хулай Шухур не стал отрицать этого факта. Он сказал, что это произошло в ходе погоне за конокрадами. На людей Бодонга они напали «нечаянно и дрався вместо своих сколько могли взяли». Но при этом заявил, «когда де калмыки наших отдадут, то мы всех калмыцких отдадим, понеже де мы равные ея императорского величества подданные» [1, л. 511]. В.Н. Татищев сразу же предложил механизм урегулирования данного инцидента. Хулай Шахуру было рекомендовано заняться поиском в казахских улусах калмыцких лошадей и возвращением их калмыкам, пообещав, что то же самое сделает наместник Калмыцкого ханства по возвращении в улусы [1, л. 511].

Таким образом, можно видеть, что между калмыками и казахами в начале 1740-х гг. после драматических событий, последовавших после смерти хана Дондук Омбо, установилось перемирие, которое старались поддерживать обе стороны, воздерживаясь от крупных военных столкновений. Несмотря на определенное недоверие, которое все еще присутствовало у представителей степной знати, калмыцкие и казахские владельцы обменивались посланцами. Между обоими народами начала развиваться торговля. Российские пограничные власти наблюдали за этим процессом и старались удерживать обе стороны от враждебных шагов.

В отношении нарушителей, которые своими действиями могли спровоцировать конфликт, со стороны российских властей были предусмотрены суровые меры наказания. Несмотря на это, угоны скота имели место. Впрочем, это не приводило в рассматриваемый период к серьезному обострению отношений между степными народами, которые предпочитали улаживать такого рода инциденты дипломатическим путем, сознавая, что все они являются российскими подданными. Местные губернские власти выступали в таких случаях в роли посредников и гарантов выполнения взятых сторонами обязательств. В качестве компенсации потерпевшей стороне предлагался механизм добровольного возврата скота на взаимной основе.

Работа выполнена в рамках стратегического проекта «Калмыкия как трансграничный регион в восточном векторе России», реализуемого в рамках программы развития Калмыцкого государственного университета им. Б.Б. Городовикова как опорного регионального университета и поддержанного внутривузовским грантом 2019 г. № 1094 «Русско-калмыцко-казахские отношения» (на материале документов Калмыцкой комиссии, хранящихся в Национальном архиве Республики Калмыкия, в бытность его главой В.Н. Татищева)».

Список литературы

1. Бюджетное учреждение Республики Калмыкия «Национальный архив». – Ф. И-36, оп.1, д. 142.
2. Дневная записка коллегии иностранных дел, 1742 года // Архив князя Воронцова. – М., 1870. – С. 95-336
3. Казахско-русские отношения в XVI-XVIII веках (сборник документов и материалов). – Алма-Ата: Издательство АН Казахской ССР, 1961. – С. 741.
4. Кундакбаева Ж.Б. «Знаком милости Е.И.В.». Россия и народы Северного Прикаспия в XVIII веке. Серия «АИРО-монография». – М., 2005. – 304 с.
5. Новолетов М. Калмыки. Исторический очерк. – СПб., 1884. – 79 с.
6. Пальмов Н.Н. Этюды по истории приволжских калмыков. Ч. II. XVIII век. – Астрахань, 1927. – 230 с.
7. Пальмов Н.Н. Очерк истории калмыцкого народа за время его пребывания в пределах России. 2 издание. – Элиста: Калм.кн.изд-во, 1992. – 160 с.
8. Пальмов Н.Н. Материалы по истории калмыцкого народа за период пребывания в пределах России / сост., вступит. ст. и примеч. А.М. Джалаевой. – Элиста: Калм. кн. изд-во, 2007. – 464 с.
9. Сусеева Д.А. О языке деловых писем В.Н. Татищева (1741-1745 гг.), относящихся к периоду его пребывания в должности руководителя Калмыцкой комиссии при Коллегии иностранных дел и астраханского губернатора (на материале Национального архива Республики Калмыкия) // Монголоведение в начале XXI века: современное состояние и перспективы развития. Материалы международной научной конференции, посвященной 100-летию Б.Х. Тодаевой, 2015. – Элиста: Калмыцкий научный центр РАН. – С. 33–39.
10. Сусеева Д.А. Язык деловых документов В.Н. Татищева // Астраханские Петровские чтения. Материалы I Всероссийской научной конференции, приуроченной к 330-летию со дня рождения В.Н. Татищева. – Астрахань: Издательский дом «Астраханский университет», 2017. – С. 102–110.
11. Торопицын И.В. Оборона калмыцких улусов в 30–40-х гг. XVIII в. // Материалы международной научной конференции «Единая Калмыкия в единой России: через века в будущее», посвященной 400-летию добровольного вхождения калмыцкого народа в состав Российского государства (г. Элиста, 13–18 сентября 2009 г.). В 2-х частях. Часть 1. – Элиста, 2009. – С. 242–246.
12. Цюрюмов А.В. Калмыцкое ханство в составе России: проблемы политических взаимоотношений. – Элиста, 2007. – с. 464 с.
13. Blanc S. Un disciple de Pierre Le Grands dans la Russie du XVIII-e siecle: V. N. Tatischev (1686-1750). Sille, 1972.
14. Полное собрание законов Российской империи (ПСЗРИ). 1830. Т. 10. – 996 с.
15. Сборник императорского русского исторического общества. Юрьев, 1906. Т. 124. – 585 с.

УДК 93/94
ББК 63.3

С.С. Цуцулаева¹, М.Ш. Мамсурова²

¹*Чеченский государственный университет*

²*Чеченский государственный педагогический университет*

**ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ОРГКОМИТЕТА
ПО ВОССТАНОВЛЕНИЮ ЧЕЧЕНО-ИНГУШСКОЙ АССР В 1957- 1958 гг.
(В СФЕРЕ НАРОДНОХОЗЯЙСТВЕННОГО СТРОИТЕЛЬСТВА
И КУЛЬТУРНОГО ПРОСВЕЩЕНИЯ)**

В статье особое внимание уделено изучению деятельности Оргкомитета по восстановлению Чечено-Ингушской АССР и задач партийной организации по хозяйственному и культурному строительству в республике в 1957-1958 гг. 9 января 1957 года был утвержден Организационный комитет Чечено-Ингушской АССР, на который возлагалось, до выборов Верховного Совета АССР, руководство хозяйственным и культурным строительством на территории республики. Председателем Организационного Комитета был назначен Муслим Гайрбекович Гайрбеков.

Главная задача, которая стояла перед Организационным комитетом по Чечено-Ингушской АССР, проблема о границах восстанавливаемой республики, возвращение чеченцев и ингушей в определенные сроки, их устройство, а также хозяйственная помощь возвращающемуся населению. И уже осенью 1957 года было принято важное постановление «О мероприятиях по хозяйственному и культурно-бытовому строительству в Чечено-Ингушской АССР в 1958-1960 гг. в связи с переселением чеченцев и ингушей из Казахской ССР и Киргизской ССР». В постановлении предусматривался комплекс мер, направленных на дальнейшее развитие чеченского и ингушского народов. Эти и другие меры, практически реализованные в первые годы восстановления Чечено-Ингушской АССР под руководством Организационного комитета, способствовали созданию фундамента, столь необходимого для дальнейшего развития ее экономики и социальной сферы.

Ключевые слова: *Чечено-Ингушская АССР, восстановление национальной автономии, Организационный комитет, переселение, Муслим Гайрбекович Гайрбеков.*

S.S. Tsutsulaeva¹, M.Sh. Mamsurova²

¹*Chechen State University*

²*Chechen State Pedagogical University*

**THE WORK OF THE ORGANIZING COMMITTEE
FOR RESTORATION OF THE CHECHEN-INGUS ASSR IN 1957-1958.
(IN THE FIELD OF ECONOMIC CONSTRUCTION AND
CULTURAL EDUCATION)**

The article describes the work of the Organizing Committee for restoration of the Chechen-Ingush ASSR and the main goals of the Communist Party in the field of economy and culture in the period of 1957-1958. On January 9, 1957, the Organizing Committee of the Chechen-Ingush Autonomous Soviet Socialist Republic was established in order to manage works in the economic and cultural spheres of the republic. Its power lasted till the election of the Supreme Soviet of the Autonomous Soviet Socialist Republic. Muslim Gairbekovich Gairbekov was appointed the Chairman of the Organizing Committee.

The main goals of the Organizing Committee of the Chechen-Ingush Autonomous Soviet Socialist Republic was the problem of borders of the republic, the returning back of Chechens and Ingushs, their settlement, as well as economic assistance to the returning people. An important resolution

“On measures for economic, cultural and domestic construction in the Chechen-Ingush Autonomous Soviet Socialist Republic in 1958-1960 in connection with the resettlement of Chechens and Ingush from the Kazakh SSR and the Kirghiz SSR” was adopted in the fall of 1957. The resolution provided for a set of measures aimed at further development of the Chechen and Ingush peoples. These and other measures practically implemented in the first years of the restoration of the Chechen-Ingush Autonomous Soviet Socialist Republic under the leadership of the Organizing Committee contributed to the creation of the foundation for further development of its economy and social sphere.

Key words: Chechen-Ingush Autonomous Soviet Socialist Republic, restoration of national autonomy, Organizing Committee, resettlement, Muslim Gairbekovich Gairbekov.

9 января 1957 года был создан Организационный комитет по Чечено-Ингушской АССР для централизованного и оперативного руководства процессами восстановления автономии Чечено-Ингушетии [10, с. 219-220]. Председателем этого временного исполнительного органа был назначен Гайрбеков Муслим Гайрбекович [1, с. 197].

30 января 1957 г. обком КПСС и Организационный комитет по Чечено-Ингушской АССР представили на рассмотрение бюро ЦК КПСС по РСФСР проект постановления Совета Министров РСФСР «О неотложных мерах помощи Чечено-Ингушской АССР». В постановлении излагалась программа мер, направленных на последовательное решение задач возвращения и обустройства в местах нового поселения чеченского и ингушского населения [15]. В феврале 1957 года принято постановление «О мерах помощи Чечено-Ингушской АССР» [16]. В нем предусматривался большой объем деятельности по хозяйственному культурно-бытовому строительству на начавшийся год. В этом направлении на оказание безвозвратной хозяйственной помощи нуждающимся семьям Правительством было выделено более 115 млн рублей. М. Гайрбеков также заявил, что в постановлении рассмотрено строительство новых и расширение старых заводов и фабрик по производству строительных материалов. По официальным данным, к 1960 году заготовку древесины планировалось увеличить до 400 тыс. кубометров, что даст хороший результат по сравнению с заготовкой прошлого года в 125 тысяч. При этом вся заготовка оставалась полностью в республике [14].

Действительно, за полгода после издания Указа о восстановлении Чечено-Ингушской АССР в республике было сделано немало. Был восстановлен научно-исследовательский Институт истории, языка и литературы, создан ансамбль песни и танца, также при Ленинградском театральном институте открыта студия в составе 19 человек из чеченцев и ингушей. Вместе с тем в республике активно шла работа по подготовке и переподготовке педагогических работников. Благодаря немалым усилиям Муслима Гайрбекова 250 педагогических кадров получили возможность прослушать курсы при институте [14; 4, с.42].

На VI пленуме Чечено-Ингушского обкома КПСС, который состоялся 12 августа 1957 года, Муслим Гайрбеков отметил и проблемы медицины и образования, заявив: «В целях лучшего медицинского обслуживания населения будут построены новые больницы и поликлиники, а в уже существующих будут улучшены условия для больных и расширены места». Также он отметил, что за этот год к имеющемуся плану нужно дополнительно построить еще 9 школ, 3 детских сада и начать строительство 8 школ с полной готовностью в следующем году. А в 1958-1960 гг. планировалось строительство свыше 50 школ, несколько интернатов, музыкальных училищ и других объектов образовательных учреждений [14]. В том же году по плану Организационного Комитета необходимо было начать строительство драматических театров, типографий и библиотек, а также в селах построить здания для культурно-просветительской деятельности.

Выступая перед членами Оргкомитета на пленуме Чечено-Ингушского Обкома КПСС, М.Г. Гайрбеков поставил перед составом Оргкомитета задачу: ускоренное строительство жилых домов. В решении данного вопроса Оргкомитет очень отставал. Объяснением этому было: несвоевременное выделение во многих районах республики земельных участков на строительство; возникавшие трудности с оформлением ссуд на индивидуальное строительство. На получение ссуды была введена очень долгая процедура, отнимавшая много времени у застройщиков; не было организовано массовое производство строительных материалов для строительства индивидуальных жилых домов. Также Муслим Гайрбеков выразил недовольство деятельностью директоров промышленных Управлений Оргкомитета, которые не считали себя ответственными за выполнение своевременного и достаточного количества производства деталей и строительных материалов, необходимых для строительства индивидуальных жилых домов. В своем докладе он, сдерживая злость, отмечал: «Ничем другим, кроме как безответственностью, не объясняется то, что в то время, когда нам важен каждый кирпич, каждый кусок черепицы, Управление промышленных строительных материалов выполнило 7 месячный план по производству кирпича только на 74,9 процентов, а по изготовлению черепицы на 79,8%» [13].

В апреле 1958 г. состоялось заседание Первой сессии Верховного Совета Чечено-Ингушской АССР второго созыва. Здесь Председатель Совета Министров ЧИАССР М.Г. Гайрбеков выступил со своим очередным докладом, в котором он прежде чем приступить к докладу о плане развития народного хозяйства на нынешний год, рассказал о проделанной за небольшой промежуток времени работе по возрождению республики. Он отметил значимую роль Коммунистической партии в деле восстановления Чечено-Ингушетии, подчеркнув, что прежде всего при помощи всех народов СССР, а особенно русского народа решается столь трудная и важная задача бытового и хозяйственного устройства, прибывавшего каждый день населения из мест спецпоселения. Бок о бок с русскими чеченцы и ингуши боролись за победу пролетариата, восстанавливали разрушенную страну, воевали на фронтах Великой Отечественной войны [7, с.53]. Он рассказал об изменениях в промышленности, сельском хозяйстве, строительстве, проведении железнодорожных и автомобильных дорог, а также и в других отраслях. По словам докладчика, в республике было организованы коллективные хозяйства и совхозы, быстрыми темпами шло восстановление учреждений культурного просвещения, публикуются на чеченском языке газеты республиканского и районного уровня, литература разных жанров. С каждым днем увеличивается выделение средств на строительство жилых домов для вернувшегося населения [4, с. 41-42]. Общий объем капитальных вложений за 1958 год по государственному плану развития народного хозяйства на жилищное и культурно-бытовое строительство составлял почти 140 млн. рублей, что превышало финансовое вложение за 1957 год на 15% [9, с. 390].

Так, в целях выполнения исторических решений XX съезда КПСС в 1957 году республика достигла максимальных результатов в развитии всех отраслей народного хозяйства. В некоторых отраслях отслеживалось досрочное выполнение плана. Например, в добыче нефти не только было остановлено падение, но и было превышено в несколько раз. Значительная работа была проделана в выработке нефтепродуктов, был превышен план выработки продукции в химической промышленности. Было увеличено производство товаров местного потребления [8, с.66]. Однако, по словам Председателя Оргкомитета, были недочеты на предприятиях по производству строительных материалов, а также в деятельности строительных организаций, к устранению

которых необходимо было приложить максимально возможные усилия. Кроме вышеперечисленных достижений, значительные были результаты в сельском хозяйстве. В основном это было перевыполнение плана по заготовкам хлеба, фруктов, молочных продуктов, яиц и т.д. Но, как и в любой отрасли, здесь тоже наблюдались проблемы в продуктивности животноводства и урожайности некоторых сельскохозяйственных культур.

Благодаря росту развития экономики и подъема производительности труда в республике, как и во всей стране, достигнуто дальнейшее увеличение уровня материального состояния и культурной развитости жизни рабочих. Была повышена заработная плата трудящимся и служащим. За минувший год последовало открытие свыше 60 торговых предприятий. Кроме того, была проведена масштабная работа в сфере просвещения народа, здравоохранения и культурного развития.

«По плану развития народного хозяйства на 1958 год, представленного на рассмотрение первой сессии Верховного Совета ЧИАССР, объем промышленного производства в 1958 году по сравнению с 1957 годом по республике увеличился на 13,6%. Планируется значительное увеличение добычи нефти и газа, производству нефтепродуктов и продукции химической промышленности... В связи с большим объемом жилищного и культурно-бытового и промышленного строительства в плане развития народного хозяйства рассматривается увеличение выработки строительных материалов» [2, с.135]. Он также заметил, что, несмотря на увеличение производства таких строительных материалов, как кирпич и черепица, потребность в них не получается полностью покрыть, поэтому нужно, чтобы застройщики побольше прибегали к использованию в постройке саманных кирпичей, камня и т.д. Также по плану развития народного хозяйства предусматривалось увеличение производства продовольственных товаров. Предусматривалось в плане строительства производственных цехов в ряде районов. Необходимо было закончить строительство предприятий пищевой промышленности.

Государственный план на 1958-й год ставил масштабные задачи в деле расширения производства промышленных товаров широкого потребления. Муслим Гайрбеков подчеркнул необходимость расширения ассортимента производимых товаров массового потребления, что дало бы еще большие результаты в данном производстве.

Большие задачи ставились по плану в сфере производительности труда для повышения ее уровня. Из доклада Председателя Оргкомитета только за 1958 год за счет повышения уровня производительности труда на промышленных предприятиях по выработке продукции народного потребления должен повыситься уровень производства до тридцати миллионом рублей.

По народнохозяйственному плану в 1958 году колхозы и совхозы должны были приступить к выращиванию технических культур с высоким доходом. Такими культурами были табак, сахарная свекла и хмель, производство которых дало бы республике значительный подъем экономики и возможность создать множество рабочих мест для трудящихся. Кроме того, план предусматривал масштабное строительство в сельскохозяйственной отрасли. Организационный Комитет направил все усилия работников сельскохозяйственной отрасли на увеличение скота, птицы, а также на увеличение урожайности, повышение производства овощей [3, с.113]. В результате проведения партией и руководством работ по улучшению материального состояния трудящихся значительно возрос спрос на товары народного потребления. Затем последовало увеличение товарооборота, соответственно, открытие новых магазинов и других мелких предприятий. По государственному плану развития народного хозяйства было

предусмотрено проведение в большом объеме работ по строительству дорог, в целях расширения автомобильно-транспортного сообщения. В соответствии с Постановлением ЦК КПСС и Совета Министров Советского Союза «О развитии жилищного строительства СССР» по плану на 1958 год важное место отводится вопросам жилищного строительства. Выделяется на строительство домов около 80 млн. рублей. Должно быть введено в использование большое количество квартирных домов. Масштабные цифры занимают строительство жилых индивидуальных домов для прибывающих чеченцев и ингушей. Планируется провести газовые, тепловые, водопроводные сети в города и села, расширить трамвайные линии и т.д.

Общий объем капитальных вложений за 1958 год по государственному плану развития народного хозяйства на жилищное и культурно-бытовое строительство составлял почти 140 млн. рублей, что превышало финансовое вложение за 1957 год на 15% [9, с. 390].

В соответствии с планом трудовые коллективы г. Грозный обязывались построить и ввести в использование более 65 тысяч кв. метров, в том числе и 20 кв. метров путем народной стройки. В своем выступлении Муслим Гайрбеков доложил, что в планируемом году должны начать работу три общеобразовательные школы, лечебное учреждение на 100 мест, 5 дошкольных учреждений, до 10 км. тепловых сетей и другие важные объекты [12].

В сфере народного просвещения по разработанному плану на 1958 год планировалось подготовить к использованию 14 школ, 6 дошкольных учреждений и начать строительство 12 объектов общеобразовательных школ, планируемых к окончанию в 1959 году. Важность наличия в республике школ для всеобщего обучения заключается в вопросе дальнейшего культурного роста чеченского и ингушского народов, приобщая подрастающее поколение к активной общественно-политической жизни. В 1958 году планировалось дальнейшее развитие культурно-просветительской жизни народа, включавшее открытие 200 новых библиотек, 8 киноустановок, драматического театра на 800 мест, кинотеатра на 800 мест, библиотеки республиканского уровня и типографии.

Вышеперечисленные основные показатели по народнохозяйственному плану были разработаны Организационным Комитетом по восстановлению Чечено-Ингушской АССР на 1958 год. Муслим Гайрбеков отметил важность разумного использования всех имеющихся возможностей и обеспечения безусловного выполнения по всем показателям. Также он подчеркнул важную роль местных Советов депутатов и трудящихся республики.

Кроме того, Организационным комитетом были запланированы мероприятия на ближайшие 3 года в сфере культурно-бытового и жилищного строительства. Вот конкретные цифры – 70 школ-интернатов, 22 детских сада, 21 ясли, более 20 больниц, 8 сельских домов культуры, а также 17 фельдшерско-акушерских пунктов в городах и селах, лечебных учреждений в селах, дополнительное включение мест для больных в больницах и т.д. [6, с. 219]. Опять же особое место отводилось жилищному строительству в ближайшие несколько лет. Выполнение данного плана и поставленных целей должно повысить уровень развития экономики, культуры, промышленности, образования и здравоохранения республики, что позволит сделать ее одной из передовых среди автономных республик Советского Союза.

В ноябре 1958 года в своем докладе Председатель Совета Министров Чечено-Ингушской АССР отметил: «Неуклонно растет и развивается национальная и социалистическая культура чеченского и ингушского народов. До революции чеченцы и

ингуши не имели письменности, образованных людей из коренного населения было не более 2%, да и то за счет мулл, крупных торговцев и землевладельцев. Для детей горцев было всего 5 школ на 200 мест для обучаемых. Теперь в республике работает 370 школ, в которых обучается 91 тысяча школьников. Повсеместно введено всеобщее семилетнее обязательное образование, а в Грозном среднее образование» [2, с.125].

Он отметил, что по сравнению с дореволюционным периодом, когда не было ни одного вуза в республике, сейчас имеется два высших учебных заведения, с обучающимися студентами в количестве 10270 человек, из которых 1445 составляют студенты чеченской и ингушской национальности. Также отмечалось и создание республиканского научно-исследовательского института истории, языка и литературы, организация национального ансамбля песни и танца, завершение в ближайшее время строительства и открытие драматического театра.

По официальным данным, в 1958 году вернулись на родную землю и поселились на прежних местах жительства 201746 чеченцев и ингушей [5, с.447]. В рамках помощи прибывавшему населению государством было выделено и уже выдано 200 млн. рублей государственного кредита. Промышленность республики выполнила десяти-месячный план на 103%. По производительности труда республика выполнила план за 9 месяцев на 109%. В сфере нефтедобычи рабочие республики выполнили план на 11 месяцев раньше срока. Некоторые коллективы нефтяных промыслов выполнили к концу октября уже годовой план и начали добычу в счет следующего года [14]. В рамках выполнения запланированных задач на год по подъему сельского хозяйства огромную работу проделали передовики сельскохозяйственного производства, в сфере заготовок на зиму хлеба, мяса, овощей, молочных продуктов и других продуктов. Колхозы и совхозы в этом году за короткие сроки справились со своими поставленными на год целями и планами и начали уже перевыполнение их.

Таким образом, работа Организационного комитета под руководством Муслима Гайрбековича Гайрбекова позволила подготовить условия для возвращения чеченского и ингушского народов, создать необходимые предпосылки для дальнейшего развития ее экономики. Трудности первоначального этапа переселения и решения многогранных задач восстановления национальной автономии были постепенно преодолены. При этом создавались необходимые предпосылки для перехода к новому этапу национально-государственного строительства в Чечено-Ингушетии.

Список литературы

1. Бугаев А.М. Восстановление Чечено-Ингушской АССР: юридический и политический аспекты // Восстановление Чечено-Ингушской АССР – решающий фактор реабилитации чеченского народа. Материалы республиканской научно-практической конференции. 25 января, 2007 г. –Грозный: ГУП «ИПК «Грозненский рабочий», 2007. – С.194-208.
2. Гешаев М.Б, Туркаев Х.В. Муслим Гайрбеков. Просветительская и государственная власть. – М.: Изд-во «Олвиг», 2013. – 223 с.
3. Джамбулатова З.К. Культурное строительство в Советской Чечено-Ингушетии. – Грозный: Ч-И книж. изд-во, 1974. – 234 с.
4. Ибрагимов Муса М. Восстановление ЧИАССР и процесс возвращения чеченцев на родную землю // Восстановление Чечено-Ингушской АССР – решающий фактор реабилитации чеченского народа. Материалы республиканской научно-практической конференции. 25 января, 2007 г. –Грозный: ГУП «ИПК «Грозненский рабочий», 2007. – С.30-43.

5. Ингуши: депортация, возвращение. Реабилитация. 1994-2004: Документы, материалы, комментарии / Автор-сост. Я.С. Патиев. – Магас: Изд-во «Сердало», 2004. – 608 с.

6. Культурное строительство в Чечено-Ингушетии (июнь 1941-1980 гг.). Сборник документов и материалов / Отв. Ред. Р.А. Сайханов. – Грозный: Чечено-Ингушское книжное издательство, 1985. – 328 с.

7. Мамсурова М.Ш. Муслим Гайрбеков: страницы политической биографии // Материалы Всероссийской научной конференции, посвященной 60-летию восстановления Чечено-Ингушской АССР. Грозный 24-25 марта 2017 г. – Грозный: Изд-во «Грозненский рабочий», 2017. – С.23-56.

8. Музаев М.Н., Айдамиров Ш.К., Бугаев А.М. Восстановление Чечено-Ингушской АССР (1953-1962). Сборник документов и материалов Т.П. –Нальчик: ООО «Печатный двор», 2016. – 464 с.

9. Музаев М.Н., Бугаев А.М. Восстановление Чечено-Ингушской АССР (1953-1962). Сборник документов и материалов Т.П. –Нальчик: ООО «Печатный двор», 2013. – 491 с.

10. Реабилитация: как это было. Документы Президиума ЦК КПСС и другие материалы. В 3-х томах. Том 2 Февраль 1956 – начало 80-х гг. – М.: МФД, 2003. – С.219-220.

11. Русин В.Д. Достоинство гордых. Моя жизнь с чеченцами и ингушами. – Нальчик: Издательство М.и В. Котляровых, 2005. – 504 с.

12. АУП ЧР.Ф. Р-1212. Оп.2. Д.95 а.

13. РГАСПИ. Ф.17. ОП.57. Д.2627. Л.1-180.

14. РГАСПИ. Ф.17. ОП.57. Д.2626. Л.120.

15. РГАСПИ. Ф.556. ОП.14. Д.81. Л.12-41.

16. РГАСПИ. Ф.556. ОП.14. Д.81. Л.10.

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 398:[811.512.37+811.161.1]

ББК Ш164.3+Ш141.12+Ш33

З.В. Бадмаева, Е.В. Голубева, И.В. Карбушева

Калмыцкий государственный университет им. Б.Б. Городовикова

ПОВТОРЫ В КАЛМЫЦКИХ И РУССКИХ БЛАГОПОЖЕЛАНИЯХ

Статья посвящена анализу особенностей повторов в фольклорных текстах калмыцкого и русского народов. Анализируются русские и калмыцкие благопожелания (йоряли). Делается вывод о том, что повтор, являясь средством создания художественной выразительности, выполняет функцию «закрепителя» определенного желаемого действия, обладает универсальными и уникальными для каждого из рассматриваемых языков свойствами. Частотность использования повторов объясняется спецификой фольклорного дискурса.

Ключевые слова: фольклор, благопожелания, повтор, калмыцкий язык, русский язык, сравнительно-сопоставительный анализ.

Z.V. Badmayeva, E.V. Golubeva, I.V. Karbusheva

Kalmyk State University named after B.B. Gorodovikov

REPETITIONS (RHETORICAL DEVICE) IN KALMYK AND RUSSIAN GOOD WISHES

The article is devoted to the analysis of the features of repetitions in the folklore texts of the Kalmyk and Russian peoples. The researchers analyzed messages in the form of good will (Yorals) in the Russian and Kalmyk languages. The study confirmed that repetition as a means of creating artistic expression serve as a «fixer» of a certain desired good wishes has universal and unique properties for each of the considered languages. The frequency of repetition is explained by specific features of folklore discourse.

Key words: folklore, good wishes, repetition, Kalmyk language, Russian language, comparative analysis.

Организация различных фольклорных текстов обладает особой спецификой, продиктованной различными факторами: изначально устной формой бытования, личностью сочинителя-рассказчика, передачей из поколения в поколение, историческими трансформациями.

Данная статья посвящена анализу повтора в калмыцком и русском фольклоре, главная цель – определить универсальные и уникальные характеристики повтора в русских благопожеланиях и калмыцких йорялах. Актуальность изучения особенностей повтора обусловлена недостаточным количеством сравнительно-сопоставительных лингвистических работ на материале калмыцких и русских фольклорных жанров.

Фольклорные произведения накапливают и фиксируют этнические ценности каждого конкретного народа, его традиции и обычаи, нормы поведения, особенности характера, дают представления о трудолюбии и лени, о добре и зле, о жизни и смерти. Колоритный язык фольклора, основанный на устной форме речи, обладает чертами архаичности, поскольку хранится поколениями народа, фиксируется в письменных источниках в материальной форме.

Именно народ создает фольклорные единицы, использует их и передает потомкам, при этом язык фольклора включает не только литературный нормированный язык, но и разговорные формы в определенный исторический период, что, безусловно, повышает

ценность изучения языка фольклора. Лексика, утратившая свою актуальность в современном языке, цементируется в языке фольклора, обладая историко-культурной значимостью, характеризуя языковой портрет носителя, обогащая словарный состав языка. Анализ различных стилистических средств и лексико-грамматических форм дает богатый материал для исследования архаических форм бытования языка.

Менталитет народа, коллективное языковое сознание, скрытые в фольклорном слове, могут быть выявлены при расшифровке глубинных слоев народных текстов, при комплексном изучении различных элементов их содержания [6, с. 51-53].

Устное народное творчество включает множество жанров: эпос, мифы и легенды, сказки, пословицы и поговорки и т.д. Благопожелания (йөрәл) являются одним из наименее изученных малых жанров фольклора калмыков в сопоставлении с русским языком. Высшие магические силы, способные влиять на благополучие человека, могут быть «задобрены» путем повтора добрых слов, закрепления желаемых действий посредством многократного повторения благопожеланий. Именно высшие силы, по представлениям наших предков, могли влиять на жизнь и благополучие человека. Благопожелания, высказанные не родственником данной конкретной семьи, имели важное значение для ритуала, так как обладали большей магической силой. Такие благопожелания традиционно бытовали при родоразрешении, крестинах ребенка, в важных сельскохозяйственных ритуалах, в календарных обрядах и свадьбах [1, с. 87]. Благопожелания рассматриваются как словесные формулы, основная задача которых – пожелание блага в свой адрес или в адрес другого субъекта [11, с. 94]. Приведем пример благопожелания бабки-повитухи, которая произносит его новорожденному ребенку: *Не будь седун, будь ходун; / банюшки-парушки слушай / Не слушай ни уроков, / ни причипцев, ни урочищев, / ни от худых, ни от добрых, / ни от девок-пустоволосок / Живи, да толстей, да ядерней.*

В калмыцком языке русское благопожелание можно сравнить с уникальным жанром йорялов. *Йөрәл* – это калмыцкое благопожелание, стихотворный тост, сказанный по определенному поводу. Приведем пример: *Нутг-нурһн төвкнүн бәәж, / Пусть родные кочевья пребывают в спокойствии, / Нег-негнләрн ни-нищһнү болж, / Пусть все живут в мире и согласии. / Дән дажғ уга, / Да не будет войн и насилия, / Дәәвлх зовлң уга бәәх болтха! / Да не будет тревог и несчастий!* [18, с. 3-4].

Благопожелания с позиций изучения обрядов были рассмотрены в статье И.М. Мацакова «К вопросу о калмыцких йорялах», который разделил йорялы в соответствии с темой. Связь древних и современных йорялов с точки зрения происхождения анализируется в статье Э.Б. Овалова «Благопожелания (йорялы) – жанр калмыцкого фольклора», в которой автор подробно систематизировал образцы благопожеланий, опубликованных в различных источниках. Ученые-фольклористы Т.Г. Борджанова и Е.Э. Хабунова исследовали благопожелания в свете выполняемых ими в калмыцких обрядах функций [4; 5; 12; 18].

Т.Г. Борджанова делит йорялы на такие группы:

1. Йорялы на рождение ребенка: когда повитуха перерезает пуповину ребенку; когда дядя по матери впервые стрижет ребенка; когда родственники дарят одежду новорожденному и т.д.

2. Йорялы на свадебную церемонию (когда невеста входит в дом жениха; когда гости вручают подарки новобрачным; когда в дом вносят приданое невесты и т.д.).

3. Йорялы на национальные праздники (Цаһан сар, Зул, Үрс сар);

4. Йорялы на удачное проведение охоты и рыбалки;

5. Йорялы на получение богатого приплода;

6. Йорялы на хороший урожай;
7. Йорялы на счастливую дальнюю дорогу;
8. Йорялы на удачное место кочевки (при переезде) [4, с. 15].

Русские благопожелания-поздравления носили универсальный характер и напоминали календарно-обрядовые и свадебные тексты: пожелания в адрес участников обряда переплетались с пожеланиями увеличения достатка, улучшения плодovitости скота, благополучия в целом: «*Водись на полоке (кровати) ребятки, под пологом телятки, под печкой поросятки, на полу цыплятки. А мой внук расти высоко-высоко*» [11].

В устном народном творчестве состав благопожеланий неоднороден: они входят в семейный фольклор (колыбельные, потешки), в календарно-обрядовые жанры, в заговорные тексты, в гадательные формулы и т.д.

В восточнославянских культурных традициях структура текстов благопожеланий сильно не отличается, так как используются похожие средства образования. Можно выделить: формы повелительного наклонения глагола, образуемые при помощи частицы «*пусть*» – «*Пусть у вас будет полная кошара овец*», пожелания, которые оформляются при помощи подчинительного союза «*чтобы*» – «*Чтобы сваты и свахи не выходили из хаты!*», глагольные формы в повелительном наклонении – «*Будь здоров, как вода, расти, как верба*».

Желание человека воздействовать на собственную жизнь и жизнь близких людей основано на вере в магическую силу слова: *Эн кенэхмб гихля, / Тедня тер гижэ, / Нерэн дуудулэж йовихатн! Иджэ, уужэ, цаджэ, ханжэ, / Олн-эмтн амулэ болтха! / Олн мадн ут нас хээрлтхэ!* – Когда спросят, из какого вы рода, / отвечают, что из такого-то, (поэтому) / Прославляйте свой род! Пусть едят, пьют, насытятся, возрадуются, / Пусть все люди в благополучии будут! / Всем нам долголетия (пусть божества) пожелают!

Повторы в поэтических текстах выполняют разные функции: усиливают воздействие, гармонизируют содержание, актуализируют лексемы, структурируют композицию. Избыточность повтора в логическом плане нивелируется воздействующей функцией в фольклорных текстах. Повторы изучаются лингвистами на примере разных языковых единиц, повторы могут функционировать на фонетическом, морфемном, морфологическом, лексическом, синтаксическом уровнях.

Термин «повтор» имеет следующее отражение в словарях. Так, в словаре Розенталя Д.Э., Теленковой М.А. дается определение повтора как лингвистического термина, классификация его видов: Цельное или фрагментарное удвоение корней, всей основы или полностью слова – это *повтор* [17].

Д.Э. Розенталя делит подобные слова на следующие классы по значению:

а) усиление качества, выражаемого именем прилагательным: *черный-черный* (в значении «очень черный»);

б) непрерывность процесса, выражаемая глагольными формами (*ждал-ждал*); интенсивность действия (*говорил-говорил*); кратковременность действия (*почитал-почитал*);

в) усиление значения, выражаемого наречием: *тихо-тихо*;

г) междометия: *ох-ох, ой-ой, ха-ха-ха*;

д) звукоподражания: *мяу-мяу, тик-так*.

Повторы можно дифференцировать с точки зрения семантических свойств:

1) ссылка на количество предметов: *В зеленом поле цветы, цветы, цветы*;

2) ссылка на проявление определенного качества предмета или действия: *В темной-темной комнате...*;

3) ссылка на продолжительность действия во времени: *Ждали-ждали – не дождались*.

Экспрессия, свойственная поэтическим текстам, может создаваться при помощи повторов синонимических средств, так как именно ресурсы лексики активно участвуют в структуризации воздействующих возможностей любого текста [17].

В тексте благопожеланий используются как повторы существительных, так и повторы прилагательных, глаголов: *Нутг-нурһн төвкүн бээжэ, / Нег-негнләрн ни-нишиңһу болжэ* – Пусть родные кочевья пребывают в спокойствии, / Пусть все живут в мире и согласии!

Редупликация подразумевает различные виды повтора (полный, частичный, синтаксический). В данной работе под редупликацией рассматривается удвоение основы слова, его повтор или повтор корня. Часто используется для выражения интенсивности действия или качества. Слова, образованные при помощи редупликации, называются редупликаты [3]. Русскому языку, который является синтетическим, редупликация свойственна меньше, чем тюркским языкам, агглютинативным по системной организации единиц.

Полные редупликаты встречаются в обрядовой поэзии часто, особенно в детских потешках, песенках, заговорах. Так, в калмыцком языке можно встретить следующие фольклорные тексты, в которых широко используется редупликация: *Хур-хур нааран йов, Мөндр-мөндр цааран йов. Дождь, дождь – сюда, Град, град – туда*. Встречаются и частичные редупликаты: *Һарч йовх шар нарн, цэг-цюг! Сал – Манц, цэг-цюг! Тецг – Бузг, цэг-цюг! Благословляем восходящее желтое солнце, Окропляем реки Сал и Маныч, Воды Дона и Бузука окропляем!*

Литературные особенности создания и использования благопожеланий часто основаны на параллелизме (лексическом, синтаксическом, семантическом), который используется для образности и привлечения внимания слушателей. Параллелизм представляет собой одинаковое построение предложений или их частей, приведем пример из йоряла: *Авчах насһн ут болтха! / Пусть ваша жизнь будет долгой! / Насһн ут болтха, кишигһн бат болтха! / Пусть Ваша жизнь будет долгой, а счастье крепким! / Орһн жыл орута болтха! / Пусть наступивший год будет прибыльным! / Оржгах жылд өлзэ кишиг делерх болтха! / Пусть счастье и благоденствие процветают в наступающем году!*

Повторы в калмыцких благопожеланиях основаны на частичном повторе слов, сведения в единое понятие двух лексем, которые при переводе на русский язык могут означать что-то конкретное, например: *дән-дажг уга бээлһн* (досл. жизнь без войны-гнёта) – мир; *дән-дажг* (война-гнёт) – война; *аав-ээжэ* (досл. мать-отец) – родители; *көвүд-күүкд* (досл. мальчики-девочки) – дети; *һазр-усн* (досл. земля-вода) – земля; *теңгр-һазр* (досл. небо-земля) – вселенная; *эрүл-менд* (досл. чистый-здоровый) – здоровье. Здесь стоит сказать, что речь идет о лексикализованных сочетаниях, которые представляют собой несколько слов, выражающих единое простое понятие. Подобные сочетания переводятся с одного языка на другой только на основе стилистических и функциональных соответствий, а не в прямом значении каждого из элементов.

Эрүл-менд бээһн! / Байрлжэ-жирһжэ бээхиг / Олн Деедс Бурхд өришэтхэ! / Хулхад худлын аюл уга, / Хов-худлын шилтән уга / Байрта-бахмжста бээхиг / Олн деедс бурхд өришэтхэ! – Будьте здоровы! Живите радуйсь, такую жизнь пусть благословят все божества! / Без воровства и опасности, без зависти и обмана. Пусть вашу радостную и безбедную жизнь благословят все божества!

Черты и свойства, которые являются типичными для многих фольклорных произведений, содержатся в калмыцких йорялах, так как они являются неотъемлемой частью устного народного творчества калмыков [12]. Именно повтор как средство

словесного кодирования передает надежды и мечты народа, его искреннюю веру в благополучие, спокойствие и счастливую жизнь. Сюжет фольклорного произведения, развиваясь плавно, должен привлекать внимание слушателей, текст должен быть мелодичным, ярким, запоминающимся. Использование повторов разных видов создает особый интонационно-ритмический рисунок фольклорного текста, упорядочивает и организует его, что помогает быстрее его запомнить, определяет ключевую функцию рифмования в поэтических фольклорных жанрах.

Для анализа использования повторов в благопожеланиях и йорялах было привлечено 10 русских текстов и 18 калмыцких. Универсальные характеристики языка благопожеланий совпадают в рассматриваемых языках в нескольких свойствах: 1. Частотное использование; 2. Повторы разных частей речи (существительные, прилагательные, глаголы); 3. Цели, преследуемые авторами, могут совпадать.

К особенностям можно отнести: 1. В рассмотренных калмыцких йорялах повтор чаще используется для выражения единого понятия. В русских благопожеланиях – для усиления воздействия. 2. Калмыцкие повторы основаны на специфике кочевого образа жизни, скотоводческого типа хозяйствования. В русских благопожеланиях чаще повторяются аграрные понятия (*скирды, гумно, хлеб / соль, овес, трава, урожай, саженьцы, деревья*), концепты оседлого бытования (*дом, печь, хозяйство, короба*).

Повторы различаются по «набору» животных, представляющих ценность для русских и калмыков. Так, в русских благопожеланиях частотны упоминания курица / яйца; телята; жеребята. В йорялах – *буур* – взрослый верблюд-самец; *ботхн* – верблюжонок; *мөрн* (лошадь); *мал* (скот); *ноха* (собака). Йорялы почти всегда построены на аллитерации, повторе одних и тех же согласных звуков в начале или в конце предложения (*Зулан өргэж, / Зунквин гегэнд шүтэж, / Зовх зовлң уга жүрһхитн йөрэжәнэв!* – Пребывайте в блаженстве, не зная горя, / Зажигая лампадку и преклоняясь Зункаве!), парная рифмовка (*Эмэр өнр болж, / Аһрусар байн болж, / Теңгрин өвчн уга, / Тесчин аюл уга...*).

Повторы как особый инструмент композиции фольклорного текста выполняет разные функции.

1. *Ритмообразующая функция* повтора определяет особую мелодичность текста. Так, в калмыцких йорялах повторяется определенная форма деепричастия в конце фразы. Последняя строчка заканчивается императивной формой, закрепляющей желаемое действие:

Нэ, / Буур эжил һарж, / отхн эжил орж, / Һаржсах эжил кишгэн үлдэж, / Оржсах эжил өлзэһэн хээрлэж йовх болтха! / Пусть старый год (подобный верблюду) уйдет, / Пусть новый год (похожий на верблюжонок) придет, / Пусть уходящий год оставит свое счастье, / Пусть приходящий год принесет с собой благоденствие!

Русское пожелание сборщикам урожая: *Таскать вам – не перетаскать!*

2. *Усилительная функция* повтора позволяет говорящему правильно расставить акценты в соответствии с тем, на что необходимо обратить внимание слушающих: *Ты прости, моя да воля вольная, / Ты прости, моя да девья красота! / Я пошлю тебя да во чисто поле, / Во чисто поле да во раздолыще.*

Татв-татв тасриго / Чтоб тянули-тянули, не растянули

Хуһлв-хуһлв хамхриго / Ломали-ломали, не сломали

Сэн-сээхн бээхиг / И, чтоб так счастливо жили.

3. Повторы могут выполнять экспрессивную функцию, выражая эмоции говорящего:

Так будут гладки наши речи! / Яко клюв Твой остёр – / Так будут остры наши сказы! / Яко глас Твой высок – / Так будут высоки наши славы! Гой!

Сансн санандан күржэ, / Все, что замыслили, того и достигли / Бүтсн үүлтн бүтэжэ, / Дела, что начали, – завершили / Күүнд келүүл уга, / Чтоб люди о вас плохого не сказали / Нохад хуцулл уга! / И собака даже, чтоб на вас не лаяла!

Благопожелания произносятся в разных ситуациях, охватывают радости человека: национальные и семейные праздники, рождение ребенка, покупку новых вещей. Несмотря на то, что калмыцкий язык находится под угрозой исчезновения, фольклорный жанр благопожелания продолжает активно развиваться и использоваться. Конечно, русские и калмыцкие благопожелания различаются когнитивным содержанием, но условия их функционирования остаются идентичными. Анализ языка благопожеланий дает возможность судить об особенностях мировосприятия народа-автора, определяет ключевые культурные ценности, нормы поведения и характер. Следует особо отметить, что содержание благопожеланий основывается на древних представлениях народа о силах природы, добре и зле, хорошем и плохом, привязываясь при этом к реалиям повседневной жизни человека. В благопожеланиях заключена многовековая мудрость, которая просеяна временем [16].

Традиционно благопожелания создаются и используются в момент эмоционального подъема, всплеска чувств по определенному положительному поводу, душевного напряжения. Содержание благопожеланий обращено к высшим силам, к силам природы, к духовным защитникам человека и его близким, с просьбами о ниспослании всех желаемых благ, определенных материальных ценностей. Для закрепления высказываемых пожеланий используются разные языковые средства, одним из которых является повтор.

Со временем потеряв свое обрядово-религиозное значение, йорялы широко распространены в речи, современные калмыки по любому радостному событию произносят благопожелания. Сейчас йорялы не выглядят как часть заговорной поэзии, к ним прибегают как к добрым словам в различных положительных ситуациях, когда нужно с чем-то поздравить.

Анализ изученных текстов свидетельствует о том, что повтор широко используется в русских благопожеланиях и калмыцких йорялах для создания особого ритмического рисунка, повышения художественной выразительности этого малого жанра устного народного творчества. Повторы делают благопожелания специфическим текстом, отличительной чертой которого является не только дискурсивный характер, но и эстетическое, экспрессивное воздействие.

Список литературы

1. Агапкина Т.А., Виноградова Л.Н. Благопожелание: ритуал и текст // Славянский и балканский фольклор. – М., 1994.
2. Амроян И.Ф. Повтор в структуре фольклорного текста (на материале русских, болгарских и чешских сказочных и заговорных текстов). Автореф. дисс... д.ф.н. М., 2006.
3. Большая советская энциклопедия. Том 1-30. 3-е изд. / Глав. ред. А.М. Прохоров. М.: Сов. энциклопедия, 1969. – С. 78.
4. Борджанова Т.Г. К проблеме обрядовой поэзии // Калмыцкая народная поэзия. – Элиста, 1984. – С. 77-97.
5. Борджанова Т.Г. Магическая поэзия калмыков: исследование и материалы. – Элиста: Калм. кн. изд-во, 1999. – 182 с.
6. Голубева Е.В. Фольклор как предмет лингвокогнитивного исследования // Альманах современной науки и образования. № 12(79). Тамбов, 2013. – С. 51-53.

7. Закирова И.Г. Жанр благопожеланий в татарском фольклоре // Филологические науки. Вопросы теории и практики. № 10(76). В 3-х ч. Ч. 3. Тамбов: Грамота, 2017. – С. 15-18.

8. Зуева Т. В. Русский фольклор / Т. В. Зуева, Б. П. Кирдан. – М., 2003. – С. 86.

9. Казаева Л.И. Виды и функции повторов в текстах поэтического и художественного жанра // Вестник Югорского государственного университета. № 2. Вып. 5. Ханты-Мансийск, 2006. – С. 50-53.

10. Мацаков И.И. К вопросу о калмыцких йорялах // Записки КНИИЯЛИ. Вып. 2. – Элиста, 1962. – С. 103-108.

11. Мешкова О.В. Типы благопожеланий в традиционном русском родильно-крестильном обряде // Вестник Челябинского государственного университета. Филология. Искусствоведение. № 34 (215). Вып. 49. Челябинск, 2010. – С. 69-72.

12. Михайлова Н.Д. Художественные особенности калмыцких народных благопожеланий // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. № 2. – Элиста, 2011.

13. Овалов Э.Б. Благопожелания (йорялы) – жанр калмыцкого фольклора. (Вопросы систематизации и публикации) // Калмыцкий фольклор. Проблемы издания. – Элиста, 1985. – С. 109-125.

14. Оконов Б.Б. Калмыцкие йорялы-благопожелания – проецирование совершенства, добра, истины // Фольклор в общей системе литературного образования в калмыцкой национальной школе. – Элиста, 2001. – С. 130-139.

15. Очиров Н. О. Йорялы, харалы и связанный со вторым обряд «хара келе утулган» у калмыков // Живая старина. СПб., 1909. Вып. II-X. – С. 70-71.

16. Раджапова Н.Г. Структурно-семантический анализ благопожеланий и проклятий даргинского языка. Дисс. ... канд.филол.н. Махачкала, 2012. –168 с.

17. Розенталь Д.Э., Теленкова М.А. Словарь-справочник лингвистических терминов. Изд. 2-е. – М.: Просвещение, 1976.

18. Хабунова Е.Э. Добрые пожелания: от SMS до традиционных йорялов. 2-е изд., перераб. и доп. – Элиста: ЗАОР «НПП «Джангар», 2010. – С. 3-4.

19. Цацлын дееж. Зүңһарин хальмгудын йөрэл, магталмуд болн хурмин йосн. – Элст. Хальмг дегтр һарһач. 1997. – 25 х.

ББК Ш164.3+Ш163.23
УДК 811.512.37:811.512.154|19|XX

У.К. Кадыркулова¹, М.У. Монраев², В.Н. Мушаев²

¹Иссык-Кульский государственный университет имени К. Тыныстанова
г. Каракол, Кыргызстан

²Калмыцкий государственный университет им. Б.Б. Городовикова

ПРОБЛЕМЫ СТАНОВЛЕНИЯ ПИСЬМЕННОСТИ В СОВЕТСКУЮ ЭПОХУ (НА ПРИМЕРЕ КАЛМЫЦКОГО И КИРГИЗСКОГО ЯЗЫКОВ)

*Исследование выполнено по внутривузовскому Гранту КалмГУ
«Монгольское и тюркское языкознание: традиции и инновации»*

Калмыки и кыргызы – представители тюрко-монгольской языковой группы. Они имели свою письменность: калмыки – заяпандитскую, кыргызы – арабскую. В статье авторы анализируют процесс развития калмыцкой и кыргызской письменности в советскую эпоху. Рассматриваются особенности специфических букв русской и национальной письменности и усвоение их в начальной школе в период ликбеза. С аналогичными трудностями столкнулись и кыргызы. Решение проблемы письменности происходило поэтапно со сменой алфавита с одного языка на другой. Однако в каждой отдельной республике это происходило по-своему. В настоящее время вновь становятся актуальными вопросы, связанные с периодом латинизации для современных тюркских языков (азербайджанского, узбекского, казахского и др.) и научной унифицированной латинизированной передачи памятников. Для монгольских языков, особенно для калмыцкого, актуальны проблемы полногласия, связанные с вопросами обучения языку в настоящее время.

Ключевые слова: письменность, грамматика, строй языка, арабский, латиница, кириллица, кыргызы, калмыки.

U.K. Kadyrkulova¹, M.U. Monraev², V.N. Mushaev²

¹Issyk-Kul state University named after K. Tynystanov,
city of Karakol, Kyrgyzstan

²Kalmyk State University named after B.B. Gorodovikov

HOW THE WRITING SYSTEM EVOLVED IN SOVIET PERIOD (ON THE EXAMPLE OF THE KALMYK AND KYRGYZ LANGUAGES)

The article reports on a study which analyzes the development of Kalmyk and Kyrgyz writing systems in Soviet period. Kalmyk and Kyrgyz peoples represent Turkic and Mongolic languages. In the past they had their own writing systems. Kalmyks had an alphabet called "Clear script" which was composed by Zaya Pandita. Kyrgyz people used the Arabic script. But in the Soviet period both peoples adopted the Russian script which caused many problems for them. Adaptations of the Cyrillic alphabet for these two languages added and removed some letters. Kalmyk and Kyrgyz peoples solved these problems separately. After the disintegration of the Soviet Union some of the former republics like Azerbaijan, Uzbekistan, and Kyrgyzstan officially shifted from Cyrillic to Latin. Nowadays the Kalmyk language faces some urgent problems concerning phonetics. The issue is connected with language teaching in schools.

Key words: writing system, grammar, language system, Arabic script, Cyrillic script, Latin script, Kyrgyz people, Kalmyk people.

Республика Калмыкия является многонациональной, на ее территории проживает более 90 народов и народностей, а проблема калмыцкого языка (языка титульной нации) стала настолько актуальна, что требует кардинальных мер не только по усилению

коммуникативной функции, но и по его сохранению. В законе «О языках народов Республики Калмыкия» от 27.10.1999г. записано: «В народном Хурале (Парламенте) Республики Калмыкия, правительстве Калмыкии и администрации Президента РК работа ведется на калмыцком и русском языках как государственных языках РК... тексты законов и нормативных правовых актов... публикуются на государственных языках РК. Делопроизводство, переписка ведутся на государственных языках РК». На самом деле в жизни все иначе. Калмыки от национально-русского двуязычия перешли к русско-национальному билингвизму, и в настоящее время находимся на стадии перехода к моноязычию. В условиях глобализации эти тенденции становятся угрожающими. Именно в это время необходимо стремиться к сохранению и укреплению национального самосознания, своей идентичности и историко-культурной ценности [4, с.23]. Все то, что сохранено предками, должно передаваться от поколения к поколению: язык, традиции и обычаи. В этих условиях язык, письменность должны быть понятны для основной массы населения. Однако В.И. Рассадин отмечает недостатки действующей калмыцкой орфографии: «В настоящее время в Калмыкии сложилась не вполне нормальная ситуация относительно калмыцкого языка, когда в республике фактически функционирует два различных языка – устный разговорный язык и искусственно созданный письменный язык, отличающийся от живого разговорного языка не вполне адекватными орфографическими нормами» [14, с. 37-40]. Трудно не согласиться с мнением известного лингвиста.

Советская эпоха калмыцкой и киргизской письменности датируется 20-ыми годами XX века, который богат историческими событиями.

В одной из своих работ Ц.Д. Номинханов пишет, что поиски для калмыцкой письменности соответствующего по своей легкости алфавита – заяпандитского (1648-1924), русского с дополнительными знаками (1924-1930), латинизированного с дополнительными знаками (1930-1938) и снова русского алфавита (1938) – были этапами развития калмыцкой письменности. Современный алфавит калмыцкой письменности с дополнительными знаками э, ө, ү, ж, һ, н, введенный в русский алфавит с 19 ноября 1959 года (после восстановления республики в правах (1957 г. – М.У.Монраев), является наиболее легким и соответствующим звуковым особенностям калмыцкого языка [9, с. 325].

На каждом этапе калмыцкой письменности проделана большая работа: дискуссии и споры, обсуждения, решения и т.д. Современный калмыцкий алфавит за годы Советской власти, вплоть до 90-х годов прошлого столетия, количественно и качественно изменялся несколько раз. Особую трудность в орфографии представляли шесть специфических звукобукв, о которых говорилось выше. Не менее спорной стала проблема обозначения неясной гласной на письме, возникшая с момента перехода калмыцкой письменности на русскую графику. Одним словом, эту проблему калмыцкие лингвисты решают и не могут решить в течение 95 лет. Отсюда возникают затруднения в сфере обучения детей грамоте и правильному чтению. Однако было время, когда неясные гласные обозначались двумя знаками «ь», «ъ». В мягкорядных словах использовался «ь» знак, а в твердорядных словах «ъ» знак. Однако эти правила просуществовали недолго. И все же в 1925 году на новом алфавите появился Методический справочник для первого и второго классов начальной школы на 1925-1926 учебный год. В этом же году буква «э» использовалась вместо «е», а также «я» и «ю». В 1926 году вышла газета «Улан хальмг» (Красный калмык). Как отмечается в работе Ц.Д.Номинханова, терминология калмыцкого языка в 1924-25 годах обобщалась двумя путями: а) заимствованием из русского языка или интернациональными терминами через русский язык; б) переводами терминов на калмыцкий язык. Это видно из анализа калмыцких текстов, издававшихся в 1924-25 годах.

Термины, заимствованные из русского или через русский язык: закон /закон/, комиссь, комплексн, материал, машин, правлен /управление/. Интересны термины, переведенные на калмыцкий язык, в них можно обнаружить устаревшую лексику, которая вышла из употребления.

А в «Очерках истории калмыцкой письменности ...» калмыцкий ученый Ц.Д.Номинханов пишет о причинах перехода с заяпандитской письменности на русскую графическую основу. Вот что сказал известный ученый: «В целях скорейшего приобщения калмыцкого народа к мировой культуре признать Зая-Пандитский алфавит устаревшим и приспособить к калмыцкому языку русский алфавит, одновременно с этим, не желая порывать связи с письменным и прочими памятниками прошлого калмыцкого народа, в интересах изучения по ним древнего быта, нравов, права и пр. калмыков, отметить желательность сохранения Зая-Пандитского алфавита для научных и изыскательных работ» [10, с.52].

Переход от «Ясного письма» Зая-Пандита («Тодо бичг») на русскую графику (кириллицу) несколько раз обсуждался на различных совещаниях (1924 г.), и было важное решение: принять, кроме общих русских букв [13, с.205], в течение 1924 г. данный вопрос рассматривался на заседаниях бюро калмыцкого обкома РКП(б) и Калмыцкого облисполкома. И 24 июля 1924 г. был утвержден проект нового алфавита.

Новая калмыцкая письменность, по словам профессора Д.А.Павлова, полностью отвечает интересам подъема культуры калмыцкого народа, политического просвещения масс, издания на родном языке газет, журналов, художественной и политической литературы, школьных учебников.

Профессор Павлов Д.А., рассматривая историю калмыцкой письменности, обращает внимание на специфические звуки: э, ө, ү, һ, ж, ң, которые на первом этапе передавались на письме с двумя точками над ними: ä, ü, ö, г, ж, ң. В первых печатных продукциях, в букваре Л.Нармаева, букваре для взрослых Д.Онкорова обнаруживаются фактические ошибки при использовании их на письме. Особенно при передаче шести вышеперечисленных фонем и необозначением двумя точками над ними. Утрата этих точек приводила к искажению смысла слова, непониманию содержания текста. Вот что пишет профессор Павлов Д.А. в своей работе о переходе на латиницу: «Решение о переходе на латинизированный алфавит было принято IX калмыцким областным съездом Советов в январе 1930 года, фактический переход был осуществлен с 28 сентября 1930 года, когда поступили шрифты и начали печатать на калмыцком языке новым латинизированным шрифтом газеты, книгу и другую литературу».

В процессе применения этого алфавита споры вызывала передача звуков **ж**, **ц** и **ч**. Вносились предложения переместить обозначения **ц** и **ч**, т.е. передавать звук **ц** буквой **с**, а звук **ч** через **с** с хвостиком. Эти споры получили свое положительное решение на языковедной конференции, состоявшейся в Элисте 17-20 мая 1931 года. Это была третья конференция, созданная вслед за Московской конференцией монгольской группы народов по вопросам письменности и языка, 10-17 января 1931 года.

По вопросу передачи звука **ж** в латинированном алфавите состоялось специальное совещание в феврале 1937 года. Президиум ЦИК Калмыцкой АССР, рассмотрев предложение этого совещания, своим постановлением от 17 февраля 1937 года, протокол №3, решил заменить букву **з** с поперечной черточкой буквой **ж** с хвостиком.

Латинизированный алфавит просуществовал до 1938 года, когда калмыки вернулись к русскому алфавиту, который окончательно утвердился в качестве основы графической системы калмыцкого литературного языка.

В истории кыргызского народа в анализируемый период происходят большие изменения. Вхождение кыргызов в состав России влечет за собой большие культурные, социальные, языковые изменения в жизни народа. Выделяют дореволюционный и послереволюционные периоды. И чаще отмечается, что в дореволюционный период у кыргызского народа, который во второй половине XIX века был в составе России, не было письменности.

Письменность была, шло сильное влияние арабского письма, который в силу религиозного давления был орудием духовенства, началось постепенное влияние русской интеллигенции, которое привело к замене арабской письменности на кириллицу. Писать и читать умели те, кто учился в мусульманской школе. Но арабская письменность не отражала специфику кыргызского разговорного языка. Об этом писал проф. К.К. Юдахин: «До Октябрьской социалистической революции грамотные киргизы (а их было немного) пользовались слабо приспособленным к киргизскому языку арабским алфавитом и писали, подражая образцам так называемого чагатайского (древнеузбекского) языка» [16, с. 6].

Арабский алфавит, как показывали многие ученые-лингвисты, по существу приспособлен к особенностям арабского языка, в звуковом составе которого неполно представлены гласные фонемы. Имея всего лишь три буквы для обозначения гласных звуков, он с трудом мог отвечать всем особенностям кыргызского языка, в котором 6 долгих гласных и 8 кратких гласных (всего 14). В арабском алфавите насчитывалось 28 букв. И полностью особенности кыргызского и других тюркских языков не мог отражать. Не только кыргызский народ пытался адаптировать его к своему языку. Другой причиной, тормозящей процесс охвата арабской письменности в Средней Азии, была недоступность для большего числа населения [1, с. 246].

Наличие письменности является основополагающим фактором формирования и развития языка. Но при условии ее доступности всем слоям общества и обслуживании всех членов общества.

Таким образом, кыргызский народ в начале XX века стоял перед выбором: продолжить применять арабский алфавит, который не отвечал требованиям обслуживания, или разработать новый алфавит, отвечающий и языковым особенностям, и доступный всем широким массам [15, с. 68].

В 1894 году П.М.Мелиоранский в своем труде «Краткая грамматика казак-киргизского языка» выделяет кыргызские наречия, различия кыргызского и казахского языков. С этого момента русские ученые исследуют тюркские языки и начинают выделять специфику каждого языка [8, с.58].

Новая эпоха кыргызской письменности датируется 20-ми годами XX века. Считается, что первая национальная письменность на основе общенародного разговорного языка была создана в 1924 году. В 1924 году в Ташкенте вышла книга Э.Арабаева «Кыргызалиппеси» (Кыргызский букварь). С этого года стала выходить на кыргызском языке первая национальная газета «Эркин-Тоо» («Свободные горы»). Она положила начало развитию кыргызской письменности, которая возникла на базе реформированного арабского алфавита. Сам факт рождения этой письменности, приспособленной к особенностям общенародного кыргызского языка, явился большим историческим событием в духовной и общественной жизни нашего народа. На реформированном языке печатались первые книги и журналы, на нем велось обучение во вновь созданных кыргызских школах, что дало огромный толчок появлению кыргызской интеллигенции. Таким образом, реформированный арабский алфавит для своего времени сыграл положительную роль и был важным этапом в истории становления и развития кыргызской национальной письменности [12, с.24].

В 1926 году выходит учебник К.Тыныстанова «Букварь для взрослых», в 1927 году «Букварь» переиздается. Необходимо отметить особую роль в становлении кыргызского письма первого кыргызского профессора, драматурга, переводчика, лингвиста и общественного деятеля Касыма Тыныстанова. Также надо отметить заслугу К.Тыныстанова в переходе на латинский алфавит, а в последующем – на кириллицу. Ему принадлежат первые учебники по грамматике кыргызского языка: «Алиппе для взрослых», «Морфология кыргызского языка» и т.д.

Наряду с введением реформированного арабского алфавита, на основе фонетического принципа необходимых изменений и дополнений, применительно к особенностям кыргызского языка, в целях максимального сближения письменной речи с разговорным языком, была перестроена и его орфография. Но положительных результатов было мало: арабский алфавит не был достаточно гибким. Это первое фонетическое письмо просуществовало до принятия латинской графики. Необходимость замены его практически более удобной, перспективной графикой диктовалась самой жизнью. «Реформированный кыргызский алфавит, – писал проф. И.А.Батманов, – в принципе мало отличается от дореформенного». Он был сложным и недостаточно четко передающим фонетические особенности как кыргызского, так и ряда других тюркских языков. «Поэтому сразу же после реформы кыргызской орфографии в 1925 году раздались голоса о необходимости, по примеру других народов Советского государства, отказаться от арабского алфавита и заменить его другим, построенным на основе латинской графики [2, с. 16].

В 1928 году кыргызская письменность перешла на латинский алфавит. В этом также огромная заслуга К.Тыныстанова. В латинизированном кыргызском алфавите в самом начале его существования еще не было букв **ф, в, х, ж** (латинские **f, v, h, z**). Для обозначения 9 кратких гласных применялось лишь 5 букв, а фонемы **ө, ү, и** самостоятельного буквенного обозначения не имели (для обозначения в письме этих гласных в основном применялись те же приемы, что в арабском алфавите). Весь алфавит пока еще состоял из 24 букв. Не были приняты еще заглавные буквы, что вызвало ряд практических неудобств при передаче на письме собственных имен, а также при определении начала предложения текста. Но все эти недочеты со временем были устранены, что создало возможность в 1938 году ввести стабильный свод правил новой орфографии кыргызского языка, изложенный в 35 параграфах.

После обновленной новой орфографии кыргызский алфавит состоял уже из 31 буквы. В самом своде правил более последовательно были разработаны принципы кыргызской орфографии.

Одним из достоинств нового свода правил являлось то, что в нем были даны более стабильные нормы орфографирования русских заимствованных слов в кыргызском языке. Для этой цели и были введены в состав алфавита буквы **ф, в, х, ж**.

На новом алфавите в 1928 году К.Тыныстанов публикует учебники «Энетил» (Родной язык), в 1932 году учебник «Тилсабагы» (Уроки письма), в 1934 году «Кыргыз тилинин морфологиясы» (Морфология кыргызского языка), в 1936 году «Кыргыз тилинин синтаксиси» (Синтаксис кыргызского языка). С 1930 года появляются учебники по кыргызской грамоте и других авторов. Например: «Биздинтил» (Наш язык) Шабдануулу Ажымана, «Энетил» (Родной язык) Ыдырысуулу Ы, «Кыргыз тили» (Кыргызский язык) К.Бакеева и т.д.

С 1939 года в среде кыргызской интеллигенции начали появляться предложения о переходе на новую русифицированную грамматику, т.е. русский алфавит. В обществе поднялось широкое обсуждение. Вскоре были разработаны и предложены варианты

нового алфавита, на собраниях и совещаниях высказывались предложения о том, как лучше передавать особенности родного языка. После длительного обсуждения в конце 1939 года был разработан окончательный проект, представленный на утверждение Правительства. Проект был подготовлен и опубликован Научно-исследовательским институтом кыргызского языка и письменности для перехода на новый алфавит на основе русской графики. В январе 1941 года на четвертой сессии Верховного Совета Киргизской ССР был принят Закон о переводе кыргызской письменности на новый алфавит. В сентябре того же года Указом Президиума Верховного Совета Киргизской ССР был утвержден свод правил новой кыргызской орфографии, который действовал до издания нового и последнего (1953) свода [11, с.18].

В состав нового алфавита кыргызского языка были включены 33 буквы русского алфавита и 3 дополнительные буквы: **ө, ү, ң**, графически являющиеся видоизменениями русских **о, у, н**. Долгие гласные кыргызского языка, являющиеся самостоятельными фонемами, передаются удвоенными знаками: **аа, оо, уу, ээ, өө, үү**. Учитывая, что в кыргызском языке, согласно законам сингармонизма, глубокозадняязычные к (кь) и г (гь) сочетаются с гласными заднего ряда: *ак – белый, карга – ворона, карыган – старый*; а среднеязычные **к** и **г** с гласными переднего ряда: *келечек – будущее, тегерек – окружность, эгин – посева*. Для обозначения четырех согласных звуков было достаточно двух букв. Дело в том, что дифференциация этих согласных при чтении слова производится по гласным звукам, стоящим рядом с ними в одном слоге. Во время обсуждения нового проекта этот вопрос был предметом острых дискуссий. Некоторые возражали и предлагали эти звуки обозначать самостоятельной буквой. Однако в основу окончательного проекта были положены предложения К.Юдахина, в которых была научно доказана целесообразность обозначения четырех вышеуказанных согласных буквами **к** и **г**. Глухие согласные обозначаются буквой **к**, звонкие согласные буквой **г**. Такой принцип обозначения вышеупомянутых согласных функционирует и в алфавитах туркменского, татарского, алтайского и тувинского языков.

Буквы **я, ё, е, ю** в кыргызском языке в заимствованных словах употреблялись в той же огласовке, что и в русском языке. В кыргызском языке они обозначают сочетания **й** с гласными $\dot{y}+a=я, \dot{y}+э=e; \dot{y}+o=ё; \dot{y}+y=ю$. Например: *таяк – палка, туюк – закрытый, боёк – краска* и т.д.

Буквой **ж** обозначаются два разных звука, употребляемых в кыргызском (*жол – дорога, жалбырак – лист, жылкы – лошадь*) и русском (*этаж, журнал, вожатый*) языках.

Таковы в общих чертах процессы формирования кыргызской национальной письменности, которая в ходе своего развития прошла три главных этапа: на первом из них использовался арабский алфавит, на втором – латинская графика, а в начале 40-х годов – переход на русскую графику. Новый алфавит облегчил изучение родного языка, способствовал улучшению издательского дела, открыл возможности молодежи быстрее изучать русский язык, а с его помощью глубже осваивать достижения русской и мировой науки и культуры [3, с.151].

С 1940-х годов по 1980-е годы изучение кыргызского языка развивалось усиленными темпами. Проведено теоретическое изучение и описание всех уровней языка, изданы учебники, проведены исследования в историческом и сопоставительном планах. Нужно отметить таких ученых, как С.Давлетов, С.Кудайбергенов, Ж.Мамытов, Б.Орузбаева, А.Иманов и др., которые внесли огромный вклад в создание учебников по кыргызскому языку, по которым в школах изучают особенности кыргызского языка и сегодня.

С 1992 года можно отметить современный этап кыргызского письма. На современном этапе происходят большие изменения в поисках целей и задач, снова переосматриваются страницы истории, и порой происходит интерпретация фактов и явлений, имевших место в истории. Требуется пересмотра история развития кыргызской письменности. Национальные интересы республик превыше всего.

В последние годы калмыцкий и кыргызский языки исследуются в иной парадигме современной научной лингвистики. Исследования проводятся по проблемам текста (герменевтики), коммуникативного синтаксиса, межкультурной коммуникации, культуре письменной и устной речи, особое внимание привлекает сопоставительное изучение с мировыми языками. Конечно же, внимание уделяется исследованиям калмыцкой и кыргызской письменности тех периодов, которые мало изучены. Необходимо отметить, что интеграция и интернационализация науки открывает широкие возможности совместного изучения родственных языков, объединяя ученых разных стран. Современные калмыцкие и кыргызские лингвисты начали исследование языка в новых направлениях, в частности, когнитивистики, используя современные методы изучения и исследования.

Появились первые совместные работы ученых по тюрко-монгольским типологическим исследованиям в области языка, фольклора и культуры, выполняются выпускные квалификационные работы, магистерские диссертации и совместные статьи студентов, обучающихся в тюркоязычных и монголоязычных регионах России и СНГ. Период поиска своей национальной идентичности в изолированных условиях развития тюрко-монгольских регионов завершается.

Таким образом, история становления калмыцкой и кыргызской письменности советского периода имеет много схожих черт, истоки которых уходят корнями в глубокую старину. В течение советского периода решались общие задачи по усвоению русского языка, ставшего для многих языком межнационального общения.

Однако смена общественно-политической формации и распад Советского Союза (1991 г.) способствовали появлению ряда суверенных государств с соответствующими атрибутами самостоятельности, к их числу относится Кыргызстан. Некоторые республики бывшего СССР используют латиницу. Типологические вопросы, связанные с переходом с традиционных письменных систем монгольских и тюркских языков на латиницу и кириллицу при унификации и удобстве использования, вновь становятся актуальными и востребованными. Данные исследования требуют совместной работы лингвистов и специалистов других смежных областей.

Список литературы

1. Аманжолов С. А. История и теория древнетюркского письма. – Алматы: ЗАО Издательство «Мектеп», 2003. – 366 с.
2. Батманов И. А. Краткое введение в изучение киргизского языка. – Фрунзе: Киргизгосиздат, 1947. – 113 с.
3. Баскаков Н. А. Тюркские языки. Акад. наук СССР. Ин-т языкознания. – Москва: Изд-во вост. лит., 1960. – 242 с.
4. Биткеев П. Ц. Калмыцкий язык за 400 лет. – Элиста: НПП «Джангар», 2009. – 191 с.
5. Калмыцко-русский словарь. / под ред. Б. Д. Муниева. – М.: Изд-во «Русский язык», 1977. – 768 с.
6. Лингвистический энциклопедический словарь. – М.: Сов. энцикл., 1990. – 682 с.
7. Малов С. Е. Енисейская письменность тюрков. Текст. Переводы. – М.; Ленинград: Изд-во Акад. наук СССР. 1952. – 116 с.

8. Мелиоранский П.М. Краткая грамматика казак-киргизского языка. – Санкт-Петербург: тип. Имп. Акад. Наук, 1894. – 74 с.
9. Номинханов Ц.Д. Материалы к изучению истории калмыцкого языка. Изд-во «Наука». Главная редакция восточной литературы. – М., 1975. – 325 с.
10. Номинханов Ц.Д. Очерки истории калмыцкой письменности. – М., 1976. – 140 с.
11. Осмонов О.Ж. История Кыргызстана (с древнейших времен до наших дней). – Бишкек, 2012. – 236 с.
12. Орузбаева Б.О. Кыргыз адабий тилинин жалпы негиздери жөнүндө. – Фрунзе: Мектеп, 1968. – 283 с.
13. Павлов Д.А. Современный калмыцкий язык. Фонетика и графика. – Элиста, Калмиздат, 1968. – 273 с.
14. Рассадин В.И. Монголоведные исследования: избранное / В.И. Рассадин; М-во образования и науки Российской Федерации, Федеральное гос. бюджетное образовательное учреждение высш. образования «Калмыцкий гос. ун-т им. Б.Б. Городовикова». – Элиста: Изд-во Калмыцкого ун-та, 2015. Ч. 3: Вопросы грамматики. 2018. – 98 с.
15. Сумарокова О.Л. Вклад Российской интеллигенции в научное изучение и развитие тюркских языков Туркестанского края (на материале киргизского языка) – Бишкек, 2015. – 110 с.
16. Юдахин К. Киргизско-русский словарь. – М. Изд-во: «Советская энциклопедия». 1965. К. 1 (А-К) 503 с., К. 2 (Л-Я). – 475 с.

УДК 81'27:811.512.37'373
ББК Ш100.3(2Рос.Калм)+Ш164.3-3

Н.Ч. Очирова, Ж.А. Мукабенова, Н.Н. Шаропова
Калмыцкий государственный университет имени Б.Б. Городовикова

ЛЕКСИКА, ОТРАЖАЮЩАЯ ТРАДИЦИОННУЮ ПИЩУ КАЛМЫКОВ (ЭТНОЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)

Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта РФФИ в рамках научного проекта № 19-012-00531_А «Лексика материальной культуры калмыцкого языка: опыт этнолингвистического исследования»

В настоящей статье рассматриваются особенности функционирования лексико-семантической группы «пища» в калмыцком языке, раскрывающие социальные и этнокультурные аспекты, связанные с повседневной хозяйственной деятельностью и традиционной культурой кочевого народа. Лексика традиционной системы питания калмыков как составляющая материальной культуры представляет собой весьма ценные сведения для этнолингвистических изысканий. Авторами выполняется ряд задач по определению культурных функций пласта лексики, отражающей ее пищевые предпочтения, и выявлению лексико-семантических связей с основными мотивами традиций калмыцкого народа.

Ключевые слова: *калмыки; материальная культура; этнолингвистический аспект; традиционная пища; лексико-семантическая группа.*

N.Ch. Ochirova, J.A. Mukabenova, N.N. Sharapova
Kalmyk State University named after B.B. Gorodovikov

WORDS DENOTING TRADITIONAL KALMYK FOOD (ETHNIC AND LINGUISTIC ASPECTS)

The article examines the functions of lexical-semantic group of 'food' in the Kalmyk language. The authors investigate social and ethno cultural aspects of this group in relation to household activity and traditional culture of nomadic people. Words denoting traditional system of food supply constitute a valuable source for various ethnic and linguistic investigations. The authors determine cultural functions of this layer of lexicon and semantic connections with Kalmyk traditions.

Key words: *Kalmyk people, material culture, ethnic and linguistic aspects, traditional food, semantic group*

Калмыки, территориально располагающиеся на юго-востоке европейской части России, являются потомками ойратов – группы монгольских народов, исповедующих буддизм и представляющих древнюю кочевую цивилизацию. Лексическая система языка впитывает в себя сведения этнических ценностей и как следствие становится отражением преемственности поколений, передачи исторического опыта народа и его генетической памяти.

Актуальность исследования подтверждается значительным количеством научных работ, посвященных рассматриваемой проблематике, и тем, что на сегодняшний день остается ряд еще нерешенных задач, касающихся этнолингвистической интерпретации пласта лексики материальной культуры, занимающей особое место в словарном составе калмыцкого языка. В научный оборот вводится новый материал, содержащийся в некоторых лексикографических, литературных и фольклорных источниках.

Цель работы заключается в этнолингвистическом описании и систематизации лексики, отражающей традиционную пищу калмыков, и предполагает решение следующих задач: 1) произвести тематическую классификацию лексики в соответствии с экстралингвистическими особенностями; 2) дать этнолингвистическую характеристику лексико-семантической группы слов, интерпретируя ее смысловые компоненты.

Источником исследования стал материал, основанный на лексикографических источниках [5, 9, 12, 13], литературных и фольклорных эпических произведениях [1, 2, 7]. Основой исследования послужили общеметодические принципы взаимосвязи языка, истории и культуры народа. При изучении рассматриваемой лексики применяются сравнительно-исторический, этнолингвистический, описательный методы, а также метод компонентного анализа, включающий приемы обобщения и классификации.

Предпосылки возникновения и постановки проблематики постулировались в трудах исследователей, внесших значительный вклад в развитие отечественной этнолингвистики XIX-XX вв. (А. Шахматов, С.Ф. Карский, Ф.И. Буслаев, А.А. Потебня, Д.К. Зеленин, О.Н. Трубачев, Н.И. Толстой, Н.П. Гринкова, Б.А. Ларин, Н.С. Трубецкой, В.М. Жирмунский и др.). Акад. Н.И. Толстой при определении этнолингвистики как самостоятельной научной дисциплины ориентирует на рассмотрение соотношения и связи языка и духовной культуры, языка и народного менталитета, языка и народного творчества, их взаимозависимости и разных видов их корреспонденции [14, с. 27].

При рассмотрении историографии вопроса, следует отметить, что первые упоминания и описания некоторых характерных особенностей традиционной пищи монгольских народов обнаруживаются в путевых заметках путешественников XIII-XVII вв. (Д.П. Карпини, И.-Г. Корб, И.Шницер, Д.Белл); в трудах ученых XVIII в. (И.И. Лепехин, П.С. Паллас, И.Г. Георги); в XIX в. более подробно освещаются в исследованиях ученых-этнографов и историков (Н.И. Страхов, Н.А. Нефедьев, Ф.А. Бюллер, П.И. Небольсин, И.А. Житецкий и др.). В конце XX в. в историко-этнографическом освещении рассматривается в работах Е.А. Пахутова [11], У.Э. Эрдниева [15] и др.

В современном калмыцком языкознании данный вопрос освещен в различных областях лингвистического знания: истории и семиотики этнолингвокультурологии (Г.Ц. Пюрбеев, М.У. Монраев, В.И. Рассадин, С.М. Трофимова, Г.М. Боваева и др.), этноглуттонологии (А.В. Олянич, Т.И. Шараева и др.), аксиологической лингвистики (Т.С. Есенова, Б.Б. Оконов, Е.Э. Хабунова, Т.Г. Борджанова, Э.П. Бакаева, В.В. Батыров, С.В. Болдырева, П.Э. Алексеева, С.Э. Ользеева и др.).

Лексико-семантическая группа (ЛСГ) является одним из видов объединений слов, которая стала наиболее продуктивным способом описания и презентации лексики [8, с.13]. В отечественной лингвистике данное понятие впервые было введено акад. В.В. Виноградовым [6, с. 163].

Учитывая простоту и неприхотливость жизненного уклада степняков-калмыков, можно предположить, что сложились определенные смысловые кластеры вокруг ЛСГ «пища». Основная (центральная) ЛСГ «пища» в калмыцком языке представлена следующими подгруппами: 1) наименования пищи (общее понятие); 2) наименования молочной пищи; 3) наименования мясной пищи; 4) наименования мучной пищи; 5) наименования напитков; 6) наименования ритуальной пищи.

В лексикографическом пространстве среди множества смысловых кластеров содержатся наименования, обозначающие как видовые, так и родовые наименования традиционной пищи ойрат-калмыков, которые представлены следующим синонимическим рядом: *хот, хот-хол, иди, иди-ууш, өлг, идэн, ундн, идг, тежэл, тежэлһн* и т.д.

1. Наименования пищи (общее понятие):

хот – идх, уух юмн, тежэл – пища, еда, кушанье; шимтэ хот питательная, *калорийная пища*; *хото* – пища, еда [5, с. 378]. *Хотын сээг күүнд өг, хувцна сээг эврэн өмс.* (Лучшей пищей угости людей, лучшую одежду надевай сам.) [11, с. 109]. *Эмнэ мөриг нег харар хот өгч ижлдүлсн деер гижэ, Долан сансмин* (Долан подумал, что дикого коня лучше всего приучать, если кормить с одной руки) [2, с. 439];

хот-хол – *идх-уухин тоот, күмсн; эдл-ууш* – продукты питания, провизия, продовольствие; *хот-хоолар тетклин* – снабжение, обеспечение продуктами питания; *хот-хол өглин* – кормление [11, с. 109]. *Тендэс ирчкэд, фермин хардач Тарасовиг, хойр бригадирэн конторурн дуудулад, малд хот-хоолын то-диг кецхэв.* (Вернувшись оттуда, вызвав в контору председателя фермы Тарасова и двух бригадиров, стали подсчитывать расход корма животных) [1, с. 11];

идэн – *идх, уух юмн, хот-хол, күмсн* – еда, кушанье, пища, напиток, продовольствие, продукты; *идээн* – кушанье, пища, еда; *идээ зооглх* – вкушать [5, с. 264]; *цаһан идэн* – молочная пища, молочные продукты (*букв.* белая пища) [11, с. 106]; *Арвин тавни сар мет дүңгэхэд, / Дөрвлэжн ширэ деернэ харад суув, / Мендинь сурад, идэн-ундынь эдлв.* (Проплыл, словно полная луна / Взгромоздившись, уселся на четырехугольный [столик], / Спросив о здоровье, стал вкушать пищу) [6, с. 17];

идээ-хоол – пища [5, с. 264];

ундн – *уудг шицгн юмн, шүүсн* – питье, напиток; *серуцлгч ундн* прохладительные напитки; *Уудг ундан хастн, унтдг нөөрэн ахрлтн.* (Не увлекайтесь спиртными напитками, не предавайтесь сну.) [12, с. 109]; *Эврэ бийдтн ундн болгсн / Киитн булгин уснтн – / Нүднэсм харгсн нульмсм билэ.* (Для вас самих, ставшая питьем / Холодная родниковая вода / Была слезами из моих глаз) [6, с. 55];

өлг – пропитание, продовольствие, пища, корм; *Күлг мөрндтн өлг болгсн / Көк девэн өвснтн – / Тевгинм шалв билэ.* (Ставшая пропитанием для вашего боевого коня / Зеленая луговая трава / Была завитками моей косы.) [6, с. 55];

тежэл – питание, пища, корм [7, с. 263]. *Жил ирвэс сэн болх гихэд күлэцхэсн бийнэ, далаһар өөдлсн бээдл хархи. Малдчн үвлд күрдг хот уга, эмтнчн шин урһц хартл иддг тежэл уга» – гижэ Матрена Семеновна колхозин конторт күрэд ирв.* («Хотя и ожидали с каждым годом улучшений, но продвинулись не намного. Как для скота не хватает кормов на зиму, так и для людей нет пропитания до появления нового урожая» – сказала Матрена Семеновна и подошла к колхозной конторе) [1, с. 50];

тежэлһн – кормление скота; пропитание; содержание (кого-либо на иждивении); *тежэлтэ күн* – состоятельный человек; имеющий корм [7, с. 263]. *Би, танла эдл, залуһин зөөр секэд суушгов. Эврэннь күч – көлсэрн гесан тежэлхэ болх! – гихэд, хартан бээсн мишгтэ өвсөн тэвлго бийүрн татлдв.* («Я не стану, как вы, раскрывать богатство своего мужа. Хватит и того, что своим трудом зарабатываем на пропитание!» – сказав, потянула к себе, зажатый в руках мешок сена) [1, с. 22];

тежэмл – вскормленный (о домашнем животном); находящийся на искусственном вскармливании ребенок; *тежэсн күн* – кормилица [7, с. 263];

иди-ууш – *идх, уух юмн, эдлх хот-хоолын зүүл* – продукты питания, продовольствие [12, с. 106]; зимний запас продовольствия, заготовленная провизия [13, с. 269];

эдл-ууш – продукты питания, продовольствие. *Хөөнэс авсн эдл-уушарн тана колхоз районд биш, нам крайд нүүрлгч орм эзлэжэнэ. Дакад усн ниднэжэсн хойр холван немгдөв гижэ намаг келхлэ, Константин Иванович икэр байрлв.* (Занимаем первое место по заготовке продовольствия с овцеводства не только у вас в колхозе, районе, но и в крае. Константин Иванович очень обрадовался, когда я сказал, что объем производства молока увеличился вдвое по сравнению с прошлым годом) [2, с. 214];

иди – үүлдэн идх гihэд хурасн күмсн, хот-хоолын көрң – продовольственный запас на зиму, заготовленная впрок провизия [12, с. 106]; подножный корм, трава (для скота). *Дакад, цасн хээлвчн, эцсн-турңха харсн мал шишрэн бальгас татж бальгет идишлж чадиго...* (Даже если и дальше снег будет таять, исхудавший-изможденный после зимовки скот не сможет вытащить копыта из вязкой грязи и прокормиться на пастбищах...) [1, с. 11];

идг – подножный корм, трава (для скота). *Кесг нүл уга күүнэ гмңд күрсн тана көвүн Така урядник эс билү? Хазг нер зүүхлэ, цаһан хан хальмгудт һазр, малын идг, мал-гер болн сулдхвр өгх гиж, та көвүтэһэн хоюрн нег дууһар эс хээкрдг билтэ?* (Сгубивший не одну безвинную душу, ваш сын Така разве не был урядником? Разве не вы с сыном в один голос кричали, что если получить казачий чин, то белый царь даст калмыкам землю для пастбищ, дом и вольную?) [2, с. 425].

Огромное значение в питании калмыков занимают молочные продукты. Специфика этнической гастрономической системы калмыцкого языка представлена специальной парадигмой глоттонических знаков сферы «молочные продукты», являющейся одной из основных номинаций в этнической культуре народа [4, с. 12]. Спецификация данной номинации зависит от подвида домашних животных: *үкрэ үсн* – коровье молоко, *гүүнэ үсн* – кобылье молоко и т.д. Основную часть молочных продуктов производили из коровьего молока. Как известно, испокон веков даже самые бедные калмыцкие семьи старались завести корову, т.к. из молока готовилось множество сытных и разнообразных блюд. Скотоводческая деятельность была для калмыков единственным рентабельным и полностью самообеспечивающим типом производящего хозяйства, которое обеспечивало различными ресурсами: молочной и мясной пищей, топливом, шерстью для войлоков, волосяными веревками для установок жилища, шкурой для одежды, кожей для обуви, домашней утвари, ремней, уздечек и т.д. [4, с. 71]. Недаром в народе бытует поговорка: «*Мал бэрсн күүнэ амн тоста*» – «У человека, который держит скот, – рот в масле».

2. Наименования молочной пищи: *үсн* – молоко; *тосн* – масло; *аадмг* – 1. кислая молочная масса (полученная при процеживании бозо после перегонки молочной водки); 2. молочное блюдо из творога, разведенного в теплом молоке; *аармг* – творожная накипь, образующаяся на стенках большого котла при перегонке молочной водки (обычно едят дети); *аарц* – творог (получаемый заквашиванием свежего молока); *боз* – бозо, густая творожная масса (гуща), остающаяся после перегонки молочной водки в виде накипи на стенках большого котла; *өрм* – 1. пенка на поверхности остывшего молока, сливки; 2. сметана; *тарг* – разновидность простокваши; *хуурсн* – высушенные лепешки из творога; *шарвадг* – бозо, разведенное кипяченым горячим или холодным молоком; *шармг* – бозо, разведенное свежим молоком; *шар тосн* – топленое масло; *шатрмг* – горячее блюдо из бозо с молоком; *шүүрмг* – сушеный творог; *ээдмг* – национальное блюдо, готовится смешиванием бозо с теплым молоком; *ээдрсн үсн* – простокваша (*букв.* прокисшее молоко) и др.

Доминирующее гастрономическое предпочтение мясной пищи у калмыков заложено на генетическом уровне и детерминировано их историческими корнями. На протяжении многих веков для калмыков мерилом ценности, обозначающим успешность и богатство, являлся скот. В калмыцкой лингвокультуре отмечаются спецификации данной номинации в зависимости от подвида домашних животных: *үкрэ махн* – говядина, *туһлын махн* – телятина; *хөөнэ махн* – баранина и т.д. [4, с.18]. Мясные блюда готовились только по большим праздникам, таким как *Цаһан сар* (Белый месяц – праздник весны), *Үр сар* (священный буддийский праздник – торжество по случаю перехода с весенних

пастбищ на летние, увеличения стад, обеспечения богатства и благополучия.), а также торжествах и церемониях по случаю рождения ребенка, свадеб и похорон и т.д. [10]. Кроме того, в народе большой популярностью пользовались блюда из субпродуктов (*дотур, толһа-шиир*).

3. Наименования мясной пищи: *шөлн* – мясной бульон; *шарсн махн* – жареное мясо; *бор махн* – мясо без жира и костей; *бүкләр чансн махн* – вареное мясо (сваренное большими кусками); *һадр махн* – части, относящиеся к мясной туше; *көл махн* – ножка мяса; *хавста махн* – реберная часть туши; *чимгнә махн* – мясо на трубчатых костях; *һуйрдсн махн* – отварное мясо с кусочками теста; *бөөрг* – береги, род мясных пельменей; *борц (борцлсн) махн* – борцо, т.е. вяленое мясо, тонко нарезанное и высушенное на свежем воздухе; *давслсн керсн* – засоленная грудинка; *күр* – мясо в собственном соку, готовится на жару без пламени; *сер күзүнә махн* – мясо из хребтовой части туши; *ууцын махн* – мясо задней части туши; *хавста, далын, чимгнә махн* – мясо из реберной, лопаточной, тазобедренной частей; *бөөрг* – разновидность пельменей, начиненных мелко порезанным мясом; *түнтг* – разновидность пельменей, начиненных курдючным (из хвостовой части мяса овцы) салом; *хорһн, хәәлсн өөкн* – топленый жир; *дотр өөкн* – внутренний жир; *эрг, семжн* – брюшной жир; *дотр* – национальное блюдо из овечьих, говяжьих внутренностей; *һуһлур* – разновидность колбасы; *гесн* – тонкие кишки; *гүзән* – брюшина; *хот* – желудок; *элкн* – печень, *оошк* – легкие; *толһа-шиир* – голова, ножки; *толһа-шиирәр болһсн чичрдг* – холодец, приготовленный из мяса головы и голени коровы; *цусн (хотта цусн)* – кровяная колбаса; *шуурмг* – шкварки, выжарки и др.

Следующую ЛСГ представляют лексемы, связанные с номинацией «пища», приготовленной из муки. В связи с тем, что раньше у калмыков земледелие не было развито, мучная пища является не самой распространенной группой слов в калмыцком языке. Основной причиной употребления мучных и крупяных блюд в рационе калмыков стали процессы разорения скотоводов, развитие охотничьих промыслов и переселенческое движение. При этом калмыки видоизменяли эти блюда, привнося в них новые ингредиенты и способы приготовления [3, с. 74].

4. Наименования мучной пищи: *булсн һуйр* – пресная лепешка, запеченная в золе; *һуйр* – мука, кусочки вареного теста, домашняя лапша; *боорцг* – разные по форме изделия из теста, которые жарятся в кипящем масле или жире; *будан* – затируха, мучной суп; *булмг* – саламата, блюдо, приготовленное из муки, смешанной с маслом, топленым жиром; *хәәлми* – холодное сладкое лакомство, которое готовилось как булмаг, но с добавлением сахара и разливалось по формочкам для застывания); *бурум* – медовые леденцы (из смеси пшеничной муки и меда); *хамхт-боорцг* – оладьи (тесто разводили на молоке и жарили на бараньем жире); *хаи* – каша и др.

Приготовление традиционных калмыцких напитков также уходит своими корнями в старину. Основу всех без исключения национальных напитков составляет молоко. Наиболее распространенным напитком у калмыков являлся молочный чай, который имел несколько разновидностей приготовления. Калмыцкий молочный чай является неотъемлемой частью жизни калмыков, он и в настоящее время является основным напитком, ежедневно употребляемым в пищу.

5. Наименования напитков: *хальмг цә* – калмыцкий чай; *агта хальмг цә* – наваристый, крепкий калмыцкий чай; *жомба* – густо сваренный калмыцкий чай, который состоит из следующих ингредиентов (молоко или сливки, масло, соль, мускатный орех и другие специи); *хуурсн цә* – чай с поджаренной на масле мукой; *хальмг әрк, чаһр* – арака, молочная водка; *арз* – крепкая молочная водка двойной перегонки; *хорз* – хорзо, очень крепкая молочная водка тройной перегонки; *әәрг* – айран, кумыс (напиток из

квашеного кобыльего или коровьего молока); *чигэн* – кисломолочный напиток, кумыс или айран из кобыльего, коровьего, верблюжьего молока; *ходрң чигэн* – очень кислый кумыс; *чиидмг* – напиток из кумыса, разбавленный холодным молоком или водой; *шарз* – молочная водка четырехкратной перегонки и др.

В культуре калмыцкого народа пища выполняет как основные, так и социальные, так называемые обрядовые, ритуальные функции. Так, все молочные продукты, как и само молоко, имели общее наименование – *цаһан идэн*. Для калмыков это священная пища, которая использовалась при проведении различных обрядов и ритуалов жизненного цикла. Приготовление мясных блюд также сопровождалось определенными обычаями, например, для подношений божествам и т.д., и носило ритуально-сакральный характер.

6. Наименования ритуальной пищи: *бүкл хөөнэ махн* – мясо целого барана, баранья туша; *цаһан идэн* – молочная пища, молочные продукты (*букв.* белая пища); *хөөнэ толһа* – баранья голова; *толһа-шиир* – голова и голень и др.

Таким образом, наиболее продуктивными способами образования лексем, имен существительных ЛСГ «пища» являются лексико-синтаксический и морфологический. Большинство лексических единиц образованы с помощью словообразовательных аффиксов существительных *-мг* (*ээдмг, шармг, шүүрмг, булмг, чиидмг* и др.), *-дг* (*чичрдг, шарвадг* и др.), *-г* (*түнтг, бөөрг, тарг, боорцг* и др.). Составные наименования, в основном, двусложные построены по модели причастие + существительное и образуются с помощью суффикса *-сн* причастия прошедшего времени: *ээдрх* (скинуть, прокинуть) – *ээдрсн үсн* (прокишее молоко, простокваша), *давслх* (солить) – *давслсн махн* (засоленное мясо), *борцлх* (вялить) – *борцлсн махн* (вяленое мясо) и т.д.

Следует отметить, что среди ЛСГ «пища» самой многочисленной представляются «Наименования молочной пищи» и «Наименования мясной пищи», в которых наблюдается процесс перехода слов из активного в пассивный запас, что объясняется современными экстралингвистическими факторами. Приведенные выше лексемы, отражающие традиционное питание калмыков, в полной мере раскрывают социальные и этнокультурные аспекты, связанные с повседневной хозяйственной деятельностью и культурой кочевого народа, а также выполняют различные обрядовые функции, являющиеся одним из древнейших компонентов материальной культуры этноса.

Список литературы

1. Бадмин А. Алтн шорад даргддо. Роман. – Элст: Хальмг дегтр һарһач, 1990. – 326 х.
2. Бадмин А. Зултрһн – теегин ноһан. Роман. – Элст: Хальмг дегтр һарһач, 1976. 478 х.
3. Батыров В.В. Растительная пища в рационе калмыков в XIX в. // Вестник КИГИ РАН. – Элиста, 2009. № 2. – С. 73-75.
4. Боваева Г.М. Лингвокультурная специфика этнических пищевых предпочтений (на материале глоттонических номинаций калмыцко-, русско- и немецкоязычных этносов). Автореф. дисс. к. филол. н. – Казань, 2012. – С 22.
5. Большой академический монгольско-русский словарь. Монгол орос дэлгэрэнгүй их толь: Под общ. ред. А. Лувсандэндэва и Ц. Цэдэндамба. В 4-х т. – М: АCADEMIA. 2001-2002. – 830 с.
6. Виноградов В.В. Лексикология и лексикография: Избр. тр. – М.: Наука, 1977. – 310 с.
7. Джангар. Малодербетская версия. Сводный текст, перевод, вступит. ст. А.Ш. Кичикова. – Элиста: КалмГУ, 1999. – 272 с.
8. Илюкина Л.В. Наименования кушаний и напитков в южных (сараевских) говорах рязанской области. Автореф. дисс. к. филол. н. Рязань, 2017. – С 21.

9. Калмыцко-русский словарь под ред. Б.Д. Муниева. – М.: Русский язык, 1977. – 764 с.
10. Ользеева С.З. Калмыцкие народные традиции (на калм. и рус. языках). – Элиста: ЗАОр «НПП «Джангар», 2007. – 480 с.
11. Пахутов А.Е. Традиционная пища монгольских народов как историко-этнографический источник. Автореф. дис. к. филол. н. – М. 1979. – 24 с.
12. Пюрбеев Г.Ц. Толковый словарь традиционного быта калмыков. – Элиста: Калм. кн. изд-во, 1996. – 175 с.
13. Тодаева Б.Х. Словарь языка ойратов Синьцзяна (по версиям песни «Джангара» и полевым записям автора). – Элиста: Калм. кн. изд-во, 2001. – 494 с.
14. Толстой Н.И. Язык и народная культура // Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике. – М., 1995. – С. 27-40.
15. Эрдниев У.Э. Калмыки. Историко-этнографические очерки. – Элиста: Калм. кн. изд-во, 1970. – 304 с.

УДК 811.512.37'36+811.161.1'36+811.111'6
ББК 81

Л.Б. Шанаева

Калмыцкий государственный университет им. Б.Б. Городовикова

СРЕДСТВА ВОЗДЕЙСТВИЯ В ПОЛИТИЧЕСКОМ ТЕКСТЕ (КАЛМЫЦКО-РУССКО-АНГЛИЙСКИЕ ЭКВИВАЛЕНТЫ)

В данной статье рассмотрено употребление таких выразительных средств, как повтор и парентетические вношения, в политических текстах. Эти средства служат для выражения основной и вспомогательной информации, а также выполняют функцию воздействия.

***Ключевые слова:** политический текст, повторы, парентетические вношения, основная информация, вспомогательная информация, функция воздействия.*

L.B. Shanaeva

Kalmyk State University named after B.B. Gorodovikov

SOME MEANS OF INFLUENCE USED IN POLITICAL TEXTS (KALMYK-RUSSIAN-ENGLISH EQUIVALENTS)

The article analyzes effective use of figurative language like repetition and parenthetical phrases in political texts. These means of expression are used to provide key and additional information. One of their functions is to influence public opinion.

***Key words:** political text, repetition, parenthetical phrases, key information, additional information, function of influence.*

Политическая сфера имеет особенное значение и влияние в жизни любого общества. Тексты, функционирующие в данной сфере, являются сложным и многогранным объектом исследования. Политический текст характеризуется тем, что имеет множественного адресата.

Темой политических текстов могут быть вопросы устройства государства, общества, различных взаимоотношений личности и государства, государств между собой и др.

В первую очередь, необходимо отметить такие особенности политических текстов, как пропаганда различных идей, эмоциональное воздействие на граждан, принятие и обоснование определенных социально-политических решений.

Интерес исследователей представляет политический текст, прежде всего, как текст, который обладает определенной тематикой, отражает различные политические вопросы и взгляды; как текст, который имеет множество авторов и множественного адресата; как текст, который воздействует на адресата с определенной целью.

Ученых-лингвистов интересует политический текст с точки зрения воздействия на адресата, особенностей создания политических текстов, переводов общественно-политических текстов, ориентированных на популяризацию и пропаганду определенного мнения.

В данной статье нами рассмотрены некоторые средства актуализации воздействия с позиции логико-грамматического аспекта. Выявлены и проанализированы повторы и парентетические вношения в политическом тексте.

Материалом исследования послужили тексты съездов КПСС. Несмотря на изменившиеся политические условия в России, считаем данные примеры актуальными для изучения, так как они представляют собой подготовленные, нормированные тексты.

Повтор представляет такую стилистическую фигуру, которая проявляется в намеренном повторении одного и того же слова или конструкции. Как правило, повтор в тексте используется для придания экспрессивности, что в политическом тексте является одним из средств воздействия на адресата речи.

Определение парентетических внесений не однозначно. Многие исследователи к таким внесениям относят вводные и вставные элементы. При этом основным критерием для определения таких внесений является понятие вводности.

Исследование политических текстов, представленных материалами съездов КПСС, является, на наш взгляд, важным в аспекте учета его роли в процессе развития национальных языков. В частности, для текстов на калмыцком языке характерно расширение социальных функций и выделение функционального стиля публицистической речи, жанровой разновидностью которого являются общественно-политические тексты.

Проанализированные тексты имеют функционально-стилистические особенности: в них наблюдается разграничение предложений с функцией сообщения и предложений с функцией воздействия.

В первой группе представлены максимально актуализированные элементы сообщения, а во второй группе – максимально актуализированные элементы воздействия. Такое разграничение следует считать условным, так как каждое предложение в анализируемых материалах съездов имеет целью не только сообщение, но и воздействие.

При проведении исследования мы обратились к трудам по теории логико-грамматического (актуального) членения предложения В.З. Панфилова [4] и по билингвистической схеме А.Л. Пумпянского [5].

Согласившись с утверждением В.З. Панфилова о том, что предложения разных языков, выражающих одну и ту же мысль (передающие одну и ту же информацию), на логико-грамматическом (актуальном) уровне имеют одну и ту же структуру, считаем его основополагающим для билингвистического исследования порядка слов и в политических текстах на калмыцком языке.

Согласно теории логико-грамматического членения предложения (высказывания), выделены два уровня членения соответственно двум уровням выражаемой в предложении мысли (суждения) – синтаксический, коррелирующий со структурой суждения как пропозициональной функции, и логико-грамматический, соответствующий его субъектно-предикатной структуре. Эти два вида членения предложения, в первую очередь, отражают разные стороны единого процесса и, взаимопроникая, не существуют друг без друга. Логико-грамматическое (актуальное) членение предложения можно исследовать не только на речевом, но и на языковом уровне, без учета смыслового содержания конкретного предложения, в так называемом «снятом» виде [4, с.12].

По мнению А.Л.Пумпянского, в рамках проведенного им билингвистического исследования, в русской письменной речи соблюдается «линейное» распределение информации: ВИ-ОИ. Вспомогательная информация (ВИ) – логико-грамматический субъект сосредоточен во всех грамматических элементах, расположенных в начале предложения до сказуемого, а основная информация (логико-грамматический предикат) – в конце. Члены предложения, несущие основную информацию (ОИ), называются «сильными», несущие вспомогательную информацию (ВИ), – «слабыми». Носителями основной информации в предложении являются: сильное сказуемое, сильное подлежащее, сильное дополнение, сильное обстоятельство. Носителями вспомогательной информации являются: слабое подлежащее, слабое дополнение, слабое обстоятельство. Установлено, что в аналитических языках ВИ могут быть расположены не только «линейно», но и «антилинейно». [5, с. 99].

Мнение о том, что предложения в разных языках, выражающие одну и ту же мысль, должны иметь одну и ту же структуру, высказано А.Л. Пумпянским в билингвистической схеме порядка слов. Это положение легло в основу многих исследований при описании англо-русских эквивалентов научной и технической мысли (см. авторефераты диссертаций А.П. Тихоновой, Е.Е. Котляр, Т.А. Хлабутиной, Р.Н. Сукач, Л.Н. Кучеровой).

В данных исследованиях выявлены и подробно проанализированы закономерности оформления основной и вспомогательной информации с учетом билингвистического закона «третьего порядка слов» [4]. Что, в свою очередь, позволило дать новую трактовку информационной роли порядка слов не только «линейного» (тема-рема) распределения информации, но и «синусоидального» (неплавного, тема-рема, рема-тема и т.д.) принципа распределения информации при объективном (не эмоциональном) порядке слов.

Использование билингвистического закона А.Л. Пумпянского доказало, что во многих языках наличествует «сильное» (рематическое) препозитивное подлежащее. Этот закон получил широкое признание в трудах отечественных и зарубежных лингвистов (Olesen, 1977; Чесноков, 1978; Мельников 1980; Федоров, 1980; Шевякова, 1980; Блиндус, 1983 и др.).

Билингвистическая схема языковых логико-грамматических формул английских и русских предложений А.Л. Пумпянского в научной и технической литературе нашла отражение во многих билингвистических исследованиях коммуникативной функции порядка слов в разных языках и в разных функциональных стилях.

Речевой уровень логико-грамматического членения предложения проявляется в зависимости от коммуникативной установки говорящего, его языковой уровень состоит в абстрагировании от лексических различий конкретных высказываний и выявлении типизированных моделей (схем) как образцов (алгоритмов) логико-грамматического членения.

А.Л. Пумпянский считает, что каждая языковая логико-грамматическая модель представлена в виде схемы, по которой происходит распределение вспомогательной и основной информации между элементами предложения (высказывания). Установлено, что в научной и технической литературе глагол редко выступает в роли сильного сказуемого. Обычно он семантически ослаблен и приближается к копуле. Тем не менее, являясь неотъемлемым синтаксическим организатором предложения, он входит в состав именного сказуемого и образует предикатные комплексы с «сильными»: дополнением, обстоятельством, постпозитивным и препозитивным подлежащим [5, с. 85].

Проблема логико-грамматического (актуального) членения предложения в калмыцком языке затрагивалась в работах следующих ученых: Г.Ц. Пюрбеева, М.Н. Орловской, З.В. Шеверниной.

В нашем исследовании использованы материалы 25, 26 и 27 съездов КПСС на английском, русском и калмыцком языках. Несмотря на изменившиеся политические реалии, материалы съездов КПСС, на наш взгляд, являются образцом письменной речи и характеризуются формально-логическим (коллективным) способом изложения, специфическим для книжной речи. Присутствие получателя речи в момент их устного воспроизведения на съездах предполагает наличие в них языковых средств, направленных на установление контакта, или средств, характерных для устно-разговорного типа речи. В связи с этим установлено, что состав языковых средств материалов съездов, с одной стороны, должен отражать стилевую принадлежность к книжно-письменным текстам, с другой стороны, – к устно-разговорной форме речи, следовательно, эти тексты

должны удовлетворять требованиям, предъявляемым к звучащей адресованной речи, особенно в той ситуации, когда отправитель стремится использовать возможности наличия непосредственного контакта с получателями речи.

Таким образом, можно выделить три фактора, влияющих на отбор языковых средств в текстах материалов съездов: форма речи – устная; условия общения – публичность, адресованность, непосредственность общения, содержание речи – соотнесенность с письменным способом изложения.

В нашем исследовании мы стремимся доказать возможность применения билингвистического метода в рамках теории логико-грамматического членения предложения в политических текстах при сопоставительном изучении языков различного строя, каковыми являются русский, английский и калмыцкий языки.

Актуализация функции воздействия в текстах материалов съездов обуславливает наличие средств адресованности, лексических и лексико-синтаксических средств. Совокупность этих средств вызывает перемещение информационно значимых элементов в начальную позицию в соответствии с нормами устной речи в исходных русских высказываниях.

Функциональные характеристики текстов материалов съездов (функция сообщения и функция воздействия) обуславливают такую их особенность, как обязательное наличие признака экспрессивности для выражения особого коммуникативного задания – воздействия на слушателя и использования непосредственного контакта, существующего между отправителем и адресатом сообщения.

Вместе с тем язык материалов съездов представляет собой не индивидуализированную манеру изложения, свойственную многим публицистическим текстам, а формально-логический (коллективный) способ изложения. В связи с этим экспрессивность материалов съездов приобретает «интеллектуальный» характер, т.е. предельная четкость и ясность выражения политической мысли в сочетании со средствами экспрессивности как бы пропускается через «призму» формально-логического (коллективного) способа изложения, способствуя изменению характера экспрессивности и шлифовке ее средств [6].

Информационная значимость членов предложения в калмыцком языке определяется с помощью билингвистического метода, который предполагает два этапа анализа предложений. Вначале выявляется логико-грамматическое членение предложения в русском языке, элементы вспомогательной и основной информации маркируются по билингвистической схеме. Затем логико-грамматическая структура русского предложения как бы «накладывается» на эквивалентные предложения в калмыцком и английском языках и выявляется их логико-грамматическое членение. На третьем этапе сопоставляются выявленные логико-грамматические структуры.

Рассмотрим такие лексико-синтаксические средства экспрессивности, как повтор слов, словосочетаний и парентетические внесения, в калмыцком языке и их эквиваленты в русском и английском языках.

Зөв (ОИ) – ташр ик зөв һардачнрт өгднэ (ОИ); терүг тедр күццднь олзлх зөвтэ (ОИ) (М., 26:55).

Права – права большие (ОИ) – даются руководителям для того, чтобы они в полной мере использовали их (ВИ) (М., 26:50).

Powers (ОИ) – and big powers at that are vested (ОИ) – and big powers at that are vested (ОИ) in leaders so – that they could make (ОИ) full use of them (ОИ) (М, 26:65).

Повтор в сочетании с позиционным перемещением в начальную позицию является своеобразным «акцентуатором» и вызывает перераспределение информации. В данном предложении повтор слабого подлежащего с целью усиления его выразительности,

увеличения воздействующей силы вызывает перераспределение информации, в результате которого оно становится сильным в начале русского исходного высказывания в соответствии с нормами устной речи, в отличие от письменной речи, где подлежащее всегда является информационно слабым:

Иим хэрлцэгэн (ОИ) мана олна кергин төлэ (ОИ) – эвин болн социализмин төлэ бидн цааранднь чигн батлхвдн (М., 26:21). (ОИ)

Мы будем и впредь крепить эти отношения во имя нашего общего дела (ОИ) – дела мира и социализма (М., 26:25).

And we will continue to strengthen these relations (ОИ) in the name of our common cause (ОИ). – the cause of cause of peace and socialism (М., 26:25).

Данный пример свидетельствует о многокомпонентности основной информации, когда в ее состав входят и сильное обстоятельство, и сильное дополнение.

Парентетические внесения, или вводные и вставные конструкции, широко используются в письменной речи и оказывают важное влияние на информативность высказываний. Экспрессивный характер парентетических внесений служит при реализации функции воздействия, усиливает выразительность текстов материалов съездов. Как справедливо отмечает О.В. Александрова, парентетические внесения как бы «нарушают» стройность, плавность нормального ритма речи, «разрушают» синтаксические связи [17, с. 30]. С точки зрения строения подобные внесения делятся на однословные, внесения – сочетания слов, внесения – предложения. В результате анализ состава, содержания и синтаксических функций парентезы выражает категории отсылки, экземплификации, делиберации связи [17, с. 32-34], установления контакта с аудиторией, уточнения. Выделенные выше категории парентетических внесений тесно связаны с категорией модальности, поскольку их основная функция связана с оценкой говорящего содержания высказывания и выражением содержания высказывания к действительности [17, с. 36].

Однако парентетические внесения, или «слова, вводящие логический контекст», проявляют многозначность в том плане, что если их употребление в предложениях с функцией сообщения отражает ход логических рассуждений, то в предложениях с функцией воздействия парентезы имеют эмоциональную окраску, а в письменной речи служат своеобразными «акцентуаторами» и могут быть обозначены как «слова, вводящие эмфатический контекст».

Проведенный анализ логико-грамматической структуры высказываний с парентетическими внесениями свидетельствует о том, что они чаще всего входят в состав вспомогательной информации.

Ондин мет (ВИ), эн туст (ВИ) харслтын министрмудин комитет сэн кәдлмш кев (ОИ) (М., 26:9).

И тут, как всегда, хорошую работу проделал Комитет министров обороны (ОИ) (М., 26:6).

Here, as always (ВИ) good work was done by the Committee of Defence Ministers (ОИ) (М., 26:10).

В данном высказывании использовано парентетическое внесение категории отсылки с целью опоры на знания читателей. Ондин мет – в калмыцком, как всегда – в русском, as always – в английском входят в состав вспомогательной информации, поскольку основную информацию несет комплекс «ослабленное сказуемое + сильное подлежащее» в русском высказывании, «ослабленное сказуемое + предложное дополнение» – в английском и «сильное подлежащее + ослабленное сказуемое» – в калмыцком. Передача сильного подлежащего в русском высказывании сильным дополнением в английском говорит об их омосемичности.

Категория экземплификации включает слова и синтаксические конструкции, с помощью которых вводятся примеры, поясняющие ранее сказанное:

«Делгрлт авшго» гисн американск цээлврэр болхла (ВИ), ядерн дэн (ОИ) келхд (ВИ), Европд эврэннь эклцдгэн (ОИ) Европейск цивилизациг йостаһар күдлһн болж һарчана (ОИ) (М., 26-24).

Ведь «ограниченная», по американским понятиям (ВИ), ядерная война (ОИ), скажем (ВИ), в Европе означала бы уже в самом начале верную гибель европейской цивилизации (ОИ) (М., 26:21).

Данное высказывание содержит два парентетических внесения. Парентеза «по американским понятиям» выражает категорию уточнения, парентеза «скажем» – категорию экземплификации в исходном русском высказывании.

Парентетические слова и синтаксические конструкции, относящиеся к категории делиберации, выражают сомнения, раздумья, оценку. Как правило, подобные внесения способствуют усилению экспрессивности речи, позволяют создать различный эмоциональный фон высказывания:

Советск-английск хэрлцэнэ тускар авад хэлэхлэ (ВИ), һундл болхларн (ВИ), энд зогслһн учрв (ОИ) – тиигхлэрн мана гемэр биш (ВИ) (М., 26-28).

Что касается советско-английских отношений (ВИ), то здесь, к сожалению (ВИ), застой (ОИ) и не по нашей вине (ВИ) (М., 26-25).

As for the Soviet – British relations (ВИ), we regret to say (ВИ) that here is stagnation (ОИ) – but not though any fault of ours (ВИ) (М., 26:33).

В этом примере имеется три парентетических внесения в исходном русском высказывании. Высказывание начинается с вводной конструкции, следующим парентетическим внесением является «к сожалению» в русском, һундл болхларн – в калмыцком, we regret to say – в английском, относящимся к категории делиберации. Третье внесение – уточнение.

Таким образом, совокупность лексических и лексико-синтаксических средств экспрессивности, к числу которых относятся повтор и парентетические внесения, вызывает нарушение линейного принципа распределения информации в русском языке. В соответствии с нормами устной речи элементы основной информации могут располагаться в начале и середине предложения. Критерием же распределения информации становятся смысловой и стилистический контексты.

Список литературы

1. Смирницкий А.И. Об особенностях обозначения направления в отдельных языках (к методике сопоставительного изучения языков) // Иностранные языки в школе. 1953 №2. – с. 3-12.
2. Ярцева В.Н. О сопоставительном методе изучения языков. // Научные доклады высшей школы. Филологические науки. – М.: Высшая школа, 1960. – С. 12-15.
3. Щерба Л.В. Языковая система и речевая деятельность. – Л.: Наука, 1974. – 428 с.
4. Панфилов В.З. Взаимоотношение языка и мышления. – М.: Наука, 1971. – С.12.
5. Пумпянский А.Л. Информационная роль порядка слов в английской научной и технической литературе. – М.: Наука, 1974. – 274 с.
6. Olesen G.F. the Expression of Theme/Rheme. Structure in Slavic and German Sentence in which the Express Subject is Rheme. (A contrastive Analysis)//Kwartalnik neofilologiczny. – 1979 – R. 14 – z. 1 – s. 13-29.
7. Чесноков П.В. Логическая фраза и предложение. Изд-во Ростовского университета, 1961. – 98 с.

8. Мельников Г.П. Функциональный стиль научной и технической литературы и порядок слов//Коммуникативно-синтаксический и стилистический аспекты анализа текста. – М., 1980. – С. 106-116.

9. Федоров А.В. Основы общей теории перевода (лингвистические проблемы) – М.: Высшая школа, 1983. – 303 с.

10. Шевякова Б.Е. Современный английский язык. – М.: Наука, 1980. – 380 с.

11. Блиндус Е.С. Пути к эквивалентному переводу // НТИ, серия 2. – 1983. – №10. – С. 30-32.

12. Шанаева Л.Б. Логико-грамматическое членение предложения в калмыцком языке в сопоставлении с русским и английским (на материале политической литературы): Автореф. дис. . канд. филол. наук. – М., 1988. – 17 с.

13. Пюрбеев Г.Ц. Синтаксис сложного предложения монгольских языков (синхронно-типологическое исследование): Дисс. . д-ра филол. наук. – М., 1982. – 328 с.

14. Орловская М.Н. Набор порядков слов в простом повествовательном предложении и некоторые способы актуализации членов предложения в современном монгольском языке // Восточное языкознание. Грамматическое и актуальное членение предложения. – М.: Наука, 1984. – С. 99-106.

15. Швернина З.В. Некоторые наблюдения над актуальным членением предложения в монгольском языке // Восточное языкознание. – М.: Наука, 1984. – С. 158-164.

16. Кожина М.И. Стилистика современного русского языка. – М.: Просвещение, 1983. – С. 19.

17. Александрова О.В. Проблемы экспрессивного синтаксиса. – М.: Высшая школа, 1984. – С. 32-34

Источники

1. М, 26 – Материалы XXVI съезда КПСС. М.: Изд-во политической литературы, 1982. – 223 с.

2. М, 26 – КПСС – ин XXVI съездин материалмуд. Элст: Хальмг дегтрин гардач, 1981. – 176 с.

3. М, 26 – Documents and resolutions (The 26-th Congress of Communist Party). – М.: Novosty, 1981. – 110 p.

ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ

УДК 008
ББК 87.6

В.Н. Бадмаев¹, Б. Пурэвсүрэн²

¹Калмыцкий государственный университет имени Б.Б. Городовикова

²Институт философии Монгольской академии наук

**ФЕНОМЕН ИДЕНТИЧНОСТИ И ЭТНОКУЛЬТУРНОЕ МНОГООБРАЗИЕ
НАРОДОВ В РЕГИОНЕ
(ПО МАТЕРИАЛАМ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ
В РЕСПУБЛИКЕ КАЛМЫКИЯ)**

Вопросы, связанные с национальной проблематикой, межнациональными и межкультурными отношениями, представляют перманентный интерес и для академической науки, и для практической реализации задач национального строительства. Проблема идентичности особенно актуальна для такого полиэтничного поликонфессионального государства, как Россия.

В данном контексте особый интерес представляют социологические исследования этнокультурной и конфессиональной сферы в регионах России, поскольку социологический мониторинг выступает эффективным инструментом системы государственного мониторинга межнациональных и межконфессиональных взаимоотношений, задачи которого были определены в «Стратегии государственной национальной политики» и отнесены к полномочиям Федерального агентства по делам национальностей.

Необходимо отметить, что учеными Калмыкии накоплен обширный социологический материал относительно ситуации в сфере межнациональных и межконфессиональных отношений, который нуждается в дальнейшем обобщении, осмыслении, систематизации.

Ключевые слова: национальная идентичность, культурное многообразие, национальная политика, Республика Калмыкия, социологический мониторинг, межнациональные и межконфессиональные отношения.

V.N. Badmaev¹, B. Purevsuren²

¹Kalmyk state University named after B.B. Gorodovikov

²Institute of philosophy of the Mongolian Academy of Sciences

**THE PHENOMENON OF IDENTITY AND ETHNOCULTURAL DIVERSITY
OF PEOPLES IN THE REGION
(ON THE MATERIALS OF SOCIOLOGICAL RESEARCH CARRIED OUT
IN THE REPUBLIC OF KALMYKIA)**

The purpose of this article is to explore issues related to national issues, interethnic and intercultural relations. These issues are of permanent interest both for academic science and for the practical implementation of the tasks of national policy. The problem of identity is especially relevant for Russia that is considered to be a multi-ethnic and multi-religious state.

In this context, sociological studies of the ethnocultural and confessional sphere in the regions of Russia are of particular interest because sociological monitoring is an effective tool for the state monitoring system of interethnic and inter-confessional relations, the tasks of which were defined in the “Strategy of State National Policy” and are managed by the Federal Agency for Nationalities.

It should be noted that the scientists of Kalmykia have accumulated extensive sociological material regarding the situation in the field of interethnic and interfaith relations. These documents need further generalization, understanding and systematization.

Key words: national identity, cultural diversity, national policy, Republic of Kalmykia, sociological monitoring, interethnic and interfaith relations.

29 ноября 2019 года в г. Нальчик состоялось заседание Совета по межнациональным отношениям при Президенте РФ. Основной темой заседания стали вопросы реализации целей и задач Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года [1].

В рамках государственной национальной политики «при сохранении основной двуединой задачи – укрепление единства многонационального народа Российской Федерации и поддержка этнокультурного многообразия – акцентируется внимание на российской цивилизационной идентичности, на её ключевой роли, основанной на русской культурной доминанте, носителем которой выступают ... все народы, населяющие Россию» [2].

Вопросы, связанные с национальной проблематикой, межнациональными и межкультурными отношениями, представляют перманентный интерес и для академической науки, и для практической реализации задач национального строительства.

Сложность исследования национальной проблематики, вопросов национальной идентичности связана с тем, что «национальная идентичность является динамичным историческим качеством бытия нации... Она выступает как результат прошлого и одновременно как ангажированность в отношении будущего» [6, с. 76].

Проблема идентичности особенно актуальна для такого полиэтничного поликонфессионального государства, как Россия. 13 ноября 2019 г. на Научной сессии «Фундаментальные проблемы развития российского общества» Общего собрания РАН директор Института философии РАН, академик Смирнов А.В. представил доклад «Самосознание российского общества». Смирнов А.В., анализируя цивилизационно-идентификационную ситуацию в российском обществе, в мире в целом, приходит к выводу, что вопрос о культурно-цивилизационной недоопределенности России, требующий философской рефлексии, приобретает особую остроту [18].

По мнению Смирнова А.В., в самосознании общества выделяются три уровня идентичности.

Первый уровень – низший, базовый, локальный. Здесь мы осознаем себя с учетом этнокультурной, языковой идентичности.

Третий уровень – высший, идентифицирует принадлежность к человечеству.

Второй уровень – промежуточный, сверхэтнический, срединный, обеспечивает культурно-цивилизационную устойчивость общества. Примеры идентичности этого уровня – европейская культура, история, философия, идентичность.

Как отмечает Смирнов А.В., «успешные и устойчивые культурно-цивилизационные проекты осуществлялись тогда, когда был найден срединный второй уровень идентичности», обеспечивающий взаимосвязь всех трех уровней идентичности [18].

Применительно к России таким срединным уровнем выступает модель России-Евразии, интегрирующая, «собирающая» все культурно-цивилизационные потоки, все этнокультурные и конфессиональные общности, имеющиеся в России.

В данном контексте особый интерес представляют социологические исследования этнокультурной и конфессиональной сферы в регионах России, поскольку социологический мониторинг выступает эффективным инструментом системы государственного мониторинга межнациональных и межконфессиональных взаимоотношений, задачи которого были определены в «Стратегии государственной национальной политики» [4] и отнесены к полномочиям Федерального агентства по делам национальностей [3].

Необходимо отметить, что учеными Калмыкии накоплен обширный социологический материал относительно ситуации в сфере межнациональных и межконфессиональных отношений, который нуждается в дальнейшем обобщении, осмыслении, систематизации [См.: 7-17, 19].

В 2018-2019 гг. сотрудниками кафедры философии и культурологии Калмыцкого государственного университета (руководитель рабочей группы – Кальдинова Г.П., кандидат социологических наук, доцент кафедры философии и культурологии КалмГУ) было проведено социологическое исследование на тему «Этнокультурное многообразие народов в регионе» в рамках реализации Стратегического проекта «Калмыкия как трансграничный регион в восточном векторе России» Программы развития Калмыцкого государственного университета имени Б.Б. Городовикова как опорного регионального университета.

В исследовании был использован метод массового опроса населения. Отбор респондентов осуществлялся по многоступенчатой схеме, был использован квотный тип выборки. В исследовании были опрошены жители всех районов республики и г. Элисты, что обеспечило представительность основных этнических, конфессиональных, социально-демографических и профессиональных групп. В соответствии с квотными заданиями, в данных населенных пунктах опрашивались граждане от 18 лет. Всего было опрошено 1001 человек.

Важно отметить, что социологический инструментарий данного исследования был предварительно апробирован учеными КалмГУ в рамках выполнения международных междисциплинарных проектов «Культурная самобытность монголоязычных народов», «Роль традиций в современной культуре монголоязычных народов» совместно с монгольскими коллегами, поддержанных грантами РГНФ, РФФИ, внутри-вузовскими грантами КалмГУ (2013-2018 гг.). Кроме того, в 2016 г. между Калмыцким государственным университетом и Институтом философии Академии наук Монголии было заключено соглашение о международном сотрудничестве по совместному выполнению научного проекта «Буддизм и современные социальные практики».

Сотрудники Института философии Академии наук Монголии ведут фундаментальные исследования по ряду таких перспективных проектов, как «Развитие Монголии: исследования и разработка политики», «Исследование религиозной ситуации в Монголии», «Новые религии в Монголии: социологический и философский анализ», «Анализ политики долгосрочного развития Монголии» и др. [5].

Остановимся на некоторых, представляющих интерес с точки зрения мониторинга идентификационных процессов в республике, результатах проведенного социологического опроса.

Изучение мнения населения республики о наличии интереса к проблемам межэтнических и межконфессиональных отношений показало, что значительная часть опрошенных в той или иной мере интересуется этими вопросами. Так, состояние межнациональных и межконфессиональных отношений в месте проживания интересует 65% опрошенных. Практически не вызывают интерес проблемы межэтнического общения в своем населенном пункте у четверти опрошенных – 25,3%.

Состоянием межнациональных отношений в месте проживания интересуется 65,1%, в Республике Калмыкия – 67,4% респондентов, в России – 64,6%. Процент тех, кого не интересуют межнациональные отношения в своем населенном пункте, в Республике Калмыкия и России, составил 25,3%, 25,1% и 27,1% соответственно.

Таким образом, можно сделать вывод о достаточно высоком интересе со стороны населения к вопросам межнациональных отношений.

Ситуация с межконфессиональными отношениями в месте проживания была оценена как нормальная, хорошая – со стороны 74,5% опрошенных, как напряженная – 5,7%.

77,4% респондентов оценили современную ситуацию с межконфессиональными отношениями в Республике Калмыкия как стабильную, при этом 8,1% охарактеризовали как напряженную.

Более половины (52,3%) считает ситуацию в сфере межконфессиональных отношений в России нормальной, благоприятной, но немало и тех, кто находит ее напряженной, проблемной – 20,3% в целом.

Из ответов респондентов можно сделать вывод, что практически все этнические группы считают Калмыкию в плане межнациональных и межконфессиональных отношений в целом спокойным регионом, хотя при этом совсем не идеализируют общую ситуацию. На наш взгляд, их оценки достаточно близки к реальности – республика не является кризисным регионом, зоной межэтнических, межконфессиональных конфликтов, но при этом в этих сферах имеется немало вопросов. Важно понимать, что область отношений между этносами, этническими и конфессиональными группами не следует идеализировать, считать абсолютно беспроблемной. При возникновении кризисных ситуаций этнические группы могут не враждовать активно и открыто друг с другом; возможна взаимная отчужденность, малая интенсивность контактов.

24,9% респондентов обращают внимание на национальность и 20,9% опрошенных – на религиозную принадлежность окружающих их людей. При этом 57,2% не обращают внимания на национальность и 60,9% – на религиозную принадлежность окружающих людей.

Можно сделать вывод о достаточно высоком уровне этноконфессиональной толерантности и мультикультурности в обществе.

Ответы на вопросы, связанные с идентичностью населения республики, расположились следующим образом: более половины опрошенных – 52,2% – считают себя россиянами, 38,9% связывают свою идентичность с национальностью, и лишь 5,3% – с религией.

Как положительный момент можно отметить тот факт, что респонденты не противопоставляют общероссийскую, региональную, этническую, религиозную идентичность.

Можно сделать вывод, что общероссийская идентичность, выступая важным консолидирующим фактором, превалирует в системе идентификационных настроений среди жителей республики.

Интересной представляется ситуация относительно оценок межнациональных и межконфессиональных отношений в Калмыкии и России в целом.

82,4% опрошенных оценили положительно уровень взаимоотношений между представителями различных национальностей и конфессий в Республике Калмыкия, при этом 6,1% охарактеризовали их как напряженные.

Что касается общероссийской ситуации, то 64,9% респондентов дали положительную оценку и 16,6% определили уровень взаимоотношений между представителями различных национальностей и конфессий как напряженный.

Таким образом, в общероссийском контексте ситуация с межнациональными и межконфессиональными взаимоотношениями в Калмыкии в оценках жителей республики выглядит более стабильной и положительной.

Информативными и требующими к себе серьезного внимания являются ответы на вопросы о наиболее острых конфликтах (проблемах) в Республике Калмыкия. 41,8% назвали «конфликты между обеспеченными и малоимущими». 21,0% – «между людьми разных национальностей» и 25,3% – «между «местными» и приезжими». То есть более четверти опрошенных определяет наличие проблем во взаимоотношениях между местными жителями республики и прибывающими на место жительства в Калмыкию. Таким образом, можно резюмировать, что складывающаяся миграционная ситуация и настроения в обществе относительно мигрантов, прибывающих в республику, должны находиться в центре внимания соответствующих структур.

Достаточно высок процент (21,0%) тех, кто отмечает наличие межнациональных конфликтов в республике. Вместе с тем, 38,7% опрошенных отрицает случаи конфликтов между людьми разных национальностей. 50,0% считает, что это «единичные случаи», и 6,1% полагает, что они «постоянно случаются».

При этом поводом для подобных конфликтов выступают «ссоры на бытовой почве» (31,3%), «национальная принадлежность» (19,1%) и «религиозные разногласия» (7,9%).

Здесь возможна и проблема недостаточного регулирования миграционных процессов, вопросов социальной и культурной интеграции и адаптации мигрантов, не позволяющая в должной мере обеспечить текущие и будущие потребности экономического, социального и демографического развития региона.

Желание сохранить свою этнокультурную идентичность проявилось в ответах на вопрос «Хотели ли бы Вы, чтобы Ваши дети говорили на родном языке?». 87,3% опрошенных ответили утвердительно.

Хорошо знают основы своей религии 46,7% опрошенных. Имеют неполное представление об основных положениях вероучения – 36,9%.

При этом только 3,8% респондентов хорошо осведомлены об основах других религий. Практически ничего не знают об основных положениях других религий – 26,8%, а 20,7% вообще не интересуются такими вопросами.

29,0% опрошенных ответили, что не участвуют в праздновании национальных праздников других народов.

78,3% респондентов не знают о деятельности национальных общественных объединений в регионе.

В отношении идеи возрождения национальных традиций и обычаев положительно высказались 80,5% опрошенных. 1,3% респондентов считают, что это приводит к усилению националистических настроений в обществе.

При этом 84,8% считают необходимым возрождать свою национальную культуру и язык.

Вместе с тем, на вопрос о необходимости возрождать другие национальные культуры и язык 48,7% ответили положительно, а 41,2% ответили отрицательно.

В данном ключе интерес представляют ответы на вопрос об отношении к строительству или установлению религиозных объектов (символов) других народов и конфессий. Положительный ответ дали 43,0%. Отрицательный ответ был получен от 14,8% опрошенных. «Мне все равно» – ответили 40,5%.

В данной ситуации представляется важным и необходимым проведение мероприятий культурно-просветительского характера в целях преодоления негативных стереотипов, сложившихся в отношении некоторых народов, проживающих в республике. Несмотря на стабильную и положительную в целом ситуацию в межнациональных и межконфессиональных отношениях в республике, есть необходимость в проведении информационно-просветительских, культурных мероприятий, направленных на пропаганду этнокультурного и конфессионального многообразия и согласия в регионе.

Вызывают настороженность ответы на вопросы о влиянии СМИ на взаимоотношения людей разных национальностей. 42,4% оценили как «разнонаправленное»; 18,5% охарактеризовали как «негативное» и только 9,4% – как «позитивное». Учитывая указанные ответы, следует предположить, что необходимо увеличение специальных передач, программ и каналов СМИ, направленных на укрепление межнационального согласия и мира в республике.

Представляется, что для укрепления этнокультурного и конфессионального многообразия, межнационального мира и согласия в регионе необходим комплекс мер культурно-просветительского плана, направленных на ознакомление с культурой и традициями всех проживающих в регионе народов, с имеющимися у них ценностями мира, человеколюбия, добрососедства.

Список литературы

1. Официальный сайт Президента Российской Федерации – <http://www.kremlin.ru/events/president/news/62160/audios>
2. Официальный сайт Комиссии по вопросам сопровождения государственной национальной политики Совета при Президенте РФ по межнациональным отношениям. Материалы Заседания Совета по межнациональным отношениям при Президенте Российской Федерации 26 октября 2018 года, Ханты-Мансийск. – <https://sovethnational.ru/sovets/materialy-zasedaniy-soveta/>
3. Официальный сайт Федерального агентства по делам национальностей – <http://fadn.gov.ru/>
4. Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года. Утверждена Указом Президента РФ от 19 декабря 2012 г. № 1666.
5. Официальный сайт Института философии Академии наук Монголии – <http://ip.ac.mn/>
6. Бадмаев В.Н., Хурыз З.А. Историческая память и конструирование национальной идентичности // Новые технологии. 2009. №4. – С. 75-79.
7. Калмыкия в зеркале социологии: обзор научно-исследовательской деятельности С.Э. Лиджи-Горяевой. – Элиста: КалмНИЦ РАН, 2019. – 388 с.
8. Кальдинова Г.П., Нуксунова А.М. Этнокультурная идентичность студенческой молодежи Калмыкии // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 6 (112), ноябрь-декабрь, 2012. – https://wciom.ru/fileadmin/file/monitoring/2012/112/Monitoring_2012_112_04_G.P._Kaldinova__A.M._Nuksunova.pdf
9. Лиджиева И.В., Немгирова С.Н. Этнокультурное развитие региона: мониторинг этноконфессионального и межкультурного взаимодействия в Республике Калмыкия // Oriental Studies (Вестник КИГИ РАН). – №1. 2014. – С. 15-22.
10. Намруева Л.В. Молодежь Калмыкии: выбор идентичности (по итогам опросов 2015, 2017 гг.) // Этносоциальные процессы на Юге России: способы урегулирования. Материалы Международной научно-практической конференции (г. Майкоп, АдГУ, 21-22 ноября 2017 г.). – Майкоп: Изд-во ООО «Электронные издат. технологии», 2017. – С. 72-74
11. Намруева Л.В. Сельский уклад жизни (по материалам полевых исследований 2017 г. в Калмыкии) // Монголоведение (Монгол судлал). – 2017. – № 11. – С. 196-205.
12. Намруева Л.В. Участие молодежи в этнокультурных процессах (на примере Калмыкии) / Панорама Евразии. – 2012. – № 2 (10). – С. 49-53.
13. Намруева Л.В. Этническая идентичность в условиях культурного многообразия (на материале анализа 2017 года в Республике Калмыкия) // Наследие веков. – 2018. – №3. – С. 42-47.
14. Намруева Л.В. Этническая социализация молодежи Республики Калмыкия (анализ 2000 – 2010-х гг.). – Элиста: Калмыцкий институт гуманитарных исследований РАН, 2015. – 195 с.
15. Немгирова С.Н. Особенности межнациональных отношений на региональном уровне // Вестник Института комплексных исследований аридных территорий. – Элиста, 2019. – № 1 (38). – С. 108-111.

16. Немгирова С.Н., Манцаева А.А. Оценка межэтнических отношений жителями районов Республики Калмыкия // Вестник Института комплексных исследований аридных территорий. – Элиста, 2019. – № 2 (37). – С. 108-111.

17. Нухаева Б.Б. Религиозность населения Калмыкии в современных исследованиях // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. 2017. Выпуск 4. – С. 220-224.

18. Смирнов А.В. Самосознание российского общества. Доклад на Научной сессии «Фундаментальные проблемы развития российского общества» Общего собрания РАН 13 ноября 2019 г. Электронный ресурс. https://iphras.ru/uplfile/root/news/archive_events/2019/13_11_19/samosoznaniye_rossiyskogo_obshestva.pdf

19. Тюмидова М.Е., Уланов М.С. Менталитет калмыцкого этноса: истоки, сущность и специфика. – Элиста. Издательство Калмыцкого государственного университета. 2019. – 120 с.

УДК 37.09:004:1
ББК Ч404+3973+Ю0

С.В. Даржинова, Т.И. Ковалева, Н.А. Бембеева
Калмыцкий государственный университет имени Б.Б. Городовикова

ФИЛОСОФСКОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ СЕТЕВОЙ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

В статье сетевая образовательная деятельность осмысливается в свете философских взглядов М. Кастеллса, П. Бурдьё, Д. Корнели, Ч. Даноф и др. Актуальность такого рассмотрения обусловлена глобальным переходом современного общества к сетевым механизмам познания окружающей действительности, основанным на принципе сетевого индивидуализма, приходящему на смену системному подходу вооружения знаниями; когда из-за появления новых коммуникационных возможностей утрачиваются связи людей с локальными сообществами и расширяются возможности для реализации личных потребностей. Коммуникационные сети становятся единым информационным континуумом, «социальным полем», эффективным способом достижения влияния в обществе и отзывчивой средой, позволяющей социальным классам и институтам группироваться и перегруппировываться, формироваться и переформировываться. Информационно-коммуникационные технологии образовали новейшие подходы к образованию, выработали дополнительный потенциал по диссеминации знаний. Образовательное сообщество рассматривается в качестве узла, всегда являющегося частью более крупной сети, состоящей из множества подобных узлов, связанных для совместного использования ресурсов. Свое место (габитус) в этом сплетении различных сетей, потенциально может занять каждый, но в новой среде жизнетворчества человеку необходимо становиться мобильным, принимать различные решения и решать разносторонние моменты, «переваривать» значительные объемы информации, и даже стоимостью немалых физиологических и ментальных нагрузок.

В этой связи авторы рассматривают сетевую образовательную деятельность в качестве «питательной среды» для развития личности, которая должна оказывать как прямое, так и опосредованное влияние на качества личности участников. Сущность личностного развития индивида применительно к сетевой образовательной деятельности анализируется в качестве духовного вскармливания индивидуума и образовательной задачи, являющейся неотъемлемой частью развития в рамках её реализации.

Ключевые слова: философия, общество, образование, сеть, деятельность, подход, личность, габитус, поле.

S.V. Darzhinova, T.I. Kovaleva, N.A. Bembeeva
Kalmyk State University named after B.B. Gorodovikov

PHILOSOPHICAL VIEW ON NETWORK EDUCATIONAL ACTIVITY

This paper discusses the educational activity from the philosophical point of view of Manuel Castells, Pierre Bourdieu and others. The overview is promoted by the global shift of modern society to network mechanisms of perception the environment. The shift is based on the idea of network individuality replacing the systematic approach to acquire knowledge. The advent of new communication technologies leads to the fact that individuals reduce links with local communities but they have more opportunities to satisfy their personal wants. Communication networks have become a single information pool, "social area", and an effective way to impact the community and to form new groups, to arrange them and to reform them. Information technologies promoted new approach to education and developed an additional way to spread knowledge. The educational community has

always considered being a part of bigger network aimed to be used jointly. Every individual can find his/her place (habitus) in this network but new environment requires that a person should become mobile, take different decisions and solve various problems, 'digest' a lot of information which are worth of many physiological and mental pressures.

Based on this view point researchers think that the network of educational activity is a 'nutrient environment' for the development of a person and it should influence directly and indirectly on personal characteristics of its participants. Educational tasks should become an integral part of a person's development.

Key words: *philosophy, society, education, network, activity, approach, individual, habitus, area.*

Введение в социум новейших информационных технологий определило пересмотр и трансформацию в сторону сетевых механизмов познания окружающей действительности, приходящих на смену системному подходу вооружения знаниями. М. Кастелльс отмечает: «В современную эпоху новые сети информационных технологий представляют собой более серьезные изменения, чем технологии, связанные с индустриальной революцией или информационной революцией... по мере того как Интернет становится универсальным инструментом интерактивной коммуникации, мы сдвигаемся от компьютерно-центрированной технологии к диффузным сетевым технологиям» [9].

Сеть разбирается на составные части, среди которых системы линий, организаций и др., например, Интернет. Здесь немаловажна суть межличностных отношений, тогда как материальная основа и все территориальные рамки, представляющие такой феномен, не так уж важны. Коммуникации посредством электронной почты, участия в чатах и ведения блогов, непосредственного участия в форумах представляются сегодня едва ли не самым важным инструментом в процессе общения между людьми.

Следует отметить, что понятия «сеть», «сетевое общество», «сетевая деятельность», «сетевое образование» все чаще находят отражение в философских работах, посвященных современной постиндустриальной эпохе. Так, М. Кастелльс, дискутируя на тему сетевого общества, утверждает, что «если доселе в основе всякого человеческого сообщества лежала привязанность человека к месту жительства и работе, то теперь в новых условиях эти связи ослабли. В основе сообщества находятся сети межличностных связей, обеспечивающие социальное взаимодействие, поддержку, информацию, чувство принадлежности к группе и социальную идентичность» [10].

Как следствие, люди уже не ищут помощи и опоры в своих группах, сообществах, так как в новых условиях с помощью информационных технологий они могут удовлетворить свои личные цели и желания гораздо успешнее. Эту новую схему построения сообществ М. Кастелльс называет сетевым индивидуализмом, «персонализируемым сообществом» [9].

Безусловно, что все это стало возможно в связи с переходом к информационной экономике, когда ключевую роль играет информация и сеть. В этих условиях меняется жизненная среда индивида, она становится сетевой. М. Кастелльс называет построение такого сетевого сообщества ризомой. Данный термин заимствован им из ботаники, когда в корневой системе нет стержневого корня, а есть множество хаотично переплетающихся корешков [9].

Другой ученый П. Бурдьё утверждает, что в новых условиях появляется информационный континуум, в котором могут создаваться различные группы и институты, меняющие своё положение при необходимости и оказывающие влияние на других, так как информация распространяется быстро. Чтобы достичь желаемого, им необходимо предвидеть действия других и при необходимости изменять своё местоположение, т. е. реагировать. Все эти процессы П. Бурдьё именует социальным полем.

То есть сеть стала одним из эффективных способов достижения влияния в обществе. Способность оказывать влияние и получение мгновенной реакции он называет «социальным полем», в котором каждый может найти свое местоположение – габитус, которое определяет индивиду или группе роль, функцию и привилегии. При этом они могут напрочь отсутствовать в других местоположениях [2].

Таким образом, наш социум представляет собой бесконечное множество индивидуальных габитусов, совместно определяющих структуру общества, его классы и практики. При этом поле представляет собой информационную сеть, которая возникает спонтанно на основе сообщений [12]. И если раньше сети были лишь какой-то небольшой частью несетевого мира, то сегодня весь мир просто «обречен» быть сетевым.

В этой связи эти сообщения можно рассматривать как атомы социума, так как из них складывается жизнь отдельного человека, групп, институтов и т.д. При этом человеку, который, собственно говоря, и производит эти сообщения, приходится решать много проблем, затрачивая огромные физические и психологические усилия [13]. Ярким сетевым эффектом является его возросшая мобильность, которая проявляется по-разному и в разных ситуациях. Например, в образовательной сфере все больше уходят от книг в сторону мобильных ИКТ. В этом плане нужны исследования, посвящённые изучению этих коммуникационных процессов, всеобъемлюще меняющих современный мир.

Что касается образования, то ИКТ вооружили его такими инструментами по распространению знаний, которые не зависят от территориального расположения и времени [1].

В 2003 году Россия присоединилась к Болонскому процессу, в рамках которого идеи сетевого обучения продолжили свое развитие, начатое еще с 1999 года. Вхождение в Болонский процесс дало новый импульс модернизации образования России. Сетевые формы образовательной деятельности получили официальный статус и были определены законом «Об образовании в Российской Федерации» № 273-ФЗ [7]. Как следствие, в России уже несколько лет интенсивно разрабатываются, внедряются и функционируют различные формы сетевой образовательной деятельности. Однако все же нужно отметить, что обозначенные сетевые новшества застали педагогику врасплох [6].

Осмысливая данный феномен в философии, мы обратились к зарубежным источникам (Д. Корнели, Ч. Даноф и др.). Эти исследователи являются авторами теории обучения коннективизма и описывают образовательное сообщество как узел, который включён в сеть и появляется в точках ее соединения. Узлов может быть довольно много, и связаны они для совместного использования своих ресурсов, хотя отличаются размерами, крепостью, информативностью, потоком людей, проходящих через них и так далее. Знания направляются в сетевые путешествия, но со временем их актуальность может изменяться, поэтому возможности ознакомления с ней также будут меняться [10].

На наш взгляд, здесь нужно обратить внимание на то, что в таком обучении заложена возможность поиска текущей информации и возможность отсекал ненужную информацию, т. е. акцент сместился в сторону получения знаний. Образовательная коммуникация становится управляемой. Преподаватель взаимодействует с одним обучаемым, выстраивая траекторию его образовательной деятельности и подстраивая процесс обучения к его индивидуальным особенностям. Вместе с тем происходит процесс осмысления своего образования самим обучаемым, который управляет им, ставит цели, планирует и так далее. Такая форма может реализовываться там, где происходит активное взаимодействие участников. Использование такой модели позволяет реализовать два подхода к обучению: индивидуальное и персональное.

В этой связи мы определили, что созданная сетевая образовательная деятельность должна обеспечить человеку непрерывность образования через внедрение образовательных программ различного уровня; использование в учебных материалах различных ситуаций с целью формирования духовных и нравственных качеств личности. В итоге каждый получит то пространство, которое будет соответствовать его желаниям и потребностям.

В современных условиях актуальная в XIX-XX веках узкая специализация постепенно уходит в прошлое, все более востребованными на рынке труда становятся специалисты, обладающие не только профессиональными межпредметными знаниями, но и ключевыми метапредметными компетенциями, такими, как коммуникация, кооперация, креативное мышление и критическое мышление. Эти компетенции важны для человека в процессе осмысления окружающей действительности, понимания своего предназначения и в поиске ответов на вечные жизненные вопросы.

Следовательно, сетевая образовательная деятельность, направленная на личность индивида, должна стать «питательной средой» для её развития, должна пропагандировать культурное достояние народов России, её многонациональную культуру, должна быть направлена на сбережение русского языка, языков народов России, тем самым оказывать как прямое, так и опосредованное влияние на качества личности её участников.

Сущность личностного развития индивида применительно к сетевой образовательной деятельности рассматривается нами как духовное обогащение личности и педагогическая цель воспитания в рамках её реализации. То есть мы говорим о корреляционном выработывании и развитии многообразных сторон личности, имеющей качество подстраиваться к константно изменяющимся актуальным обстоятельствам, владеющей сформированным интеллектом, обладающей высокими моральными качествами, духовными помыслами, ответственностью.

Формулируя принципы реализации сетевой образовательной деятельности, направленной на личностное развитие участников, мы остановились на следующих: гуманистическая направленность обучения; использование максимально индивидуализированных технологий обучения; внедрение технологий критического мышления; интеграция традиционного и виртуального образовательного пространства; реализация проектных, кейсовых, исследовательских методик; взаимообучение участников сети. В этот список также входят ведение и знакомство с полученным исходом «локальных исследований», чей объект детерминирован темпоральными и территориальными образами (например, история жизни определенной личности на фоне эпохи, семьи, города и т. д.); проведение участниками собственных научных исследований. Также к принципам относится своего рода снабжение участников выходом на существующие ресурсы независимо от временных ограничений и от возраста; содействие стремлениям тех, кто собирается поведать о своих знаниях и умениях тем, кто желает у них обучиться чему-то; выделить всем тем заинтересованным лицам шанс ознакомиться с плодами собственного образовательного процесса; генерация ситуативных качеств и условий образовательной среды, непосредственно воздействующих на самоорганизацию в получении знаний участниками; применение полученных результатов для создания прогноза успехов и достижений участников. Также учитывается и то, что все участники образовательного процесса хотя и разные в своих личностных характеристиках, но равны в самом процессе. Образовательный опыт содержит осознание противоположащих мнений, выработку потенциала у участников в определении личной

«дорожной карты» обучения, а также реализацию мотивации обучающихся и по окончании выход к следующей задаче; исследование вопросов влияния программы на участников через обратную связь [11].

Процесс личностного развития в сетевой образовательной деятельности может быть эффективен при таких обстоятельствах: работа над созданием творческой среды, влияющей на рост личности; выработка интеракции в диалоге и персональных позиций и точек зрения у участников; принятие во внимание личностного развития, а также использование личностно-ориентированных ситуаций.

Поскольку сетевая образовательная деятельность имеет ряд преимуществ (соответствует духу современного постиндустриального общества); предоставляет потенциал для образования через всю жизнь, с целью развития будущего личного образования. Такая деятельность имеет неформальный характер, по сути демократична, а также свободна от негибких схем. Сетевая образовательная деятельность может приобщать участников к иному человеческому опыту и межкультурному диалогу, в соответствии с теми или иными общественными идеалами, в ней заложен огромный потенциал и содержательные возможности для развития личности, так как привлечение к образовательному процессу ресурсов не одной, а нескольких организаций значительно расширяет спектр обучающих возможностей. У участников сетевой образовательной деятельности появляется дополнительный доступ к современным образовательным технологиям и средствам обучения, что позволяет эффективно формировать и совершенствовать различные компетенции участников, оказывающие прямое воздействие на развитие всей структуры личности, включая духовный мир, разум, волю и другие аспекты.

На этапах, входящих в процесс развития личности, можно обнаружить феномен образовательного потенциала сетевой образовательной деятельности. Данный феномен обозначается в виде совокупности воспитательных и учебных инструментов и возможностей, которые являются частью проектной деятельности, обосновывающие ситуации для обучения. Они также могут объяснять природу человека; воспитывать стремление к духовно-нравственному обогащению как личностному совершенствованию. Среди характеристик также можно выделить разработку и внедрение программ, основанных на идеях социально-ценностной ориентации и работы над развитием. Немаловажным является и совмещение педагогического наставления с выработкой самостоятельности, формированием инициативности и индивидуальности.

Опираясь на идеи И. А. Соловцовой, мы определили, что процесс развития личности в сетевой образовательной деятельности следует проектировать с учетом духовно-нравственных ценностей, преобладающих в обществе, в образовании и культуре. А также необходимо создавать саморазвивающие ситуации на основе этих ценностей [4].

В результате проектирования воспитательной работы с обучающимися было определено, что основной целью должна быть постановка задач, которые соотносятся с культурой и образованием, духовно-моральным становлением личности. Имеющие место ситуации воспитания должны быть направлены на самопознание и интеракцию в контексте диалога. В данном процессе сетевое сотрудничество носит разнообразный характер, имеет место быть на различных уровнях и обладает различными характеристиками.

В культуре и образовании заложен огромный потенциал для самосовершенствования личности. Чтобы использовать этот потенциал, нужны различные ситуации, которые могут быть как преднамеренными, так и спонтанно возникающими, которые

могут создавать определенные коллизии, направленные на самоизменение индивида путем получения нового опыта и смысла. Возникающие переживания выступают специфическим строительным материалом развития личности [3].

Процесс развития личности должен осуществляться поэтапно и реализовываться через различные ситуации (воспитательные, игровые, проблемно-поисковые, ситуации понимания), самостоятельные творческие задания, исследовательскую деятельность.

Таким образом, философское осмысление содержательных возможностей и педагогического потенциала сетевой образовательной деятельности на новых теоретико-методологических основаниях показало, что она должна апеллировать к формированию продуктивных поведенческих стереотипов и оказывать влияние на ценностные духовно-нравственные, жизненные ориентации личности. Разработка теории и практики личностного развития требует воспитания индивидуального творчества. Без формирования познавательных способностей личности, эвристических навыков в предметной деятельности нельзя обойтись. Данная трактовка феномена воспитания личности коррелирует с системой многообразного и разнонаправленного образовательного сотрудничества, выводящего на новый уровень задачу по формированию духовной личности в процессе образовательной деятельности.

Наиважнейшим свойством сетевой деятельности в образовании считается навык работы в коллаборации, то есть умение сотрудничать, что также подразумевает под собой осознание общих задач у всех вовлеченных участников [8].

Одним из условий эффективного внедрения сетевой образовательной деятельности, направленной на развитие личности, является рассмотрение мотивов всех участников образовательного процесса (организаторы, преподаватели, обучающиеся и др.) [15]. Все мотивы формируются и выявляются во взаимодействиях (сотрудничество, конкуренция, коллективная работа и т. д.). Такие взаимодействия можно определить как сотрудничество равных, которые имеют равную выгоду и добровольно распространяют полученный опыт.

Сочетание конкуренции и сотрудничества позволяет совершенствовать уровень развития личности за счет заимствования лучших образцов друг у друга [14]. Также такое сочетание порождает инновации, что приводит к более эффективным схемам организации образовательного процесса, направленного на интенсивную социализацию молодежи и в определенной степени усиливающего корреляцию между образованием и духовностью.

Коммуникационно и структурно такая сетевая деятельность способна оказать значительное влияние на всю систему образования на самых разных уровнях; в целом объединить рынок образовательных услуг и рынок педагогических и научных кадров. В процессе реализации такая деятельность может стать культурным явлением, продуцирующим новые модели поведения людей и институтов в ней участвующих, и тем самым обеспечить личностное развитие участников во многих смыслах.

Список литературы

1. Новиков А. Е. (2009) Сетевые информационные технологии как инновационный подход в гражданском образовании. – Муниципальное образование: инновации и эксперимент. № 2. – М.: Издательский дом «Инновации и эксперимент в образовании». – С.64-69.

2. Рубцова О. В. (2019) Значение категории «Габитус» в социальной философии Пьера Бурдьё // Манускрипт. 2017. №4 (78).

-
3. Сериков В. В. (2016) Личностно-развивающее образование как одна из культурологических образовательных моделей // Известия ВГПУ. 2016. №2 (106).
 4. Соловцова И. А. (2004) Духовное воспитание школьников: проблемы, перспективы, технологии: учебно-методическое пособие для педагогов и студентов. – Волгоград: Издательство ВГИПК РО. – 160 с.
 5. Уэнделл Одом. (2005) Компьютерные сети. Первый шаг = Computer Networking First-step. – М.: «Вильямс». – 432 с.
 6. Шестак В. П., Весна Е. Б., Платонов В. Н. (2013) Сетевое образование: лучшие отечественные и зарубежные практики – Современные проблемы науки и образования. № 6.
 7. Федеральный закон от 29.12.2012 N 273-ФЗ (ред. от 26.07.2019) «Об образовании в Российской Федерации».
 8. Brown, C., & Poortman, C. L. (Eds.). (2018). Networks for learning: effective collaboration for teacher, school and system improvement. Routledge.
 9. Castells M. (2000) Materials for an exploratory theory of network society. – Brit. J. of Soc. № 51. p. 10.
 10. Cornely D., Danoff C. (2013). Paragogy: synergy of Independent and Organized learning Activity.
 11. Darzhinova S. V., Belyaeva B. I., Baytumanova Z. N., Kharlaeva D. D., Darzhinova L. V. (2018). Network Cooperation as Innovative Component of Spiritual and Moral Development of an Individual. Modern Journal of Language Teaching Methods (MJLTM), Vol. 8, Issue 10, pp. 635-644.
 12. Reed-Danahay D. (2017) Bourdieu, Social Space, and the Nation-State. Implications for Migration Studies. Sociologica, 11(2).
 13. Remer R. (2009) Social atom theory revisited: SAT redux.
 14. Sahlberg P., Oldroyd D. (2010) Pedagogy for economic competitiveness and sustainable development. European Journal of education, 45(2), 280-299.
 15. Yadin A., Or-Bach R. (2019) “The Importance of Emphasizing Individual Learning in the Collaborative Learning Era”, Journal of Information Systems Education: Vol. 21: Issue 2, Article 5.

УДК 140
ББК 87

А.Н. Овшинов

Калмыцкий государственный университет им. Б.Б. Городовикова

**ПАРАДОКСЫ МОРАЛЬНОГО ПОВЕДЕНИЯ
В МИРОВОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ПРОЦЕССЕ
(К ВОПРОСУ О «ДВОЙНЫХ СТАНДАРТАХ»
В СОВРЕМЕННОЙ ПОЛИТИКЕ)**

Отправной точкой при рассмотрении соотношения политики и морали стало классическое выражение Овидия. В статье предпринята попытка рассмотреть деформации морали, выражающиеся в парадоксах морального сознания, поведения, в их оценке и «двойных стандартах» в современной политике США и ведущих западно-европейских государств.

Ключевые слова: благо, добро, зло, насилие, мораль, парадоксы.

A.N. Ovshinov

Kalmyk State University named after B.B. Gorodovikov

**PARADOXES OF MORAL BEHAVIOR IN THE WORLD POLITICAL PROCESS
(THE ISSUE OF «DOUBLE STANDARDS» IN CONTEMPORARY POLITICS)**

The article attempts to show the deformations of morality, expressed in the paradoxes of moral consciousness, behavior, in their assessment and «double standards» in American policy and the policy of the leading Western states. Ovid's classic expression became the starting point in the analysis of the correlation between politics and morality.

Key words: grace, kindness, evil, violence, morality, paradoxes.

«Благо вижу, хвалю, но
к дурному влекусь»
(Овидий)

Классическое определение древнеримского поэта Овидия, данное им в труде «Метаморфозы» [12], является характеристикой парадокса морального поведения индивида. Благое в данном случае обозначает положительную ценность предметов и явлений. Эти ценности составляют положительное состояние добра как одной из фундаментальных этических категорий. Как моральная ценность добро существует для человека и создается им. Ценности, определяющие добро в содержательном плане, получили в этическом учении название «благо».

По мнению мыслителей из Древней Греции, понятие «добро» есть идея полезности вещи и ее функции.

В античной философии представлено разнообразие определений феномена «благо» (добро). У Диогена Лаэртского «блага – это добродетели: рассудительность, справедливость, мужество, здравомыслие и т.д.» [3, с. 424].

Философ неоплатонизма Прокл в трактате «Первоосновы теологии» пишет: «Первично [сущее] благо и то, что есть только благо, предшествует всему, что каким-то образом причастно благу» [3, с. 555].

В теории этических учений следующие определения наиболее часто использовались моральной философией как «благо» (добро): добро как польза самому человеку,

так и всему обществу (Семь мудрецов, софисты, Сократ); добро как *добродетель* (этика античности); добро как *счастье* (этика античности, Возрождения, Просвещения); добро как *справедливость* (этика Античности, Нового времени); добро как *совершенное внутреннее состояние человека* (этика стоиков, Спинозы, Ницше); добро как *блаженство* (христианская нравственная философия, этика Нового времени); добро как *всеобщее благосостояние* (идеал европейской цивилизации); добро как *добрая воля* (этика Нового времени) [13, с.137-138].

Именно благо (добро) как определяющая ценность составляет основное содержание морального сознания и как следствие – морального поведения человека. Это то, к чему человеку свойственно стремиться. Парадоксальность овидиевой формулировки состоит в том, что человек не стремится к лучшему (добру), а, наоборот, вопреки логике, выбирает худшее, «дурное». И тем самым вредит самому себе. Вполне естественно напрашивается вопрос: как можно объяснить подобный выбор человека? Складывается необычная жизненная ситуация: человек осознанно при выборе между добром и злом отдает предпочтение последнему.

Мы считаем, что в данном случае у индивида произошло смешение понятий о добре и зле, отступление от «золотого правила нравственности» как общего этического постулата, т.е. от нравственно-правовых норм (общепризнанных стандартов деятельности и правил поведения), выполнение которых общество ожидает и требует от каждого его члена. Следует иметь в виду и то обстоятельство, что в многообразии мнений о добре просматривается и их противоречивость. Это свидетельствует о том, что именно добро способствует установлению между людьми разного рода отношений и тем самым способствует в известной мере установлению смысла жизни самого человека.

Продолжает оставаться актуальным вопрос о соотношении добра и зла и в наши дни. Смешение этих понятий – отличительная черта современной политики.

Банально звучит, но это действительно так: воля, честь, достоинство, совесть являются отражением моральной ценности личности. Эти основополагающие этические категории отражают специфику определенной эпохи, мировоззрение ее людей и систему ценностей.

Однако современное бытие показывает утрату нравственных ценностей, лежавших в основе европейской и американской цивилизаций. Достаточно часты стали случаи отказа от моральной оценки своих действий представителями западно-европейской политической элиты, носителями власти в США, в частности.

И.Кант, обсуждая в разных произведениях проблему лжи, в частности, в эссе «О личном праве лгать из человеколюбия» [8] разбирает пример человека, представившего убежище другу, которого преследуют злоумышленники. По Канту, нравственный долг повелевает сказать преследователям всю правду без утайки, которое гласит: «не делай другим того, что не пожелаешь себе».

Кантианский «категорический императив» помогает индивиду удостовериться в правильности выбора реальных мотивов его поведения по отношению к существующему нравственному закону, (что принято называть «золотым правилом нравственности»), которое гласит: «не делай другим того, что не пожелаешь себе» или поступай «так, чтобы ты всегда относился к человечеству и в своем лице, всякого другого так же, как к делу, и никогда не относился бы к нему как к средству» [7, с.270]. В этих нравственных постулатах четко отражен гуманистический смысл золотого правила.

Освобождение человека от ограничивающего его действия и поступки коллективного сознания стало возможным в связи с появлением «золотого правила нравственности»,

а как результат – «чистое» нравственное сознание, которое не зависит от индивидуальных пристрастий и предпочтений. У Канта первая формулировка категорического императива практически совпадает с «золотым правилом».

Учение о категорическом императиве составляет основу кантовской этики: «Поступай только согласно такой максиме¹, руководствуясь которой и в то же время можешь пожелать, чтобы она стала всеобщим законом» [7, с.93]. Максима, по Канту, это субъективный, индивидуальный принцип воли.

Наиболее важные, устоявшиеся в практике человеческих отношений нравственные ценности, имеют свои явные императивные продолжения. Моральные ценности оказывают воздействие на всего человека. Французский философ Пьер Бейль, будучи убежден в своей правоте, писал: «...я считаю, что никто не станет оспаривать истинность следующего принципа: все совершаемое вопреки голосу совести есть грех, так как очевидно, что совесть – это свет, говорящий нам, что то-то хорошо или дурно, и нет вероятности, чтобы кто-нибудь усомнился в таком определении совести...» [3, с.488]. Безусловно, в принципе можно согласиться с предположенным Бейлем определением понятия «совесть». Общепринято считать, что «совесть» – это способность личности формулировать нравственные обязанности и осуществлять нравственный самоконтроль за своим поведением, действиями в обществе, производить самооценку совершаемых поступков.

Это утверждение Бейля было высказано в XVI веке. Сегодня XXI столетие, другая эпоха, иное понимание этой этической категории у отдельной части населения. За этот исторический период произошли значительные аномальные метаморфозы в моральном сознании и моральном поведении людей. Особенно это касается сферы политики в оценке соотношения определяющих этических категорий добра и зла. Моральное сознание (одна из форм общественного сознания) и моральное поведение, опирающееся на нравственное сознание личности, реализующее ее нравственное отношение, причудливым образом (особенно в современных политических условиях) сочетаются, в первую очередь, в нас самих, что зачастую приводит к драме бытия человека: перед ним возникает много вопросов, а адекватного ответа на них в силу сложившихся обстоятельств не всегда может найти. По этому поводу известны следующие слова американского мыслителя Т.Джефферсона: «Что же касается нравственности, то представления о ней существуют в сознании каждого человека» [3, с.314].

Вполне понятно и естественно, что люди всегда стремятся именно к добру. Эту ситуацию четко обрисовал Кант: «Человек знает, что он должен делать». Это действительно так, если вопрос касается отдельного человека. Но вопрос заключается в том, какую цель ставит перед собой этот человек, находясь в подобной ситуации.

Международная практика показывает, что отдельные политические деятели пытаются решать политические вопросы безотносительно к морали как этической ценности. Это и есть тот самый парадокс морального поведения и их моральная оценка.

Групповая мораль и нравственные отношения в политической группе сложнее, чем мораль индивида. Не исключено, что и морально безупречный индивид может сознательно или бессознательно участвовать в неморальной политике группы: института, организации, партии, органа власти и т.д. Отсюда и коллизии двойной морали – групповой и индивидуальной, и столь частые кризисы – порой очень тяжелые – индивидуального и коллективного сознания, особенно в периоды политических кризисов. В данном случае представляются важными моральные измерения личности.

¹ Максима – есть субъективный принцип [совершения] поступков... Содержит практическое правило, которое разум определяет сообразно с условиями субъекта..., и, следовательно, есть основоположение, согласно которому субъект действует...» (Антология мировой философии. В 4-х т. М.: Мысль, 1971. Т.3. С.159).

Характеристика морального измерения личности может быть представлена в следующей форме *аристотелевского сорита*¹.

- (А) Моральное измерение человека связано с его разумностью,
- (Б) Его разумность связана с ориентацией на высшее благо,
- (В) Ориентация на высшее благо связано с доброй волей,
- (Г) Моральное измерение человека связано с доброй волей.

В итоге мы пришли к выводу, что человек разумен в той мере, в какой он морален, то есть разум выступает основой морали.

В «Основах метафизики нравственности» у Канта есть следующее высказывание: «Все нравственные понятия имеют свое место и возникают совершенно *a priori* в разуме, и притом в самом обыденном человеческом разуме так же, как и в исключительно спекулятивном [...]; чистота их происхождения делает их достойными служить нам внешними практическими принципами» [9, с.157].

Интересна и следующая мысль Н.Г.Чернышевского из «Антропологического принципа в философии» о том, что «дурной поступок или хороший поступок был произведен непременно каким-нибудь нравственным или материальным фактом и сочетанием фактов...» [3, с.232].

Нравственные ценности в общественной жизни подобны индивидуальным моральным ценностям. Нравственность объективна, погружена в сущее, отражает суть должного и предполагает подчиненность индивида обществу.

Практический смысл сводится к дискуссии о нравственности и безнравственности политики к определению соотношения целей, средств и результатов политической деятельности. В вопросе соотношения морали и политики существует несколько теоретических подходов.

Идея о нерасторжимости связи политики и морали принадлежит Аристотелю. Это первый подход, рассматриваемый в этических учениях.

Определение добродетели, по Аристотелю, состоит в том, что она есть «способность поступать наилучшим образом [во всем], что касается удовольствий и страданий, а порочность – это ее противоположность [4, с.82].

Этот подход известен как *морализаторский* и выражается в форме морального абсолютизма. Он не утратил своего влияния и по сегодняшний день.

Морализаторский подход к политике предполагает высоконравственные цели (общее благо, справедливость и т.п.). Определяющим является твердая приверженность нравственным принципам и нормам (благожелательность к людям, правдивость, искренность), обязательное использование в политике только нравственно допустимых средств.

Этим принципам и требованиям в известной мере соответствует идеология христианско-демократической моральной философии. Однако по субъективно-объективным причинам этот подход в реальности показал несостоятельность и неэффективность.

Следующий концептуальный подход рассмотрения проблемы соотношения политики и морали связан с идеей мыслителя Нового времени Н.Макиавелли. Он считал, что в каждом из этих феноменов есть и функционируют собственные законы, имеющие свою специфику, особенности. Отсюда и возникла у него *идея отграничения политики от морали*. Это значит: люди сами добровольно соблюдают выработанные в обществе определенные этико-правовые правила, нормы поведения. Поэтому Н. Макиавелли считал, что именно мораль регулирует индивидуальные отношения людей.

¹ Аристотелевский сорит – (греч. Sorit – куча) – вид сложного силлогизма, в котором опускаются меньшие посылки силлогизма.

По мнению Макиавелли, в политике определяющим является принцип *политической целесообразности*. Под этим понятием подразумевается самостоятельная регулятивная система, которая способствует приобретению, осуществлению, укреплению или расширению власти.

Макиавелли утверждал: чтобы сохранить престиж власти, следует любые действия прикрывать нравственными добродетелями. В качестве примера в труде «Государь» он называет политического деятеля эпохи Возрождения Чезаре Борджиа, прославившегося аморальностью и политическими предательствами, умением управлять самыми беззастенчивыми методами, соединяя в себе «силу льва и хитрость лисы» [10, с.20,41].

Политика, по мнению Макиавелли, должна учитывать конкретное состояние общественных нравов, в том числе «*нравственную испорченность людей*». Согласно концепции Макиавелли, политика и мораль автономны, существуют изолированно друг от друга и не должны вмешиваться в компетенции друг друга. По мнению приверженцев этого подхода в вопросе соотношения политики и морали, мораль – это компетенция гражданского общества, личной ответственности, регулятор частной жизни политиков. Политика – поле противоборства и противостояния групповых интересов, свободное от нравственности. Эта оценка существующих различий политики и морали является гипертрофированной. Политика становится аморальной, если пренебрегать нравственными ценностями. Процесс разрушения моральных ценностей в обществе происходит в результате противопоставления групповых интересов и ценностей общечеловеческой нравственности.

В современной реальной жизни безнравственность политики, политики «двойных стандартов» – широко распространенное явление. Попытки освободить политику от нравственных оценок означают стремление политиков, государства оправдать свои антигуманные действия против человечества.

В истории этических учений известны попытки сблизить эти два подхода. Это третий, т.н. *компромиссный*, концептуальный подход к проблеме соотношения политики и морали. Эта идея принадлежит американскому государственному и общественно-политическому деятелю, автору «Декларации независимости США» Т.Джефферсону. Он подчеркивал, что нравственность коренится не в личных интересах человека, а является врожденным моральным чувством. Она «первичный, врожденный элемент его устройства и не требует эгоистического оправдания». «Сознание того, что хорошо и что дурно так же присуще природе человека, как чувство слуха, зрения, осязания. Она истинная основа нравственности», – писал Джефферсон П.Карру [2, с.79].

М. Вебер, один из авторов компромиссного подхода, считал, что не следует полностью разделять мораль и политику, а надо учитывать особенности политики как цивилизованной формы общности, служащей достижению «общего блага».

Главной особенностью политики является применение насилия. В подавляющем большинстве философских и моральных учений насилие считается злом. Вместе с тем общественное сознание, в том числе и мораль, допускает ситуации нравственно оправданного насилия. Понимая эту особенность, Вебер писал: «Именно специфическое средство *легитимного насилия* [...] в руках человеческих союзов и обуславливает особенность всех этических проблем политики» [6, с.701].

Такое понимание взаимоотношений политики и морали позволяет избежать крайностей: морализирования и аморализма, то есть это оценка тех или иных общественных явлений, основанных на абстрактных идеалах и пожеланиях. Причем анализ объективных закономерностей развития действительности исключается. Для того, чтобы очертить границу влияния нравственности на политику, Вебер разделяет мораль на этику убеждения и этику нравственности.

«Этика убеждений» означает моральную оценку поведения человека соизмеримо с общечеловеческой шкалой нравственных ценностей. Моральные убеждения – это рациональная основа нравственной деятельности личности, позволяющая ей совершать тот или иной поступок сознательно, с разумным пониманием необходимости и целесообразности определенного поведения. Человек считает для себя обязательным неукоснительно следовать усвоенным им моральным представлениям (нормы, принципы, идеалы и т.д.).

Второе понятие «этика ответственности» предполагает учет конкретной обстановки, ориентацию политики на последствия ее действий с учетом обстоятельства места и времени. Моральная ответственность характеризует личность с точки зрения выполнения ею нравственных требований и выражает степень участия личности и социальных групп не только в собственном нравственном совершенствовании, но и в совершенствовании общественных отношений.

По Веберу, соотношение убеждений и этики ответственности – это прерогатива самого политика.

Идеи о соотношении морали и политики при своем достаточно широком распространении имеют ряд слабостей. По сути дела, веберовская трактовка этой проблемы предоставляет политикам возможность не придерживаться конкретных институциональных норм нравственной ответственности. Тем самым способствует формированию «двойных стандартов» в их деятельности, разрешающих аморальные действия, направленные против сущности человека и попирающие принцип гуманизма и социальной справедливости.

Отличительной особенностью XXI столетия является то, что США и западно-европейские государства проводят открытую политику лжи¹, направленную на эрозию политического сознания граждан, подмену узаконенных в цивилизованном обществе представлений о морально-этических нормах. Искусственно создаваемые ими политические метаморфозы провоцируют возникновение парадоксов моральной оценки происходящего в мире, что, в свою очередь, связано с вопросом о том, кому дано право вершить моральный суд и кто имеет право выносить моральные оценки. При помощи осознанно создаваемого управляемого хаоса в политике политическая элита США и западно-европейских стран сами себе определили такое право вседозволенности, попрания и нарушения существующего международного права.

Подобные их действия свидетельствуют о завышенной самооценке роли своих государств в мировом политическом процессе, неоправданных амбициях и высококом самонении, представляющих себя вершителями человеческих судеб в мировой политике. Это показатель оторванности таких политических деятелей от современных политических реалий, неадекватной оценке ими расстановки и соотношения политических сил в мировом пространстве и в конечном итоге об их ничем неоправданной амбициозности.

Политики, руководители государств, берущие на себя роль учителя, ментора и международного судьи в вопросах морали, обнаруживают такие качества, как политическое самодовольство, вседозволенность, которые органически чужды морали. В подобных случаях такие действия политической элиты следует рассматривать как преступление, так как своими действиями они приносят человечеству зло (страдания,

¹«...Америка стала настоящей страной лжи: ложь президента Джонсона о вьетнамской войне, Уотергейтский скандал, Рейган и дело Иран-контрас, так и не выясненная история о таинственной роли сенатора Эдварда Кеннеди в смерти его подруги в Чапаквиддике, плагиат сенатора Байдена и ложь бывшего сенатора Гэри Харта во время кампании по выборам президента в 1984 году, касавшаяся его тайного романа...» [15. С.321].

человеческие жертвы, моральное унижение), что является нарушением, в первую очередь, нравственного закона, к которому человек приобщен внутренне, установившегося международного права.

Современное международное право представляет собой систему исторически изменяющихся межгосударственных юридических принципов и норм, которая на разных этапах своего развития принимала различные формы (теологическую, метафизическую, антропологическую, имперскую).

Международное право в форме имперского права существовало в XVIII и XIX вв. К ней обращаются всякий раз те западные и американская сверхдержавы, когда они желают единолично управлять миром, устанавливая свои, выгодные только им нормы поведения в международных отношениях. Сегодня, как показывает международная практика, на такую роль претендуют США. США навязывают мировой общественности дискуссии о «новом мировом порядке», тем самым претендуют на лидерство и главную роль в реальном осуществлении концепции «порядка», автором которой они являются. По их мнению, основу международных отношений составляет борьба государств за максимализацию своего влияния на другие государства. В таком контексте моральные принципы в политике уходят на второй план.

По концепции Моргентау, моральные принципы не всегда могут быть соблюдены. «Политический реализм признает значимость политических идеалов и моральных принципов, но он требует четкого разграничения между желанным и возможным: желаемым везде и во все времена и возможным в данных конкретных условиях места и времени» [11, с.437].

Таково соотношение политики и морали в «новом мировом порядке» по-американски.

В последние десятилетия в мире произошел передел сфер геополитического влияния. Установился однополярный мир. Единственной сверхдержавой остались США. Они упрочили роль лидера западного мира. Воспользовавшись сложившейся ситуацией, продолжая декларировать приверженность к коллективным усилиям для установления стабильного мира, США жестко диктуют свои условия другим государствам, пытаются добиться выгодного для себя принятия решений, безапелляционно заявляют о своих национальных интересах в различных регионах мира. Отсюда происходят серьезные изменения и в сфере международной безопасности.

Те участники международных отношений, которые по-своему трактуют исторически установившиеся общепринятые моральные нормы и международное право, тем самым отказываются от сотрудничества и усугубляют отношения между народами и государствами. Подобные деструктивные действия на мировой арене мы стали очень часто видеть со стороны США и некоторых западноевропейских государств.

Свою непригодность к новым реалиям, а самое главное – нежелание обнаружили фактически все институты международной безопасности – ООН, ОБСЕ, НАТО. Основные вызовы безопасности связаны с глобальным кризисом систем общественной и политической организации и идеологических устоев мироустройства. Глобальные вызовы связаны и с определенной некомпетентностью и неэффективностью дипломатических действий некоторых государств во взаимодействии с новыми государствами-участниками. В основном это заранее запрограммированное действие, рассчитанное на дестабилизацию в мировых отношениях.

Вызовы международной безопасности связаны также с нарастанием экономического разрыва и социальной разобщенности между США и западно-европейскими государствами, а также являются следствием конкуренции на международном рынке. К числу вызовов безопасности относится и дефицит ресурсов. Это одна из определяющих причин.

Одним из серьезных вызовов безопасности является международный терроризм. Терроризм – один из вариантов тактики политической борьбы с применением идеологически мотивированного насилия. И в этом вся трагедия складывающейся ситуации. События последних лет – ее подтверждение. Вместо коллективной работы в международных отношениях главенствуют «двойные стандарты» в моральном поведении руководителей политических элит отдельных западно-европейских государств, конгресса и администрации США. При этом они не гнушаются никакими средствами: открытая ложь, угрозы, санкции, пренебрежительное высокомерное отношение к другим государствам и даже к своим партнерам по блокам и союзам (например, США по отношению к странам ЕС).

Политические действия нынешних правителей в странах Запада и США происходят в политическом пространстве «мораль-власть» с использованием насилия «принуждения». Проводники такой политики утверждают, что в политике нет морали, а есть только целесообразность. Этот принцип эти политики возводят в своеобразную политическую панацею. Такими своими действиями в политике современные ее игроки, руководители США, стран Запада проповедуют макиавеллистский тезис о неприменимости морально-этических ценностей к политической деятельности, которую нужно оценивать, по их мнению, только с точки зрения эффективности способов и средств достижения поставленных целей. Выбор цели зависит от обстоятельств, а не от морали. Поэтому цель следует соотносить со средствами, а средства – с обстоятельствами и результатами. Что и демонстрирует всему миру политика «двойных стандартов» США и их союзников – государств-сателлитов, построенная на открытой лжи.

«Двойные стандарты», т.е. конъюнктурная политика, стали уже обычной практикой в их внутригосударственной политике: в деятельности средств массовой информации и в практике национальных, международных неправительственных организаций, и в международных отношениях. Ежедневная «обработка» своего населения, подача заведомо ложной, необъективной информации о мнимой угрозе со стороны России.

Спецслужбы этих государств фабрикуют различного рода провокации против России (например, «Дело Скрипалей» [14] и др.) с целью дискредитации ее внутренней и внешней политики. Россия открыто выступает против однополярного мира за установление добрососедских, дружественных отношений в многополярной политике.

Сегодня международное сообщество в целом сталкивается с нарастающими угрозами терроризма и экстремизма. Мы знаем, что терроризм – тяжелое преступление, когда одиночки или организованная группа людей стремятся достичь своей цели при помощи насилия. Часто жертвами терроризма становятся невинные люди, среди которых есть и дети. Терроризм – это одна из форм экстремизма, который, в свою очередь, означает приверженность крайним взглядам, методам действия (обычно в политике). США и ведущие западно-европейские государства пытаются получить различного рода дивиденды (например, финансовое спонсирование Великобританией неправительственной организации «Белые каски» в Сирии), которые известны своими провокационными постановками с целью дискредитации политики законного правительства Сирии и России.

Известно много фактов сознательной поддержки отдельными государствами конкретных террористических и экстремистских группировок в интересах дестабилизации и даже смещения «неудобных» режимов, что также приводит к усугублению террористической опасности.

Происходит в международных отношениях откровенно грубое, системное, целенаправленное нарушение (попращение) прав человека, наций, народов, прямое вмешательство в дела, входящие во внутреннюю компетенцию другого государства, даже вопреки решениям ООН.

Одна из драматических коллизий подстергает нравственное сознание, когда в государственной политике используют человека как расходный материал. Во имя достижения своих целей во внутригосударственной и международной политике современная администрация и конгресс США, а также ведущие западно-европейские государства стали «присваивать» себе право на ложь, не считаясь с общечеловеческими принципами морали. Это парадоксально, но факт. Ложь в арсенале их противоправных средств они поставили на службу собственных интересов или интересов какой-либо партии, государства. Тем самым они сознательно оказались в бесправовом поле, что позволяет им руководствоваться в своей деятельности известным принципом: «цель оправдывает средства». Такие политики пытаются тем самым уйти от ответственности, откровенно и цинично демонстрируя, так называемое, свое право как мощного государства на ложь в политике и в своих действиях.

Отсюда информационные войны, которые являются одной из составляющих гибридных войн в современном мире. Арсенал способов ведения информационных войн разнообразен. Все они направлены на поражение информационных технических систем, и на манипуляцию сознанием масс, и на дезинформацию противника. Средства информационных войн стали часто использовать в технологиях «цветных революций».

Проблема права на вмешательство в последние годы обрела контуры концепции гуманитарного вмешательства. Эта проблема приобретает качественно новые измерения.

Многочисленные американские неправительственные организации и фонды являются определяющим информационным проводником и пропагандистским механизмом, действующим на территории других государств. В реальности эти неправительственные организации, фонды стремятся решать в основном сугубо прагматические задачи:

- вмешиваться в политическую, социальную и культурную жизнь того государства, на территории которого они функционируют;
- установление прямых контактов с новым поколением политических элит, активно вмешиваясь в политическую жизнь данного государства с целью дестабилизации политической обстановки;
- установление контроля над политическими силами (особое внимание студенческой молодежи, которая зачастую критически относится к существующему в стране политическому режиму) и т.д.

В последние годы США и западно-европейские государства начали активно использовать новые информационные технологии в ряде международных конфликтов (например, в операции «Буря в пустыне», югославский кризис, на Украине и т.д.).

Целенаправленная дезинформация (это еще один из очередных вышеперечисленных парадоксов морального сознания и как следствие – парадоксов морального поведения политических деятелей) показывает всю остроту идеологического противостояния в сфере международных отношений.

В последнее десятилетие США и ведущие западно-европейские государства стали использовать в своей внешней политике санкции. США стали вводить эти санкции не только против России, Китая, но и против государств-партнеров по Европейскому Содружеству.

В менталитете части интеллектуальной, журналистской и политической элиты евроатлантического сообщества утвердился комплекс «победителей», то есть только США и Запад одни способны и должны решать все мировые проблемы как «миротворцы».

Возможна ли нравственная политика или она безнравственна? Этот вопрос о соотношении политики и морали актуален и на сегодняшний день. Дискуссии на эту тему ведутся давно. Жизнь требует ответа на вопросы:

- в чем суть парадоксов морального сознания?
- в чем суть парадоксов морального поведения?
- возможно ли оправдать насилие?
- возможно ли оправдать ложь?

Считается, что эти вопросы являются вечными и, соответственно, ответы на них неоднозначны. Наша жизнь наполнена противоречивыми, неоднозначными с позиции морали событиями. Особенно драматично складывается ситуация с нравственным сознанием, когда в тех или иных случаях возникшие обстоятельства принуждают его нарушить одну из важнейших моральных ценностей.

Мораль способствует утверждению самоценности человека. Это определяет ряд ее особенностей как действенного фактора жизнедеятельности человека и общества. Мораль есть идеальное и вместе с тем реальное начало сознательной жизни человека.

Мораль – это предельное основание человеческого бытия и существует как вектор сознательной жизни. Она охватывает все многообразие человеческого бытия. Моральное требование только фиксирует несовершенство человека, его удаленность от цели. Мораль – это логически противоречивый феномен. Ее моральные требования не могут быть абсолютными. Она является точкой отсчета ценностного мира (норм, оценок, ценностных представлений), и называют ее общей посылкой «силлогизма» человеческой деятельности.

Морали как явлению присуща исторически конкретная, качественно своеобразная форма, и она зависит от понимания высшего блага.

Функционирование морали и утверждение ею самоценности личности в общественной жизни выявляет ряд специфических трудностей, которые находят свое выражение в деформации морали (парадоксе моральной оценки, парадоксе морального сознания, парадоксе морального поведения).

Существует ложное допущение, из которого следует, будто одним индивидам присуща мораль, а у других она отсутствует. Это свидетельство деформации морали, что является следствием парадокса моральной оценки. Вышеуказанные деформации морали образуют парадоксальные ситуации с нравственным сознанием, что приводит к парадоксам морального поведения, который связан с разведением понятий «добро» (это предмет и наше отношение к нему) и «зло» (разрушение, уничтожение, отрицание положительного опыта). Радикальное различие зла и добра состоит в том, что оно не является необходимым условием бытия личности.

В трактовке *соотношения морали и политики* в философско-этической литературе выделяют несколько концептуальных подходов. Сторонники первого подхода – морализаторского (основы заложил Аристотель) – подчеркивают *нерасторжимую связь политики и морали*.

Морализаторский подход в политике господствовал в общественной мысли вплоть до Нового времени. Он не утратил своего значения в XXI веке. Освобожденный от крайностей – это направление представляло, в частности, в идеологии христианско-демократического движения – одного из самых влиятельных политических движений

современного мира. Такой подход, понимаемый как нравственный ориентир субъектов политики, их стремления сделать ее нравственной, учитывая при этом социальные реальности, способствуют гуманизации политики.

Второй концептуальный подход к проблеме соотношения политики и морали связан с именем Макиавелли. Это идея *отграничения политики от морали*.

Представители этого направления в этической философии исходят из положений, определяющих мораль как сферу вечного, которая регулирует индивидуальные отношения людей на основе их представлений о добре и зле, нравственных ценностей, идеалов и необходимости соблюдения ими соответствующих в обществе определенных нравственных правил. Они выступают за использование в политике принципа политической целесообразности и считают оправданным применение в случае необходимости насилия для достижения, по их мнению, благородных целей.

Третий концептуальный подход к проблеме соотношения политики и морали – это *компромиссный*, стремился примирить отмеченные крайности в интерпретации этой проблемы, предлагал следовать принципу «меньшего зла» при достижении политических целей и использовать при этом шкалу наиболее значимых и менее важных ценностей. Сторонники такого «политического реализма» в решении вопроса о соотношении политики и морали, а также целей и средств в политической деятельности с учетом сложившихся обстоятельств, право выбора оставляли за политиком. Компромиссный подход к соотношению политики и морали преобладает среди большинства учений и нравственных политиков. Он исходит из признания на необходимости учета нравственных норм в политике, учитывая специфику последней.

Выводы:

1. При переходе от общей концептуальной проблемы – политика и мораль – к ее воплощению в концепции «нового мирового порядка» возникает много вопросов, касающихся сущности международных отношений.

Возможно ли сконструировать новый мировой порядок таким, чтобы он воплощал общечеловеческие и моральные ценности? Мы попытались рассмотреть этот вопрос на примере США, которые являются создателями самого понятия «новый мировой порядок». Многочисленные факты из международной практики свидетельствуют об аморальности предлагаемого миропорядка по-американски, идущего вразрез с нравственными принципами международного права.

В устанавливаемом США новом мировом порядке очевиден разрыв между политикой и моралью; углубилась пропасть между словом и делом, обещаниями и выполнением принятых международных обязательств; заметно усилилась агрессивность и амбициозность в решении внешних политических проблем; используются более разнообразные и ухищренные средства, построенные на откровенной лжи и пренебрежении к общественному мнению в международной политике; стала практически обычной практика «двойных стандартов», в которой мораль и политика исключают друг друга.

Внешняя политика США и их партнеров своими действиями пытается вывести проблему «мораль и политика» за скобки тех задач, которые они ставят перед собой, будучи убежденными в том, что «моральные принципы никогда не могут быть полностью соблюдены...» [11, с. 76-78, 82].

На взаимосвязь политики и морали решающее влияние оказывают характер общества, переживаемая историческая эпоха, господствующая социокультурная среда. Следует особо подчеркнуть, что главные общественные функции морали и

политики совпадают. Политика, как и мораль, имеет основание претендовать на защиту общего блага и социальной справедливости, хотя очень часто она далека от выполнения этих гуманных задач.

Политическая практика современного мира, к сожалению, изобилует многими политическими действиями политиков США и западно-европейских государств, которые можно характеризовать как результаты эрозии нравственного сознания и соответственно деформации морального поведения. Это можно рассматривать как целенаправленную политику со стороны этих государств, попирающую международное право и препятствующую установлению в мировой политике нравственно-политических ценностей.

Список литературы

1. Адорно Т.В. Проблемы философии морали / Т.В.Адорно. – М.: Республика, 2000. – 239 с.
2. Американские просветители. Избр. произв. В 2-х т. М.: «Мысль». Т.2.
3. Антология мировой философии. В 4-х т. – М., 1997. – 832 с.
4. Аристотель. Никомахова этика // Аристотель. Сочинения. В 4-х т. – М.: «Мысль» 1983. – 830 с.
5. Бердяев Н.А. Опыт парадоксальной этики/Н.А.Бердяев. – М.: АСТ; [Харьков]: Фолио, 2003. – 701 с.
6. Вебер М. Избранные произведения / Пер.с нем. М., 1990. – 808 с.
7. Кант И. Критика практического разума. – СПб.: Наука: Санкт-Петербург. Изд фирма, 1995. – 528 с.
8. Кант И. О мнимом праве лгать из человеколюбия // Трактаты и письма / Ред. А.В.Гулыга. – М.: Наука, 1980. – 712 с.
9. Кант И. Основы метафизики нравственности // Антология мировой философии. В Т.4. т.3. – М.: «Мысль», 1971. – 760 с.
10. Макиавелли. Государь. – М.: «Планета», 1990. – 79 с.
11. Моргентау Г. Политические отношения между нациями: борьба за власть и мир. Политология. Хрестоматия/Сост. Б.А.Исаев, А.С.Тургаев, А.Е.Хренов. – СПб.: Питер, 2005. – 464 с.
12. Публий Овидий Назон. Метаморфозы. Кн.1. – М.: Худож.лит-ра, 1977.
13. Скворцов А.А. Этика: учебник для бакалавров / А.А.Скворцов. – 2-е изд. испр. и доп. – М.: Из-во «Юрайт», 2015. – 310 с.
14. Уткин А. «Дело Скрипалей»: международно-правовой аспект// Международная жизнь. 2018 (апрель).
15. Экман П. Психология лжи. Обмани меня, если сможешь. – СПб.: Питер, 2015. – 384 с.

УДК 32(075)
ББК 66.01я7

О.В. Усалко, Г.П. Кальдинова

Калмыцкий государственный университет им. Б.Б. Городовикова

ГЕНДЕРНОЕ РАВЕНСТВО И БУДДИЙСКАЯ КУЛЬТУРА

*Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ: грант 18-011-00128 А
«Женщина в буддийской культуре: традиции и современность»*

В статье рассматривается гендерный аспект учения Будды. Делается вывод о том, что принцип гендерного равенства играет важную роль в буддийской традиции. Чтобы обеспечить гендерное равноправие и социальную справедливость, Будда создал первую в истории Востока женскую религиозную организацию Сангху. Женская монашеская община должна была обеспечить женщин возможностью заниматься духовно-нравственным совершенствованием. Будда, вероятно, считал, что там, где существует гендерное неравенство, где женщины находятся в крайне неблагоприятном положении, сложно реализовать на практике основные принципы его учения. Поэтому очень важным аспектом буддизма является содействие гендерному равенству в социуме, расширению прав и возможностей женщин, стремление к тому, чтобы женщины самостоятельно управляли своим духовным развитием. Гендерное равенство в буддизме не означает, что мужчины и женщины становятся полностью одинаковыми, оно означает только то, что доступ к возможностям и изменениям в духовной жизни не ограничен их полом. Таким образом, Будда создал благоприятные условия для расширения прав и возможностей женщин в принятии решений, с тем чтобы и женщины, и мужчины могли в полной мере участвовать в качестве равных партнеров в духовной жизни общества.

Ключевые слова: буддизм, женщина, женское монашество, гендер, гендерное равенство.

O.V. Usalko, G.P. Kaldinova

Kalmyk State University named after B.B. Gorodovikov

GENDER EQUALITY AND BUDDHIST CULTURE

*(The article is written with the financial support of RFBR, research project No. 18-011-00128 A
«Woman in Buddhist culture: traditions and contemporary times»)*

The aim of this article is to explore the gender aspect of Buddhist teaching. The study confirmed that the idea of gender equality plays a very important role in Buddhist tradition. The Sangha was originally established by Gautama Buddha. It was the first Asian female organization providing the gender equality and social justice. The Sangha has historically assumed responsibility for providing opportunities for women to maintain their spiritual and moral improvement. Buddha probably thought that if there is gender inequality and women are treated inappropriately it will be hard for them to practice his original teaching. Thus, one of the most important aspects of Buddhism is providing gender equality in the community, promoting women's rights and opportunities, supporting their aspiration to manage spiritual evolution. But gender equality in Buddhism does not mean that men and women are fully similar; it means that their access to opportunities and changes in spiritual life is not restricted by their gender. So Buddha created favorable conditions for promoting women's rights and opportunities in order to let men and women be equal partners in spiritual life of the society.

Key words: Buddhism, woman, female monasticism, gender, gender equality.

Гендерное равенство как принцип равенства полов играет важную роль в деле обеспечения мира и гармонии в социуме. Гендерное равенство необходимо для полноценной реализации человеческого потенциала мужчин и женщин на основе

устойчивого развития. Известно, что в обществе, где существует выраженное гендерное неравенство, как правило, женщины находятся в крайне неблагоприятном положении. Поэтому критически важным аспектом содействия гендерному равенству является расширение прав и возможностей женщин самостоятельно управлять своим духовным развитием и реализовывать его в собственной жизни. Достижение гендерного равенства требует расширения прав и возможностей женщин в принятии важных решений, чтобы и женщины могли в полной мере участвовать в качестве равных партнеров в социальной жизни [1].

В связи с этим вполне оправдано обращение к теме гендерного равенства в буддийской культуре. Некоторая информация по данному вопросу содержится в работах Г.М. Бонгард-Левина и Г.Ф. Ильина [2, 3], Т.В. Ермаковой и Е.П. Островской [4]. Необходимо также отметить статьи А.Ю. Гуннского [5] и Н.Ю. Приходько [6]. Интерес также представляет монография А.В. Чебунина «Учение китайского буддизма о человеке и обществе» [7] и диссертация О.М. Бальжитовой «Положение женщины в буддизме Индии, Монголии и Бурятии» [8]. Из зарубежных исследователей можно отметить работы Р.Гросс [9], Р.В. Кумар [10], Т.Д. Бартоломеуз [11], П. Робинсон-Арай [12], Ю. Кэмпбелл [13], М. Шо [14] и т.д.

В «Ригведе», самом раннем литературном произведении индоарийцев, говорится о почетном месте, которое занимали в древнем индийском обществе женщины. Вероятно, доступ к участию в религиозных обрядах был обусловлен их авторством некоторых гимнов этого произведения [13, с.768]. Спустя некоторое время, когда брахманы стали доминировать в общественной жизни, а религия полностью оформилась и приобрела значимость через сложную систему ритуалов, мы можем говорить о тенденции к изменению, понижению социального статуса женщины в древнем обществе.

Свод законов Ману ограничивал в то время религиозные права женщины, возможность развиваться духовно и интеллектуально и вследствие этого достигать спасения души. Единственная возможность сделать это – подчиненное служение противоположному полу в лице мужа, даже если он далек от совершенства. Кроме того, законы Ману лишали женщину права самостоятельно совершать обряды и жертвоприношения. Женщина, на основе этих законов, объявлялась грешным и склонным ко злу существом, которое должно постоянно контролироваться мужчиной, дабы быть целомудренной и избежать соблазнов и неприятностей. Её удел – это постоянная домашняя работа, предоставляющая возможность сохранить свою добродетельность в патриархальном обществе того времени [16, с.176].

Значение мужского начала было очень высоко. Это проявлялось в похоронных обрядах, которые мог проводить для своего умершего отца только сын, тем самым обеспечивая его счастье в другой жизни. С помощью сына достигалось бессмертие отца. Поэтому рождение дочери становилось причиной для скорби, а жена, не способная родить сына, могла быть заменена другой. Роль женщины в древности была утилитарной, несмотря на прославление материнства.

Коренные изменения в положении женщины в индийском обществе происходят в связи с появлением буддизма. Основой учения Будды является стремление к освобождению от страданий всех существ, в том числе и женщин. Таким образом, согласно буддизму, женщина может освободиться, предприняв индивидуальные усилия, что в итоге нивелирует социальную исключительность мужчины. Это была своего рода революция, предоставлявшая женщине право на самостоятельное духовное совершенствование. «Женщина ... может оказаться даже более благородной, чем мужчина...» – говорил Будда. Чтобы помочь женщинам заниматься саморазвитием, Будда создал

Орден Бхикхуни, первую монашескую организацию женщин [17, с.58]. Согласно И.Б. Хорнер, Будда предоставил женщинам положение, приближенное к равенству [18, с. 282].

Улучшению положения женщин способствовало и отношение раннего буддизма к обряду погребения. Так, перерождение в буддизме зависит не от правильного проведения обрядов погребения человека, а от образа жизни и настроения мыслей умершего. Отсюда нет ритуальной и церемониальной необходимости скорбеть по поводу рождения дочери. Буддийская похоронная церемония в раннем буддизме была очень проста, и ее могла совершить как вдова или дочь, так и кто-либо другой, а присутствие сына не было обязательным условием.

Несмотря на признание духовного потенциала женщин и того факта, что сын не является абсолютной необходимостью для обеспечения счастья в загробной жизни, в буддийских обществах на сегодняшний день все же предпочтение отдается потомству мужского пола, поэтому идеология мужского превосходства пока еще сохраняется. Идеалы буддизма о равенстве мужчины и женщины оказались бессильны против универсальной идеологии супрематизма, которая доказывает врожденное превосходство мужчины, основываясь на учении буддизма о карме и перерождении и обосновывая то, что пол человека имеет огромное значение в будущих перерождениях. Согласно закону кармы, пол определяет положение человека в социуме, его богатство и талант. Рождение женщины связано с более плохой кармой человека в прошлой жизни. Этим аргументируется и религиозно санкционируется низкий социальный статус и подчиненное положение женщины по отношению к мужчине.

Будда понимал, что мир и гармония в обществе в значительной степени обеспечивается женщиной. Его наставления женщинам об их роли в их семейной жизни были реалистичными и практичными. Он перечислил множество ежедневных качеств, которым женщина должна следовать, прежде всего, в семье. Будда советовал жёнам: не иметь злых мыслей против своего мужа; не быть жестокой, грубой или властной; не быть расточительной, но быть экономной и жить по средствам; жена должна усердно охранять и беречь имущество мужа и все заработанные деньги; всегда должна быть добродетельной и целомудренной в мыслях и поступках; должна быть верной и не питать никаких мыслей о каких-либо прелюбодеяниях; должна быть утонченной в речи и вежливой в действии; должна быть доброй, трудолюбивой; должна быть вдумчивой и сострадательной к своему мужу, и ее отношение должно приравниваться к отношению матери, любящей и защищающей своего сына; должна быть скромной и уважительной; должна быть спокойной и понимающей, выступая не только как жена, но и как друг и советник своего мужа, когда в этом возникает такая необходимость [19].

Будда также указывал на различные трудности и проблемы, которые должна была преодолеть женщина. Например, испытания и невзгоды, которые должна перенести женщина в муках расставания со своей семьей в день своего брака, и травма, связанная с проживанием в новой среде, чреватой проблемами и трудностями. К ним добавляются физиологические боли и страдания, которым подвергается женщина во время беременности и родов. Все это лишь естественные явления, которые отражают обстоятельства, связанные со статусом женщины. Учения Будды об истинной природе жизни и смерти, о карме и сансаре способствовали изменению отношения к женщинам. Будда подтвердил способность женщин достигать полного духовного совершенствования и развития.

Буддийская монашеская община (Сангха) является самым древним и непрерывно функционирующим человеческим институтом в истории буддизма, в котором осуществляли свое духовное развитие и женщины. Монашеская община буддизма является

первым социальным учреждением на Востоке, которое придало женщине высокий духовный статус. Записи Священных Писаний самых ранних традиционных течений буддизма показывают, что бхиккхуни (женщины-монахини) достигали просветления («арахата-пхала») не только во время жизни Будды, но и после нее [подр. 20].

В то же время, согласно буддийской традиции, Будда сомневался в «рукоположении» женщин в монашество, и этому были серьезные основания. Монашество обрекало женщин на нищенское существование, поскольку слово «монах» – «бхиккху» буквально означает «нищий». Поэтому озабоченность Будды страданиями женщин, ведущих монашеский образ жизни, и нежелание его разрешать и поощрять женщинам нищенское существование понятна. Таким образом, его правила, требующие постоянного приобщения сообщества женщин-монахов (бхиккхуни-сангха) к мужчинам-монахам (бхиккху), представляющие собой восемь гарудхамм, были рациональными и обоснованными. Эти восемь правил, наложенных на женщин-монахинь, являются вынужденным регулированием повседневной монашеской жизни, отражающим реалии жизни того времени [17, с.58].

Даже если при чтении этих правил явно не раскрывается фактическое равенство между мужчинами-монахами и женщинами-монахами в Сангхе, то все равно понятно, что женщины-монахини (бхиккхуни) просто благодаря монашескому сану получали в обществе достаточно высокий статус.

Существует немалое количество буддийских текстов, как косвенно, так и явным образом противодействующие патриархальным тенденциям в обществе. Например, в «Сигалака-сутте» (также известной как «Сигаловада-сутта») перечисляются, помимо прочих социальных обязанностей, пять основных обязанностей мужчины перед своей женой. К ним относятся верность ей и, что еще интереснее, передача ей полномочий. Первое достаточно интересно тем, что многоженство в то время было довольно широко распространено, но призыв к мужьям уступать власть своим женам был неслыханным явлением [21].

Выдающимся произведением в буддизме является литература, относящаяся к Винаи, которая представляет собой совокупность текстов, касающихся свода законов, определяющего стандарты поведения буддийских монахов и монахинь. Эти стандарты представляют собой общие этические правила поведения. В палийской Винаи для нас важны три текста, созданных специально для монахинь: Бхиккхуни Кандхаба, Бхиккхуни Вибханга и Куллавагга, связанные со статусом монахини в буддийской сангхе. Куллавагга является наиболее часто упоминаемым текстом в буддийских дискуссиях о гендере. В тексте сообщается о правилах поведения, составляющих основу сообщества монахинь.

Согласно Куллавагге, Будда первоначально отклонил рукоположение женщин в Сангхе. Но затем изменил свое решение после разговора с Анандой, его личным помощником и главным учеником. В ходе этой беседы Будда допустил вхождение женщин в Сангху, если они согласны были следовать восьми правилами, важнейшее из которых заключалось в том, что монахиня всегда должна преклоняться перед любым монахом, несмотря на ситуацию, возраст или количество лет [22]. В каноне также содержится история рукоположения Махападжапатти Готами, приемной матери Будды, и формулируются восемь гарудхамм. Следует отметить, что Сангха монахинь, на наш взгляд, была своеобразным социальным экспериментом для своего времени [23, с.168].

По мнению М.С. Уланова, «данная гендерная позиция Будды не является причиной для упрека буддизма в дискриминации женщин. Здесь необходимо учитывать состояние индийского общества того времени и то место, которое в нем отводилось женскому полу.

В обстоятельствах крайне патриархального древнеиндийского общества ограничения и правила, предложенные Буддой, по всей вероятности являлись вынужденным шагом, направленным на учет реалий социальной жизни. Учитывая порой невыносимое положение женщин в Индии, возникала опасность, что монашество могло рассматриваться некоторыми женщинами как альтернатива тяжелым условиям их жизни. Это могло привести к тому, что в сангхе окажется заметное количество женщин, которые стали монахинями не из искреннего устремления к просветлению, а ради улучшения социального положения, что повлекло бы за собой упадок буддизма» [24, с.17-18].

Буддизм имеет сложные и многогранные отношения с семьей, семейной жизнью и семейными беседами. Учение буддизма сосредоточено больше на монашеском пути, который включает в себя отказ от всех семейных связей – следуя идеальной модели самого Будды, который оставил своих родителей, жену и сына, чтобы трудиться для достижения конечной цели – состояния Просветления. Многие буддийские тексты характеризуются сильным отречением и антисемейным дискурсом, в котором семья изображается как основной источник привязанности, заблуждения и страдания. Тем не менее, чтобы выжить, буддизм также опирается на окружающее сообщество мирян, которое организовано на семейной основе.

На практике буддизм учитывает и поддерживает семью различными способами: например, давая пастырские советы по ведению семейной жизни; продвигая ритуалы и практики, способствующие репродуктивности и успеху семьи. Более того, само по себе буддийское духовенство на практике часто приспособляло семейные отношения к жизни в стенах монастыря, что способствовало появлению женатого духовенства, занимающегося домашним хозяйством. Подобные примеры известны в Монголии, Японии, России и, по мнению К.А. Наднеевой, представляют собой дестабилизацию религии [25, с.107]. Во всей Азии семейное прошлое монахини часто оказывало влияние на ее монашескую карьеру. Буддийская Сангха часто использовала семейные традиции для своих собственных целей, представляя себя как «высшую», более духовную семью.

Сегодня лишь несколько монашеских традиций, например, в Шри-Ланке, некоторых частях Юго-Восточной Азии и тибетских культурных зонах, отрицают полное посвящение женщин-монахинь, заявляя, что традиция монахинь была нарушена давно и без авторитета Будды не может быть возобновлена.

В целом, согласно буддийской традиции, пол человека, каста или национальность не представляют никаких препятствий для достижения буддийской цели – нирваны или просветления, поэтому женщины могут следовать по пути освобождения и стать архатами, буддийскими святыми, которые полностью избавились от страдания и цикла смерти и возрождения (сансара). Духовный путь открыт как для мужчин, так и для женщин.

Во многих буддийских текстах провозглашается равный потенциал женщин и мужчин в достижении высших целей на пути к просветлению. Огромное количество буддийских литературных источников определяют важную роль женщины в развитии буддийских традиций, подчеркивают их потенциал как духовных лидеров. Буддийские женщины давно уже выступают в качестве авторов священных текстов и совершают важные ритуальные обязанности. В Гималаях, в общинах, связанных с аскетической практикой *Ньюнгне*, часто доминируют женщины, которые также собирают средства для строительства собственных храмов, организации собственных выступлений [26, с.78]. В современном мире появились монахини, имеющие степень доктора буддийской философии. Эти примеры демонстрируют интеллектуальные

возможности женщин в буддийских общинах. Буддизм также открыл новые возможности, особенно в конфуцианских обществах Восточной Азии, где позволено женщинам достигать образованности и духовного развития.

Итак, рассмотрев гендерный аспект учения Будды, можно сделать вывод о том, что принцип гендерного равенства играет важную роль в буддийской традиции. Чтобы обеспечить гендерное равноправие и социальную справедливость, Будда создал первую в истории Востока женскую религиозную организацию Сангху. Женская монашеская община должна была обеспечить женщин возможностью заниматься духовно-нравственным совершенствованием. Будда, вероятно, считал, что там, где существует гендерное неравенство, где женщины находятся в крайне неблагоприятном положении, сложно реализовать на практике основные принципы его учения. Поэтому очень важным аспектом буддизма, на наш взгляд, является содействие гендерному равенству в социуме, расширению религиозных прав и возможностей женщин, стремление к тому, чтобы женщины самостоятельно управляли своим духовным развитием. Гендерное равенство в буддизме не означает, что мужчины и женщины становятся полностью одинаковыми, оно означает только то, что доступ к возможностям и изменениям в духовной жизни не ограничен их полом. Таким образом, Будда создал благоприятные условия для расширения прав и возможностей женщин в принятии решений, с тем чтобы и женщины, и мужчины могли в полной мере участвовать в качестве равных партнеров в духовной жизни общества.

Список литературы

1. Женщина – гендер – культура. – М: МЦГИ, 1999. – 368 с.
2. Бонгард-Левин Г. М. Древнеиндийская цивилизация 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Наука. Издательская фирма «Восточная литература», 1993. – 320 с.
3. Бонгард-Левин Г.М., Ильин Г.Ф. Древняя Индия. Исторический очерк. – М.: Глав. ред. вост. лит., 1969. – 736 с.
4. Ермакова Т.В., Островская Е.П. Классический буддизм. – СПб.: Азбука-классика; Петербургское востоковедение, 2004. – 256 с.
5. Гуннский А.Ю. Женщины в раннем буддизме (по материалам палийского канона) [Электронный ресурс]. URL: <https://dhamma.ru/lib/authors/gunsky/women.html>
6. Приходько Н.Ю. Феминистский дискурс мировых религий: статус женщины в буддийской традиции // Известия Дальневосточного федерального университета. Экономика и управление. 2009. №4. – С. 95-104.
7. Чебунин А. В. Учение китайского буддизма о человеке и обществе. – Улан-Удэ: Изд.-полигр. комплекс ФГОУ ВПО ВСГАКИ, 2009. – 274 с.
8. Бальжитова О.М. Положение женщины в буддизме Индии, Монголии и Бурятии: автореф. дис. ... канд. филос. наук. – Чита: ЧГУ, 2007. – 23 с.
9. Gross R. Buddhism After Patriarchy: A Feminist History, Analysis, and Reconstruction of Buddhism. – Albany: State University of New York Press, 1992. – 376 p.
10. Kumar R.V. Women in Buddhist art. – Delhi: Agam Kala Prakashan 2012. – 258p.
11. Bartholomeusz T.J. Women under the Bo Tree. Buddhist Nuns in Sri Lanka. – Cambridge Cambridge University Press, 1994. – 284p
12. Robinson Arai P.K. Women who live in Zen: Japanese Buddhist nuns of the Soto tradition. – New York; Oxford: Oxford University Press. – 272 p.
13. Campbell J. Traveller in Space: Gender, Identity, and Tibetan Buddhism. – London; New York: Continuum, 2002. – 236 p.
14. Шо М. Страстное просветление. Женщины в тантрическом буддизме. – М.: Добрая книга, 2001. – 368 с.

15. Ригведа: Мандалы I–IV. Пер. Т.Я. Елизаренковой. – М.: Наука, 1989. – 768 с.
16. Уланов М.С., Троицкий А.А. Женщина в индийском буддизме // Вестник Калмыцкого университета. 2018. №1. – С.174-181.
17. Уланов М.С. Женщина в буддийской культуре: религиозные и социальные аспекты // Вестник Калмыцкого университета. 2015. №3. – С.57-61.
18. Horner, I. B., Women under Primitive Buddhism: Laywomen and Almswomen. – London: Routledge, 1930. – 391 p
19. Традиции семьи и брака в буддизме [Электронный ресурс].URL: <https://sangharussia.ru/traditsii-semi-i-braka-v-buddizme>
20. Саньютта Никая. Дхиту сутта, СН 3.16. [Электронный ресурс]. URL: http://theravada.ru/Teaching/Canon/Suttanta/Texts/sn3_16-dhitu-sutta-sv.htm.
21. Сигаловада сутта. Беседа с Сигалой – кодекс дисциплины для мирянина [Электронный ресурс].URL: <https://dhamma.ru/canon/dn/dn31.htm>
22. A Buddhist View of Women: A Comporative Study of the Rules for Bhik.suniis and Bhik.sus on the Chinese Praatimok.sa [Электронный ресурс]. URL: <https://blogs.dickinson.edu/buddhistethics/2010/04/07/a-buddhist-view-of-women-a-comparative-study-of-the-rules-for-bhik-su-niis-and-bhik-sus-based-on-the-chinese-praatimok-sa/>
23. Kulke H. A History of India. – New York: Barnes & Noble, 1986. – 409 p.
24. Уланов М.С. Буддизм в феминистском контексте: исторический опыт и современный дискурс // Logos et Praxis. 2019. №2. – С.14-23.
25. Наднеева К.А. Феномен дегабуизации в религиях мира // Вестник Калмыцкого университета. 2019. №3. – С.104-110.
26. Прензель Ангелика. Небесные танцовщицы. Истории просветленных женщин Индии и Тибета. – М.: Ориенталия, 2013. – 286 с

УДК 243.4
ББК 86.35

Ю.Ю. Эрендженова

Калмыцкий государственный университет имени Б.Б. Городовикова

ИНТЕНЦИИ СОЗНАНИЯ ОЙРАТОВ И ТИБЕТЦЕВ В ПРОЦЕССЕ ИХ РЕЛИГИОЗНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект №19-18-00118)

В статье представлены результаты исследования религиозных взаимоотношений ойратов, как ранее именовали себя российские калмыки, и тибетских буддийских деятелей. Религиозные связи рассмотрены как элемент системы, наряду с религиозным сознанием и религиозной деятельностью (Н.И. Яблоков). Обращение к особенностям религиозного сознания ойратов и тибетцев посредством герменевтико-феноменологического анализа (Ж. Ваарденбург) позволило акцентировать внимание на интенции и субъективном значении религиозных связей для самих участников взаимодействия. Для поставленной цели автором были выделены фундаментальные мировоззренческие структуры тибетской буддийской культуры (ее универсалии): «единство метода и мудрости» как теоретическая основа учения; «тантра» как практическая реализация теории; «духовный учитель» как необходимый медиатор в процессе духовного совершенствования. Отмечено, что данные категории могли иметь существенное значение в процессе религиозного взаимодействия тибетцев и ойратов. В частности, специфический тантрический культ оказывал мощное психологическое воздействие на ойратов, вызывая благоговейный трепет и веру, что привело к религиозной конверсии. Вероятно, вера стала тем субъективным значением, которое вкладывали ойраты в понимание ими необходимости религиозных отношений с тибетскими буддистами. Те, в свою очередь, руководствуясь соматологическими мотивами, основанными на теории «единства метода и мудрости», могли считать важным поддерживать взаимоотношения с ойратами.

Ключевые слова: буддийская традиция калмыков, ойраты, тибетцы, тибетский буддизм, религиозные отношения, субъективное значение, интенции сознания.

Yu. Yu. Erendzhenova

Kalmyk State University named after B.B. Gorodovikov

INTENTIONS OF CONSCIOUSNESS OF OIRATS AND TIBETANS IN THE PROCESS OF THEIR RELIGIOUS INTERACTION

(The article is written with the financial support of RFBR, research project No. 19-18-00118)

The article presents the results of a study of the religious relationships of the Oirats (as the Russian Kalmyks previously called themselves) and Tibetan Buddhist figures. Religious relations are examined as an element of the system along with religious consciousness and religious activity (N.I. Yablokov). The consideration of the peculiarities of religious consciousness of the Oirats and Tibetans through hermeneutical and phenomenological analysis (J. Waardenburg) made it possible to focus on the intention and subjective significance of religious interaction for its participants. For this purpose, the author has identified the fundamental worldview structures of Tibetan Buddhist culture (its universals): "the unity of method and wisdom" as the theoretical basis of teaching; "tantra" as a practical implementation of the theory; "spiritual teacher" as a necessary mediator in the process of spiritual perfection. It is noted that these categories could have specific significance in the process of religious interaction between the Tibetans and the Oirats. In particular a specific tantric cult had a powerful psychological effect on believers, causing awe and faith in them, which led to the religious

conversion. Probably faith became the subjective meaning that the Oirats put in their understanding of the need for religious relations with Tibetan Buddhists. In turn, Tibetan Buddhists guided by soteriological motives based on the theory of "unity of method and wisdom", could consider it important to maintain relations with Oirats.

Key words: *Buddhist tradition of Kalmyks, Oirats, Tibetans, Tibetan Buddhism, religious relations, subjective meaning, intentions of consciousness.*

Комплексное исследование буддийской культурной традиции калмыков России требует выявления ее генезиса, сущностных характеристик и отличительных особенностей. В частности, интерес представляет активное религиозное взаимодействие калмыков с тибетскими буддистами, которые имеют довольно высокий статус в калмыцком обществе. Ярким примером этого является особое отношение калмыков к тибетскому буддийскому деятелю Далай-ламе XIV как к их безусловному религиозному лидеру. В связи с этим возникают следующие вопросы: каким образом сложились взаимоотношения калмыков с тибетцами, что лежало в основе их религиозных связей, а, главное, какое значение эти отношения имели для их участников.

Известный отечественный религиовед Н.И. Яблоков определяет религиозные связи как особый вид отношений в духовной сфере, складывающихся в соответствии с религиозным сознанием и реализующихся посредством религиозной деятельности. По мнению ученого, для выявления специфики религиозных отношений следует раскрыть содержание следующих вопросов: 1) причины, обусловившие появление и существование этих отношений; 2) характеристика религиозного сознания, в соответствии с которым формируются отношения; 3) содержание и структура религиозной деятельности, которую осуществляют участники отношений; 4) контингент участников религиозных отношений в тех или иных исторических условиях; 5) взаимодействие религиозных отношений с другими формами коммуникации [19]. Таким образом, при исследовании религиозных связей следует проводить комплексный анализ всей религиозной традиции.

Большая часть из предложенного Н.И. Яблоковым алгоритма действий была принята исследователями, изучавшими особенности калмыцко-тибетских взаимоотношений в период, когда калмыки еще именовались ойратами. Так, на основе хроник и правовых документов В.П. Санчилов [14], В.Д. Шакаба [18], Б.У. Китинов [9], Р. Таупьер [20], Э.П. Бакаева [2] рассмотрели исторические и политические предпосылки формирования религиозных взаимосвязей ойратов и тибетцев. Сведения полевых исследований и анализа письменных источников дают картину религиозной деятельности ойратов и тибетцев (функционирование буддийских монастырей, совершение ежедневных ритуальных практик мирянами, празднование канонических событий и др.) [3; 7; 11; 12; 16; 26].

Опора на обширный эмпирический материал предоставляет возможность анализа интенций религиозного сознания ойратов и тибетцев в процессе их взаимодействия. Для поставленной цели считаем необходимым выделить сущностные категории тибетского буддизма и определить их субъективное значение для тибетцев и ойратов, что и позволит понять их вероятностную интенциональность при формировании и развитии религиозных взаимоотношений. Методологическим основанием исследования выступает «новая методика» феноменологии религии голландского ученого Ж. Ваарденбурга, который считал, что комплексное исследование религии требует изучения ее истолкований самими верующими [5].

Исследователями признается, что ойраты и тибетцы причисляли себя к специфическому направлению в буддизме – Ваджраяне (с санскр. Алмазная колесница).

Ваджраяна является ответвлением Махаяны и характеризуется совокупностью отличительных черт, которые, на наш взгляд, могут иметь существенное значение при анализе религиозного сознания тех, кто входит в тибетскую буддийскую традицию. В связи с этим обратимся к краткому обзору тибетского буддизма и постараемся выделить те его особенности и базовые категории (универсалии), которые во многом обуславливают мировоззренческие смыслы верующих. В данном случае мы опираемся на мнение академика В.С. Степина о том, что в системе универсалий человек той или иной культуры оценивает, осмысливает и переживает мир, сводя все явления действительности в единое целое. В процессе социализации человека усваиваются смыслы универсалий культуры, что определяет контуры его индивидуального понимания мира и соответствующих действий [15].

Тибетолог Дж. Туччи в своем фундаментальном труде «Религии Тибета» представил систематическое видение тибетского буддизма и выделил следующие его особенности: многоуровневый культ с ритуальными элементами и магическими приемами (в том числе добуддийских верований); дифференциация буддийского сообщества на традиции (нъингма, сакья, кагью, кадам, гелуг) и их субтрадиции; доминирование теории пустотности в монастырском дискурсе (преимущественно в интерпретации школы мадхьямиков); тантрическая практика на основе понимания нераздельности интуиции (санскр. праджня) и метода (санскр. упая); видение «природы Будды» в уме Ясного света; функционирование института «перерожденцев»; высочайший авторитет религиозных учителей [16, с. 52-73].

Опора на выводы тибетолога и обращение к наиболее авторитетным в тибетском буддизме религиозно-философским текстам «Коренные строфы о срединности» Нагарджуны [1], «Вступление на путь Бодхисаттвы» Шантидевы [23], «Ожерелье воззрений» Падмасамбхавы [24], «Драгоценные четки Бодхисаттвы» Атиши [21], «Субхашита» Сакья-пандиты Кунга Гьялцена [25], «Большое руководство к этапам пути пробуждения» Чже Цонкапы [17], «Мир тибетского буддизма» Далай-ламы XIV [6] позволили выделить те категории, которые можно считать универсалиями всей тибетской буддийской культуры. В их числе: «единство метода и мудрости», понимаемое как целостное восприятие бодхичитты (альтруистическая устремленность к просветлению) и теории пустотности бытия; «тантра» как основополагающая практика в традиции Ваджраяны; «духовный учитель» как необходимый медиатор в процессе духовного совершенствования. Выделенные универсалии изложены в базовом буддийском тексте «Прибежище» [22], широко распространенном среди верующих, а потому можно считать, что они составляют мировоззренческую основу носителей тибетской буддийской культуры и тем самым влияют на их субъективное восприятие реальности.

Ж. Ваарденбург отстаивал точку зрения о том, что человеческая реальность всегда является направленной и преднамеренной, и для интерпретации этой реальности ее следует изучать как взаимодействие человеческих интенций. Особенно важным это становится в религиозных исследованиях, поскольку интенция должна быть представлена как центральное понятие в сфере религии [5, с. 141-142]. Для этого ученый рекомендует опираться на фактический контекст и тщательно ознакомиться с идеалами и стремлениями, иллюзиями и разочарованиями тех, кто является объектом изучения. Посредством *эпохе* следует искать то, что сущностно, то есть является смыслом или значением. Максимально же достоверная интерпретация интенций будет возможна при частичном применении психоанализа [5, с. 129-131].

Для анализа интенций сознания тибетцев и ойратов обратимся, в первую очередь, к истории возникновения и развития их отношений. Согласно устоявшейся версии,

ойраты впервые столкнулись с тибетцами в XIII веке, находясь в составе Монгольской империи. Впоследствии Хубилай-хан (1260-1271) признал буддизм государственной религией, и значительную роль в этом сыграл сакьяпинский учитель Пагба-лама (1235-1280), который приобщил хана к тантрической практике [7]. Несмотря на то, что исследователи отмечают приверженность ойратов к традиции кагью в тот период [9, с. 66-67], первостепенное значение имеет сам факт распространения у них тибетской формы буддизма.

О непосредственных религиозных отношениях ойратов и тибетцев упоминается в тибетских хрониках, где повествуется о том, что в XVII веке гелугпинцы обратились к ойратам за военной помощью против приверженцев традиции карма-кагью. В ответ на просьбу ойратское войско под предводительством хошутского Гуши-хана (1582-1654) разгромило кагьюпинцев и обосновалось на территории самого Тибета. Так возникло Хошутское ханство, Гуши-хан был удостоен титула «Тэнзин Чойкы Гьелпо» (с тиб. Религиозный царь и Хранитель буддийской веры), а глава традиции гелуг Далай-лама V Нгаванг Лобсанг Гьяцо (1617-1682) сосредоточил в своих руках власть над всем Тибетом [2; 14; 18, с. 115-124]. Таким образом, ойраты сыграли важную роль в развитии тибетской буддийской традиции и формировании ее современной формы при доминировании школы гелуг. Сами ойраты выразили свою приверженность школе гелуг в своем правовом документе «Великое уложение» в 1640 году, где в преамбуле изложили все выделенные выше универсалии тибетского буддизма, а также перечислили имена наиболее почитаемых гелугпинских иерархов [8]. При этом важно понять их интенции и стремления, равно как и мотивы тибетских буддийских лидеров, которые способствовали распространению буддийской религии в ойратском обществе.

В этом отношении интерес представляет исследование религиозного обращения (конверсии) психологом И.С. Булановой, которая выделила самый распространенный тип новообращенных (55% опрошенных) и назвала его «катарсическим». Данный тип обращения характеризуется максимальной наполненностью смысла во всех сферах жизни после обретения новой веры, что может быть вполне заметно для внешнего окружения. Трансформация не только происходит в различных смысловых сферах, но и дополнена активным действенным началом, когда верующий стремится реализовать свою жертвенность и альтруизм, становится более продуктивным и работоспособным. При столкновении с трудными жизненными ситуациями у новообращенных может появиться ощущение святости. Предполагается, что в процессе катарсиса как разрядки высокого эмоционального напряжения и фрустрации, являющихся детерминантами обращения, высвобождается большое количество энергии, которая трансформируется и переходит в активное стремление реализовать возникшие религиозные убеждения и идеи [4, с. 293-294]. Конечно, применение этих выводов к процессам религиозной конверсии, происходившим несколько столетий назад, довольно спорно – в данном случае можно лишь сделать некое предположение.

Известно, что «гегемония ойратов» (их фактическое доминирование в управлении всей Монгольской империей) сменилась «темным периодом», о котором практически нет никаких сведений. Исследователи считают, что в это время ойраты терпели многочисленные поражения, стали разобщенными и вследствие этого более не были способны оказывать влияние на геополитику региона [10]. Этот период длился с середины XV до конца XVI вв., однако уже в первой половине XVII века произошла консолидация ойратского общества, способствовавшая созданию трех государственных образований (Джунгарское, Хошутское и Калмыцкое ханства), сыгравших значительную роль в истории.

Очевидно, подъем был обусловлен рядом причин, в числе которых могла быть и трансформация мировоззрения ойратов вследствие религиозного обращения. Если предположить, что в «темный период» ойраты находились в состоянии кризиса, то такой скорый выход из него можно соотнести с их вовлеченностью в сотериологическое учение тибетского буддизма о достижении счастья и гармонии в обществе посредством тантрической практики. В результате религиозной конверсии ойраты сформировали веру в существование их особой миссии, которую они должны выполнить в роли защитников священного учения, что предполагало использование деструктивных эмоций во благо самой религии и оправдывало их вовлеченность в военное дело. Когда тибетцы обратились к ойратам с просьбой о защите их учения, те могли на самом деле воспринимать себя как «святое» войско. С этим, вероятно, связана и популярность культа буддийской богини Окун Тенгри (тиб. Палден Лхамо), которая считается защитницей буддийской религии. В свое время Г. Прозрителев исследовал ойратскую военную историю и писал о том, что их знамена с изображениями гневных буддийских божеств имеют своей целью «стремление к победе для достижения на земле общего счастья (мира)» [13, с. 90-95]. Такая интенция, основанная на религиозной вере, несомненно, способствовала поднятию духа и последующему усилению военной мощи. Здесь видится вполне уместной позиция Р. Таупфера, который поэтично назвал ойратов «миротворцами, защищавшими лotosовый трон» [20].

В дальнейшем, в соответствии с катарсическим типом обращения, ойраты стремились реализовать новые религиозные убеждения, проявляя духовное рвение к изучению буддийской теории и ее практике. В связи с тем, что ойраты официально примкнули к последователям традиции гелуг, они стали следовать тому пути, что завещал ее основатель Чже Цонкапа. Ойратские монахи проходили длительное обучение в крупнейших гелугпинских монастырях и придерживались строгой дисциплины, что предписывалось и внутренними законными актами. Миряне из числа ойратской знати считали долгом возводить буддийские храмы по тибетскому образцу, спонсировать перевод религиозно-философской литературы с тибетского языка, оказывать материальную поддержку тибетским учителям в форме крупных пожертвований и совершать паломничества к святым местам Тибета. Ойратским правителям при вступлении на престол в обязательном порядке требовалось благословение Далай-ламы и получение от него особой печати. Остальные ойраты принимали активное участие в буддийских календарных праздниках, совершали ежедневные ритуалы почитания буддийских божеств, обращались к тибетской медицине и астрологии [3; 12].

Что касается тибетских буддистов, то, на наш взгляд, их интенции следует рассматривать в контексте универсалии «единство метода и мудрости». В учении о практиках Бодхисаттвы имеется крайне важное замечание о том, что все его деяния расцениваются с точки зрения альтруистической устремленности [23, р. 6-7]. Так, если признать, что сознание Далай-лам и других религиозных деятелей Тибета, долгие годы изучавших и практиковавших пустотность и бодхичитту, было направлено на культивирование идеала Бодхисаттвы и распространение буддийского учения с целью спасения всех живых существ от страданий, то и все их поступки следует оценивать с учетом этого. К примеру, ярко выраженные политические и экономические преимущества, полученные тибетскими лидерами в результате тесного взаимодействия с ойратами, являлись лишь эффективным подспорьем в духовном труде во благо живых существ.

Изучение религиозных феноменов и их субъективное значение для верующих является крайне сложным. В особенности это становится трудным при обращении к событиям прошлого, которые, тем не менее, имеют непосредственную связь с настоящим. Предпринятое нами исследование интенций сознания ойратов и тибетцев

при их религиозном взаимодействии позволило прийти к выводам о том, что субъективное значение универсалий тибетской буддийской культуры во многом определило и специфику взаимоотношений тех, кто считал себя ее последователями. Так, тибетские буддисты, опираясь на осознание пустотности бытия и альтруизм, видя в тантрической практике способ достижения счастья для всех людей, считали необходимым сохранить свою традицию и распространить ее среди ойратов. Те, в свою очередь, соприкоснувшись с миром тантрических ритуалов и найдя в буддийском учении вектор жизненных ориентаций на создание счастливого и гармоничного общества, прониклись религиозной верой, которая имеет важное значение и для их потомков.

Список литературы

1. Андросов В.П. Учение Нагарджуны о Срединности: исследования и перевод с санскрита «Коренных строф о Срединности» («Мула-мадхьямака-карика»); перевод с тибетского «Толкования Коренных строф о Срединности, [называемого] Бесстрашным [опровержением догматических воззрений]» («Мула-мадхьямака-вритти Акутобхайя»). – М: Вост. лит., 2006. – 846 с.
2. Бакаева Э. П. Ойраты и Тибет в XVII-XVIII вв.: об освещении некоторых событий, связанных с хошутами и джунгарами, в тибетской и российской историографии // Вестник КИГИ РАН. – 2016. – Т.27. – №5(27). – С. 3-14.
3. Буддийская традиция в Калмыкии и Западной Монголии: сакральные объекты / Э.П. Бакаева, К.В. Орлова, Н. Хишигт, Ц. Энхчимэг. – М.: Наука – Восточная литература, 2015. – 238 с.
4. Буланова И. С. Религиозное обращение как фактор изменения самосознания // 750 определений религии: история символизаций и интерпретаций: монография / под ред. Е. И. Аринина. – Владимир: Изд-во ВлГУ, 2014. – С. 279-298.
5. Ваарденбург Ж. Размышления о религиоведении, включая эссе работ Герарда ван дер Леу. Классические подходы к изучению религии. Цели, методы и теории исследования. Введение и антология. – Владимир: Изд-во Владим. гос. ун-та, 2010. – 408 с.
6. Далай-лама. Мир тибетского буддизма. Обзор его философии и практики. – СПб.: Нартанг, 2002. – 228 с.
7. Джигме Х. Три цикла передачи посвящений тайной мантры и возникновение особых отношений между Тибетом и Монголией // Труды Института востоковедения РАН. Вып. 23. Тибетология и буддология на стыке науки и религии / отв. ред. С. Л. Кузьмин, Т. Л. Шаумян. – М.: ИВ РАН, 2018. – С. 114-125.
8. Их Цааз («Великое Уложение»). Памятник монгольского феодального права XVII в. Ойратский текст. – М.: Наука, 1981. – 169 с.
9. Китинов Б. У. Священный Тибет и воинственная степь: буддизм у ойратов (XIII – XVII вв.). – М.: Т-во научных изданий КМК, 2004. – 191 с.
10. Кукеев Д. Г. История ойратов до создания Джунгарского ханства (XIII – XVI вв.): автореф. дисс. ... канд. истор. наук. – СПб., 2008. – 21 с.
11. Музраева Д. Н. Буддийские письменные источники на тибетском и ойратском языках в коллекции Калмыкии. – Элиста: ЗАОр «НПП «Джангар», 2012. – 224 с.
12. Позднеев А. М. Очерки быта буддийских монастырей и буддийского духовенства в Монголии в связи с отношениями сего последнего к народу. Изд-е репринтное. – Элиста: Калм. кн. изд-во, 1993. – 512 с.
13. Прозрителев Г. Военное прошлое наших калмык. Ставропольский калмыцкий полк и Астраханские полки в отечественную войну 1812 года. – Ставрополь, 1912. – 354 с.

-
14. Санчи́ров В. П. Теократия в Тибете и роль Гуши-хана в ее окончательном утверждении // Ламаизм в Калмыкии. – Элиста: КНИИЯЛИ, 1977. – С. 14-25.
15. Степин В. С. Философский анализ мировоззренческих универсалий культуры // Гуманитарные науки. – 2011. – № 1. – С. 8-17.
16. Туччи Дж. Религии Тибета. – СПб.: Евразия, 2005. – 448 с.
17. Цонкапа Чже. Большое руководство к этапам пути пробуждения. В 2-х томах. Т. 1. – СПб.: Изд-е А. Терентьева, 2007. – 788 с.
18. Шакабпа В. Д. Тибет: политическая история. – СПб.: Изд-во «Нартанг», 2003. – 428 с.
19. Яблоков Н. И. Религиозные отношения // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. – 2011. – № 1. – С. 182-185.
20. Taupier, R. Mongols and Oirats as Peacekeepers: Buddhist Warriors Behind the Lotus Throne // Mongolians after Socialism. – Ulaan Baatar: Admon Press, 2012. Pp. 199-208.
21. Jo bo rje dpal ldan a ti sha. Jo bo yab sras kyi gsung bgros pha chos rin po che'i gter mdzod byang chub sems dpa'i nor bu'i phreng ba'i rtsa ba bzhugs so // bKa'a gdams glegs bam las btus pa'i chos skor. – New Delhi: Institute of Tibetan Classics, 2005. – Pp. 21-23.
22. sKyabs 'gro // Chos spyod rab gsal skal bzang skye bo'i mgul rgyan zhes bya ba zhugs so. – Mundgod: Drepung Loseling Library Soceity, 2001. – Pp. 1-4.
23. sLob dpon shan ta de va'am zhi ba lha. Byang chub sems dpa'i spyod pa la 'jug pa zhes bya ba bzhugs so. – Delhi: Chos spyod Publ., 2006. – 348 p.
24. Padma 'byung gnas. Man ngag lta ba'i phreng ba. Vol. 1. P. 1-144. [Электронный ресурс] // URL: https://www.tbrc.org/#library_work_ViewInWindow-W24519%7C11KG3697%7C1%7C1%7C144. (Дата обращения: 03.04.2019).
25. Sa pan kun dga' rgyal mtshan gyis brtsams. Sa skya legs bshad. – Beijing: Minzu chuban she, 2015. – 144 p.
26. Тэрнс / на калм. яз., сост. В.П. Дарбакова. – Элиста: Калм. кн. изд-во, 1994. – 98 с.

НАУЧНЫЕ МЕРОПРИЯТИЯ

<i>Октябрь 2019 г.</i>	II Международный научный форум «Один пояс – один путь: образование, наука, культура»
<i>Ноябрь 2019 г.</i>	Международная научно-практическая конференция «Факторы формирования человеческого капитала: анализ и перспективы развития»
<i>Ноябрь 2019 г.</i>	Национальная научно-практическая конференция «Стратегические приоритеты развития экономики региона в условиях цифровой трансформации» в рамках ежегодного форума «Инновационная Калмыкия»
<i>Ноябрь 2019 г.</i>	III Международная конференция «Актуальные проблемы монголоведных и алтаистических исследований»
<i>Ноябрь 2019 г.</i>	III Международный научный форум «Сетевое востоковедение: взаимодействие монгольских и тюркских этносов во времени и в пространстве», посвященный 80-летию со дня рождения профессора В.И. Рассадина
<i>Ноябрь 2019 г.</i>	I Международная научно-практическая конференция «Буддийская цивилизация и духовное наследие народов Евразии: устные и письменные традиции в историко-культурном контексте», приуроченная к 420-летию со дня рождения великого ойратского просветителя, создателя «ясного письма», буддийского монаха Зая-пандиты Намкай Джамцо» (1599-1662)

НОВЫЕ ПУБЛИКАЦИИ

«Недра Калмыкии», научно-практ. конф. (2019; Элиста). Элиста: Изд-во Калм. ун-та, 2019. ISBN 978-5-91458-310-8. 148 с.: ил.

Настоящий сборник содержит материалы IX региональной научно-практической конференции «Недра Калмыкии». Представлены научные статьи студентов, магистров, аспирантов и ученых, содержащие разнообразные сведения по широкому кругу вопросов, касающихся проблем возобновляемых источников энергии, геологии, нефти и газа, региональной географии, геоэкологии, экологии и рационального использования природных ресурсов Прикаспия и Калмыкии.

Скромный великий ученый. Профессор В.И. Рассадин. Элиста: Изд-во Калм. ун-та, 2019. ISBN 978-5-91458-323-8. 248 с. (Серия «Звезды над степью. Калмыкия в событиях и лицах. XX век»).

Предлагаемое издание посвящено жизни и научной деятельности Валентина Ивановича Рассадина, доктора филологических наук, профессора, академика РАН, члена Российского комитета тюркологов, иностранного члена-корреспондента Международного финно-угорского научного общества (г. Хельсинки), заслуженного деятеля науки Бурятской АССР, РСФСР, Республики Калмыкия, передовика науки МНР. Валентин Иванович – один из крупнейших специалистов в области сравнительно-исторического тюрко-монгольского языкознания, известный исследователь малочисленных тюркских языков и диалектов малочисленных народов Саяно-Алтайского региона России и Монголии. Профессор В.И. Рассадин известен как создатель письменности для тюркских тофаларского и сойотского языков и автор букварей и иных школьных пособий для языков. Получил международное признание и как специалист по монгольским языкам, исследователь бурятских говоров и как блестящий переводчик. В книгу вошли воспоминания друзей, коллег, учеников. Дан библиографический указатель трудов ученого. В виде приложения включен фотоархив.

Функционально-семантическое поле модальности (на материале монгольских и тюркских языков): монография / под ред. Г.Ц. Пюрбеева. – Элиста: Изд-во Калм. ун-та, 2019. ISBN 978-5-91458-325-2. 122 с.

В двух разделах книги на материале ряда монгольских (бурятского, калмыцкого, халха-монгольского) и тюркских (алтайского, киргизского, тувинского, уйгурского, хакасского) языков исследуются проблемы реализации разных типов модальности (объективной и субъективной) и лексико-грамматических средств их выражения.

Материалы III Международной научной конференции «Актуальные проблемы монголоведных и алтаистических исследований». Элиста: Изд-во КалмГУ, 2019. ISBN 978-5-91458-324-5. 491 с.

В издание вошли материалы докладов и выступлений ученых, специалистов, аспирантов и студентов из различных городов Российской Федерации, стран ближнего и дальнего зарубежья. В докладах отражаются актуальные проблемы исследований в области монгольских, тюркских языков и иных языков, а также по литературе, фольклору, истории, этнографии этих языков.

Конференция посвящена 80-летию со дня рождения и доктора филологических наук, профессора, директора Научного центра монголоведных и алтаистических исследований Калмыцкого государственного университета В.И. Рассадина, а также 30-летию создания тофаларской письменности и 20-летию создания сойотской письменности.

Формирование здоровьесберегающего пространства современной образовательной среды (ДОУ-школа-вуз): Материалы межрегиональной науч.-практ. конф. – Элиста: Изд-во Калм. ун-та, 2019. – ISBN 978-5-91458-318-4. 160 с.

В издание вошли материалы межрегиональной научно-практической конференции, посвященной 40-летию санатория-профилактория Калмыцкого государственного университета имени Б.Б. Городовикова, состоявшейся 30 мая 2019 г. В статьях отражены актуальные проблемы и вопросы экологического образования, теоретические и методические основы формирования здоровьесберегающего пространства современной образовательной среды в условиях детских садов, общеобразовательных школ, колледжей и высших учебных заведений.

«Один пояс – один путь: образование, наука, культура»: Материалы II международного форума (2019; Элиста) / редкол.: В.О. Имеев и др.. – Элиста: Изд-во Калм.ун-та, 2019. – 215 с.

Сборник содержит материалы докладов и выступлений ученых из вузов Российской Федерации, стран Ближнего и Дальнего зарубежья, академических институтов по вопросам востоковедной лингвистики, истории, культуры, фольклора, вопросам образования и методики преподавания иностранных языков.

Аюшова Ц.Н. Формирование языковой личности младших школьников: лингво-методический аспект. – Элиста: Изд-во Калм. ун-та, 2019. – ISBN 978-5-91458-321-4. 116 стр.

Монография посвящена проблеме формирования младшего школьника как языковой личности как в русле современных лингвистических, лингво-дидактических, лингвокультурологических, психолингвистических исследованиях, так и в методике обучения русскому языку в начальной школе. В монографии проанализирована языковая личность младшего школьника через призму понятий «языковая личность», «компетенция», «компетентность», «языковая компетенция» и «лингвистическая компетенция».

Басангова Т.Г. Животные в калмыцком фольклоре. Элиста: Изд-во Калм. ун-та, 2019. ISBN 978-5-91458-319-1. 2019. 192 с. *На рус. и калм. яз.*

Монографическое исследование посвящено изучению вопросов упоминания животного мира в традиционных жанрах калмыцкого фольклора. В работе использованы полевые и архивные материалы.

Тюмидова М.Е., Уланов М.С. Менталитет калмыцкого этноса: истоки, сущность и специфика: монография. – Элиста: Изд-во Калм. ун-та, 2019. ISBN 978-5-91458-320-7. 120 с.

В монографии рассматриваются актуальные проблемы формирования, сущности и специфики менталитета калмыцкого этноса. Авторы определяют менталитет как культурологическую категорию, отражающую систему элементов духовной жизни, мировосприятие, глубинный психологический слой „социальных общностей. Обращение к менталитету калмыцкого этноса позволит лучше понять своеобразие и сущность культуры калмыков. Значительное внимание в работе уделено религиозным представлениям в системе менталитета калмыков.

Уланов М.С., Бадмаев В.Н. Буддизм в русской философии: традиции и современность: монография. – Элиста: Изд-во Калм. ун-та. 2019. ISBN 978-5-91458-327-6. 142 с.

В монографии рассматривается история изучения и осмысления буддизма в русской философии.

ОБ АВТОРАХ

Авлиев Вячеслав Николаевич	Кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России, документоведения и архивоведения ФГБОУ ВО «Калмыцкий государственный университет им. Б.Б. Городовикова» (bartolomeod@yandex.ru)
Амаева Даглара Владимировна	Кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России, документоведения и архивоведения ФГБОУ ВО «Калмыцкий государственный университет им. Б.Б. Городовикова» (amaevadv@yandex.ru)
Бадмаев Валерий Николаевич	Доктор философских наук, заведующий кафедрой философии и культурологии ФГБОУ ВО «Калмыцкий государственный университет им. Б.Б. Городовикова» (badmav07@yandex.ru)
Бадмаева Зоя Викторовна	Ассистент кафедры русского языка как иностранного и общегуманитарных дисциплин ФГБОУ ВО «Калмыцкий государственный университет им. Б.Б. Городовикова» (zoja.8080@yandex.ru)
Байтанаев Бауыржан Абишевич	Академик Национальной Академии наук РК, доктор исторических наук, генеральный директор Института археологии им. А.Х. Маргулана КН МОН Республики Казахстан (г. Алматы, Казахстан) (bayтанаev@mail.ru)
Бембеева Наталья Александровна	Старший преподаватель кафедры психологии ФГБОУ ВО «Калмыцкий государственный университет имени Б.Б. Городовикова» (natali-elist@mail.ru)
Болгов Николай Николаевич	Доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой всеобщей истории ФГАОУ ВО «Белгородский государственный национальный исследовательский университет (НИУ «БелГУ»)» (bolgov@bsu.edu.ru)
Голубева Евгения Владимировна	Кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка как иностранного и общегуманитарных дисциплин ФГБОУ ВО «Калмыцкий государственный университет им. Б.Б. Городовикова» (lisa101@yandex.ru)

Даржинова Светлана Владимировна	Кандидат педагогических наук, доцент кафедры психологии ФГБОУ ВО «Калмыцкий государственный университет имени Б.Б. Городовикова» (svetlana.darzhinova@gmail.com)
Джагаева Ольга Александровна	Доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории ФГБОУ ВО «Калмыцкий государственный университет им. Б.Б. Городовикова» (jogaeva@mail.ru)
Ергешбаев Азамат Адилевич	Научный сотрудник Института археологии им. А.Х. Маргулана (г. Шымкент, Казахстан) (aza.kz.85@mail.ru)
Кадыркулова Упель Керимбаевна	Кандидат филологических наук, доцент Иссык-Кульского государственного университета имени К.Тыныстанова, г.Каракол, Кыргызстан (upel.kadyrkulova@mail.ru)
Кальдинова Галина Павловна	Кандидат социологических наук, доцент кафедры философии и культурологи ФГБОУ ВО «Калмыцкий государственный университет» им Б.Б. Городовикова (philosoph@kalmsu.ru)
Карбушева Инна Васильевна	Ассистент кафедры русского языка как иностранного и общегуманитарных дисциплин ФГБОУ ВО «Калмыцкий государственный университет им. Б.Б. Городовикова» (karbushevaiv@yandex.ru)
Ковалева Тамара Ивановна	Кандидат педагогических наук, доцент кафедры фольклора и социально-культурной деятельности ФГБОУ ВО «Калмыцкий государственный университет имени Б.Б. Городовикова» (kovalevsergeigr@yandex.ru)
Команджаев Александр Нармаевич	Доктор исторических наук, профессор кафедры истории России, документоведения и архивоведения ФГБОУ ВО «Калмыцкий государственный университет им. Б.Б. Городовикова» (ak.narma@mail.ru)
Кундакбаева Жанат Бековна	Доктор исторических наук, профессор, Казахстанский национальный университет им. аль-Фараби (janbekkun@mail.ru)
Лиджеева Клара Федоровна	Доктор исторических наук, профессор кафедры истории России, документоведения и архивоведения ФГБОУ ВО «Калмыцкий государственный университет им. Б.Б. Городовикова» (lkf1957@mail.ru)

Мамсурова Макка Ширваниевна	Преподаватель кафедры истории Чеченского государственного педагогического университета, г. Грозный (hallima.alieva@mail.ru)
Мацакова Наталья Петровна	Кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России, документоведения и архивоведения ФГБОУ ВО «Калмыцкий государственный университет им. Б.Б. Городовикова» (matsakova_np@mail.ru)
Монраев Михаил Убушаевич	Доктор филологических наук, профессор кафедры калмыцкого языка, монголистики и алтаистики ФГБОУ ВО «Калмыцкий государственный университет им. Б.Б. Городовикова» (kelen@kalmsu.ru)
Мукабенова Жанна Алексеевна	Старший преподаватель кафедры калмыцкого языка, монголистики и алтаистики ФГБОУ ВО «Калмыцкий государственный университет им. Б.Б. Городовикова» (kelen@kalmsu.ru)
Мушаев Владимир Наранович	Доктор филологических наук, профессор кафедры калмыцкого языка, монголистики и алтаистики ФГБОУ ВО «Калмыцкий государственный университет им. Б.Б. Городовикова» (kelen@kalmsu.ru)
Надбитов Мингиян Валерьевич	Аспирант кафедры истории России, документоведения и архивоведения ФГБОУ ВО «Калмыцкий государственный университет им. Б.Б. Городовикова» (nadbitov.91@mail.ru)
Насинова Галина Эрднеевна	Доктор географических наук, профессор кафедры общей биологии и физиологии ФГБОУ ВО «Калмыцкий государственный университет им. Б.Б. Городовикова» (nastinova.ge@yandex.ru)
Овшинов Алексей Николаевич	Доктор социологических наук, профессор кафедры философии и культурологии ФГБОУ ВО «Калмыцкий государственный университет им. Б.Б. Городовикова»
Оконова Людмила Вячеславовна	Кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России, документоведения и архивоведения ФГБОУ ВО «Калмыцкий государственный университет им. Б.Б. Городовикова» (okonova.lv@gmail.com)

Олчанова Цаган Валерьевна	Кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России, документоведения и архивоведения ФГБОУ ВО «Калмыцкий государственный университет им. Б.Б. Городовикова» (tsagana2@yandex.ru)
Очирова Нюдля Четырвна	Кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры калмыцкой литературы и журналистики ФГБОУ ВО «Калмыцкий государственный университет им. Б.Б. Городовикова» (ochirnudlya@mail.ru)
Пурэвсүрэн Б.	Профессор, директор Института философии Монгольской академии наук
Синица Марина Михайловна	Аспирант НИУ «БелГУ» (sinitcam@yandex.ru)
Сусеева Данара Аксеновна	Доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и общего языкознания ФГБОУ ВО «Калмыцкий государственный университет им. Б.Б. Городовикова» (suseeva@gmail.com)
Торопицын Илья Васильевич	Кандидат исторических наук, Астраханский государственный университет, кафедра истории России, доцент (itoropitsyn@mail.ru)
Усалко Олег Владимирович	Кандидат политических наук, доцент кафедры философии и культурологии ФГБОУ ВО «Калмыцкий государственный университет им. Б.Б. Городовикова» (philosoph@kalmsu.ru)
Цуцулаева Сапийат Сайпуддиновна	Кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой истории древнего мира и средних веков Чеченского государственного университета, г. Грозный (sapiyat_univ@mail.ru)
Шанаева Людмила Бадмаевна	Кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков, межкультурной коммуникации ФГБОУ ВО «Калмыцкий государственный университет им. Б.Б. Городовикова» (shanaeva_lb@mail.ru)
Шарапова Нина Николаевна	Кандидат педагогических наук, доцент кафедры калмыцкой литературы и журналистики ФГБОУ ВО «Калмыцкий государственный университет им. Б.Б. Городовикова» (sharapova.7887@mail.ru)

Шаяхметов
Анатолий Хайрутдинович

Научный сотрудник Института археологии
им. А.Х. Маргулана (г. Алматы, Казахстан)
(toliktommy@gmail.com)

Эрендженова Юлия Юрьевна

Ассистент кафедры философии и культурологи
ФГБОУ ВО «Калмыцкий государственный
университет им.Б.Б. Городовикова»
(yulia.er16@gmail.com)

ABOUT THE AUTHORS

Amaeva Daglara	Candidate of Historical Sciences, Assistant Professor of the Department of History, Records management and Archival studies, Kalmyk State University named after B.B. Gorodovikov (amaevadv@yandex.ru)
Avliev Vyacheslav	Candidate of Historical Sciences, Assistant Professor of the Department of History, Records management and Archival studies, Kalmyk State University named after B.B. Gorodovikov (bartolomeod@yandex.ru)
Badmaev Valery	Doctor of Philosophy, Head of the Department of Philosophy and Cultural Study, Kalmyk State University named after B.B. Gorodovikov (badmav07@yandex.ru)
Badmayeva Zoya	Assistant of the Department of Russian as a foreign language and General humanitarian disciplines, Kalmyk State University named after B.B. Gorodovikov (zoya.8080@yandex.ru)
Baytanaev Bauyrzhan	Academician of National Academy of Sciences of RK, doctor of historical sciences, CEO of Institute of archeology named after Margulan A.K. of SC of MES of the Republic of Kazakhstan (Almaty, Kazakhstan) (baytanaev@mail.ru)
Bembeeva Nataliya	Senior lecturer of the department of Psychology, Kalmyk State University named after B.B. Gorodovikov (natali-elist@mail.ru)
Bolgov Nicolai	Doctor of history, professor, head of general history department of Belgorod state national research university (bolgov@bsu.edu.ru)
Darzhinova Svetlana	Candidate of Pedagogical Sciences, Assistant Professor of the department of Psychology, Kalmyk State University named after B.B. Gorodovikov (svetlana.darzhinova@gmail.com)
Dzhagaeva Olga	Doctor of historical Sciences, Professor of the Department of General history, Kalmyk State University named after B.B. Gorodovikov (jogaeva@mail.ru)

Erendzhenova Yulia	Assistant of the Department of philosophy and culture, Kalmyk State University named after B.B. Gorodovikov (yulia.er16@gmail.com)
Ergeshbayev Azamat	Research associate of institute of archeology named after A.K. Margulan (Shymkent, Kazakhstan) (aza.kz.85@mail.ru)
Golubeva Evgenia	Candidate of Philology, associate Professor of the Department of Russian as a foreign language and General humanitarian disciplines of Kalmyk State University named after B.B. Gorodovikov (lisa101@yandex.ru)
Kadyrkulova Upel	Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of Issyk-Kul state University named after K. Tynystanov, city of Karakol, Kyrgyzstan (upel.kadyrkulova@mail.ru)
Kaldinova Galina	Candidate of Sociological Sciences, Assistant Professor of the Department of Philosophy and Cultural studies, Kalmyk State University named after B.B. Gorodovikov (philosoph@kalmsu.ru)
Karbusheva Inna	Assistant of the Department of Russian as a foreign language and humanitarian subjects, Kalmyk State University named after B.B. Gorodovikov (karbushevaiv@yandex.ru)
Komandzhaev Alexander	Doctor of historical Sciences, Professor, Department of history, records management and archival, Kalmyk State University named after B.B. Gorodovikov (ak.narma@mail.ru)
Kovaleva Tamara	Candidate of Pedagogical Sciences, Assistant Professor of the department of Folklore and Socio-Cultural activity, Kalmyk State University named after B.B. Gorodovikov (kovalevsergeigr@yandex.ru)
Kundakbayeva Janat	Doctor of Historical Sciences, Professor, Kazakhstan National University Al-Farabi (janbekkun@mail.ru)
Lidgeeva Clara	Doctor of historical Sciences, Professor, Department of history, records management and archival studies, Kalmyk State University named after B.B. Gorodovikov (lkf1957@mail.ru)

Mamsurova Makka	Teacher of the Department of history of the Chechen state pedagogical University, Grozny (hallima.alieva@mail.ru)
Matsakova Nataliya	Candidate of Historical Sciences, Assistant Professor of the Department of History, Records management and Archival studies, Kalmyk State University named after B.B. Gorodovikov (matsakova_np@mail.ru)
Monraev Michael	Doctor of Philological Sciences, Professor of the Department of the Kalmyk language, Mongol and Altai studies, Kalmyk State University named after B.B. Gorodovikov (kelen@kalmsu.ru)
Mukabenova Jeanne	Senior lecturer, Kalmyk State University named after B.B. Gorodovikov (kelen@kalmsu.ru)
Mushaev Vladimir	Doctor of Philological Sciences, Professor of the Department of the Kalmyk language, Mongol and Altai studies, Kalmyk State University named after B.B. Gorodovikov (kelen@kalmsu.ru)
Nadbitov Mingiyan	Postgraduate Student of the Department of History, Records management and Archival studies, Kalmyk State University named after after B.B. Gorodovikov (nadbitov.91@mail.ru)
Nastinova Galina	Doctor of geographical Sciences, Professor of the Department of General biology and physiology, Kalmyk state University named after B.B. Gorodovikov (nastinova.ge@yandex.ru)
Ochirova Nudlya	Candidate of Philological Sciences, Senior lecturer, Kalmyk State University named after B.B. Gorodovikov (ochirnudlya@mail.ru)
Okonova Lyudmila	Candidate of Historical Sciences, Assistant Professor of the Department of History, Records management and Archival studies, Kalmyk State University named after B.B. Gorodovikov (okonova.lv@gmail.com)
Olchanova Tsagan	Candidate of historical Sciences, associate Professor of the Department of history, Records management and Archival studies, Kalmyk State University named after B.B. Gorodovikov (tsagana2@yandex.ru)

Ovshinov Alexey	Doctor of sociology, Professor of the Department of philosophy and cultural studies, Kalmyk State University named after B.B. Gorodovikov
Purevsuren Byambakhishig	Professor, Director Of the Institute of philosophy of the Mongolian Academy of Sciences
Shanaeva Ludmila	Candidate of philological Sciences, associate Professor of the Department of foreign languages, intercultural communication, Kalmyk State University named after B.B. Gorodovikov (shanaeva_lb@mail.ru)
Sharapova Nina	Candidate of Pedagogical Sciences, Assistant Professor, Kalmyk State University named after B.B. Gorodovikov (sharapova.7887@mail.ru)
Shayakhmetov Anatoly	Research associate of institute of archeology named after A.K. Margulan (Almaty, Kazakhstan) (toliktommy@gmail.com)
Sinita Marina	Post-graduate of Belgorod state national research university (bolgov@bsu.edu.ru)
Suseeva Danara	Doctor of Philology, professor, Kalmyk State University named after B.B. Gorodovikov (suseeva@gmail.com)
Toropitsyn Ilya	PhD in history, Astrakhan State University, assistant professor (itoropitsyn@mail.ru)
Tsutsulaeva Sapiyat	Candidate of historical Sciences, associate Professor, head of the Department of history of the ancient world and the middle ages of the Chechen state University, Grozny (sapiyat_univ@mail.ru)
Usalko Oleg	Candidate of Political Sciences, Assistant Professor of the Department of Philosophy and Cultural studies, Kalmyk State University named after B.B. Gorodovikov (philosoph@kalmsu.ru)

CONTENTS

HISTORICAL SCIENCES AND ARHEOLOGY

- Avliev V.N., Nadbitov M.V.*
LABOR ISSUES FOR KALMYKS DEPORTED TO EASTERN PART
OF THE SOVIET UNION (on the example of Omsk Oblast) 6
- Amaeva D.V., Matsakova N.P., Okonova L.V.*
ECOLOGICAL ASPECTS OF THE HOUSEHOLD IN KALMYK STEPPE
OF ASTRAKHAN GOVERNORATE IN THE XIX-th CENTURY 13
- Baitanayev B.A., Yergeshbayev A.A., Shayakhmetov A.Kh.*
THE ROLE OF SENTINELS IN FORTIFICATION
OF THE SOUTHERN KAZAKHSTAN 21
- Bolgov N.N., Sinita M.M.*
EVERYDAY LIFE OF THE DIGNITARIES IN THE eASTERN ROMAN EMPIRE
IN THE VI CENTURY (BASED ON JOHN LYDUS) 30
- Dzhagaeva O.A.*
HISTORY OF THE FORMATION OF A REGULATORY LEGAL
FRAMEWORKFOR RUSSIAN-MONGOLIAN BORDER COOPERATION
IN THE 1990s – AT THE BEGINNING OF THE 2000s 41
- Komandzhaev A.N., Lidgeeva C.F., Olchanova Ts.V.*
THE WORK IN EDUCATIONAL SPHERE IN NATIONAL REGIONS
OF SOUTHERN RUSSIA DURING THE FORMATION
OF SOVIET SOCIETY (1920s – 1930s)..... 47
- Nastinova G.E.*
NOMADIC CATTLE BREEDING AS THE BASIS
OF THE LIFE SUPPORT SYSTEM OF THE KALMYK PEOPLE 55
- Toropitsyn I.V., Suseeva D.A., Kundakbayeva J.B.*
SHAKY WORLD: KAZAKH-KALMYK RELATIONS
IN THE BEGINNING OF THE 1740s 63
- Tsutsulaeva S.S., Mamsurova M.Sh.*
THE WORK OF THE ORGANIZING COMMITTEE FOR ESTORATION
OF THE CHECHEN-INGUS ASSR IN 1957-1958. (IN THE FIELD
OF ECONOMIC CONSTRUCTION AND CULTURAL EDUCATION)..... 69

PHILOLOGICAL SCIENCES

- Badmayeva Z.V., Golubeva E.V., Karbusheva I.V.*
REPETITIONS (RHETORICAL DEVICE)
IN KALMYK AND RUSSIAN GOOD WISHES 78

<i>Kadyrkulova U.K., Monraev M.U., Mushaev V.N.</i> HOW THE WRITING SYSTEM EVOLVED IN SOVIET PERIOD (ON THE EXAMPLE OF THE KALMYK AND KYRGYZ LANGUAGES).....	85
<i>Ochirova N.Ch., Mukabenova J.A., Sharapova N.N.</i> WORDS DENOTING TRADITIONAL KALMYK FOOD (ETHNIC AND LINGUISTIC ASPECTS)	93
<i>Shanaeva L.B.</i> SOME MEANS OF INFLUENCE USED IN POLITICAL TEXTS (KALMYK-RUSSIAN-ENGLISH EQUIVALENTS)	100

PHILOSOPHICAL SCIENCES

<i>Badmaev V.N., Purevsuren B.</i> THE PHENOMENON OF IDENTITY AND ETHNOCULTURAL DIVERSITY OF PEOPLES IN THE REGION (ON THE MATERIALS OF SOCIOLOGICAL RESEARCH CARRIED OUT IN THE REPUBLIC OF KALMYKIA)	108
<i>Darzhinova S.V., Kovaleva T.I., Bembeeva N.A.</i> PHILOSOPHICAL VIEW ON NETWORK EDUCATIONAL ACTIVITY	115
<i>Ovshinov A.N.</i> PARADOXES OF MORAL BEHAVIOR IN THE WORLD POLITICAL PROCESS (THE ISSUE OF «DOUBLE STANDARDS» IN CONTEMPORARY POLITICS)	122
<i>Usalko O.V., Kaldinova G.P.</i> GENDER EQUALITY AND BUDDHIST CULTURE.....	134
<i>Erendzhenova Yu. Yu.</i> INTENTIONS OF CONSCIOUSNESS OF OIRATS AND TIBETANS IN THE PROCESS OF THEIR RELIGIOUS INTERACTION	141
ABOUT THE AUTHORS	156

ТРЕБОВАНИЯ К СТАТЬЯМ, ПРЕДСТАВЛЯЕМЫМ В РЕДКОЛЛЕГИЮ ЖУРНАЛА «ВЕСТНИК КАЛМГУ»

1. Для издания принимаются ранее не опубликованные в других печатных или электронных изданиях авторские материалы – научные статьи, обзоры, рецензии, отзывы, соответствующие научным специальностям: исторические науки и археология, филологические науки, философские науки.

2. Автором (ами) в редакцию предоставляется обязательный печатный и идентичный ему электронный пакет документов:

– текст статьи на русском или английском (с переводом) (печатный вариант статьи подписывается всеми авторами);

– анкета автора (и соавторов);

– заявление автора о праве использования научной статьи в рецензируемом журнале;

– справка с места учебы (для аспирантов).

В статью должно быть включено следующее:

– индекс УДК (располагается в начале научной статьи отдельной строчкой слева);

– индекс ББК (располагается в начале научной статьи отдельной строчкой слева);

– фамилия, имя, отчество полностью на русском и английском языках;

– ученая степень, ученое звание, наименование и шифр научной специальности (по номенклатуре), по которой автор проводит диссертационное исследование, на русском и английском языках;

– аспирантами, докторантами, соискателями, преподавателями вузов указывается кафедра, учебное заведение (магистранты указывают направление подготовки) на русском и английском языках;

– должность, место работы, город, страна на русском и английском языках;

– e-mail;

– название статьи на русском и английском языках (заглавными буквами, шрифт TNR 14, выравнивание по центру);

– аннотация на русском и английском языках (шрифт TNR 14, начертание – курсив, выравнивание по ширине, не менее 600–800 знаков без пробелов);

– ключевые слова на русском и английском языках (10–12 слов или словосочетаний из двух или трех слов, через запятую, шрифт TNR 14, начертание – курсив, выравнивание по ширине);

– статья должна содержать список литературы (15–30 позиций). На каждую статью или монографию должна иметься отсылка в тексте статьи.

Требования к оформлению текста:

Объем текста статьи от 20 000 до 25 000 знаков, включая пробелы.

Набор текста осуществляется в формате MS Word. Гарнитура шрифта Times New Roman. Размер основного шрифта – 14 кегль. Межстрочный интервал для текста – одинарный. Абзацный отступ 1,25 одинаковый по всему тексту. Отбивка абзацного отступа пробелом и клавишей Tab не допускается. Формат страницы А4. Поля страницы (верхнее, нижнее, правое, левое) – 2 см. Текст набирается без переносов, режим «выравнивания по ширине».

Иллюстрации (рисунки, графики) располагаются в тексте статьи и выполняются в одном из графических редакторов (формат tif, jpg в градации серого), с соблюдением ГОСТ 2.304–81 ЕСКД «Шрифты чертежные». Допускается создание и представление графиков при помощи табличных процессоров «Excel». Рисунки и фотографии должны иметь контрастное изображение. Графики, таблицы и рисунки: черно-белые, без цветной заливки. Допускается штриховка.

Формат рисунка не более 12 см по ширине, толщина линий в рисунках не менее 0,75 pt. Рисунки, включающие текст, цифровые или буквенные обозначения, набираются соответствующим текстом шрифтом, индексом – не меньше 8 pt.

Под рамкой рисунка на расстоянии не менее 1 см располагается его номер и подписуемая подпись.

Рисунки в тексте статьи должны быть также выполнены отдельно в формате tif или jpg, иметь единую нумерацию и прилагаться к электронному варианту статьи.

Таблицы оформляются по форме: слово «Таблица» в правом верхнем углу, номер таблицы цифрами (если их более одной), название с большой буквы форматируется по центру таблицы. Содержимое ячеек следует располагать по центру. Если таблица занимает более одной страницы, ниже шапки таблицы на первой странице располагается строка нумерации колонок – по порядку слева направо, вторая и последующая страницы начинаются словами «Продолжение таблицы», далее повторяется строка нумерации. Таблицы размером менее одной страницы разрывать не следует. Размеры ячеек и таблицы в целом следует по возможности минимизировать. В таблице указываются единицы измерения, погрешность. Таблицы должны иметь единую нумерацию. В тексте формируется отсылка к таблице.

Библиографический список (References) оформляется после основного текста статьи на русском и английском языке (шрифт Times New Roman, начертание для заголовка – прописной жирный, кегль 14; для списка – строчный, кегль 14).

Редакция сообщает автору о решении по поводу публикации. В случае отрицательной рецензии редакция направляет автору рукописи мотивированный отказ. Рукописи по почте не возвращаются.

Аспиранты публикуют свои работы на бесплатной основе.

Более подробно с требованиями к статьям можно ознакомиться на сайте Калмыцкого государственного университета: <http://www.kalmsu.ru>.

«Вестник Калмыцкого университета» (возрастная категория 12+) издается для широкого ознакомления научной общественности с достижениями научных школ Калмыцкого государственного университета. В журнале публикуются результаты научных исследований по истории, филологии, философии. Авторами «Вестника КалмГУ» могут быть преподаватели, научные сотрудники и аспиранты университета, а также другие ученые, активно сотрудничающие с университетом.

Журнал «Вестник КалмГУ»
включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ).

Адрес редакции, издателя и типографии:

ФГБОУ ВО «Калмыцкий государственный университет им. Б.Б. Городовикова»
358000 г. Элиста, улица Пушкина, 11. Тел./факс: (847-22) 4-02-97
E-mail: vestnik@kalmsu.ru
Страница журнала на сайте КалмГУ:
http://kalmsu.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=772&Itemid=331

Подписной индекс **51698**.

Журнал зарегистрирован
в Управлении Федеральной службы по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций
по Волгоградской области и Республике Калмыкия
(свидетельство о регистрации средства массовой информации
ПИ № ТУ34-00731 от 8 апреля 2016 г.)

Научный журнал

ВЕСТНИК
Калмыцкого университета

№4(44)/2019

Подписано в печать 27.12.2019 г.
Дата выхода в свет 30.12.2019 г.

Формат 70x108/16. Усл. печ. л. 14,35.
Тираж 300 экз. Заказ №4262. Цена свободная.

ФГБОУ ВО «Калмыцкий государственный университет им. Б.Б. Городовикова»
358000 г. Элиста, ул. Пушкина, 11. Тел./факс: (84722) 39014